

3 3433 06703147 0

Чулков

Чулков

РУСКІЯ СКАЗКИ

СОДЕРЖАЩІЯ:

Древнѣйшія Повѣствованія о славныхъ Богатыряхъ, Сказки народныя, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти Приключенія.

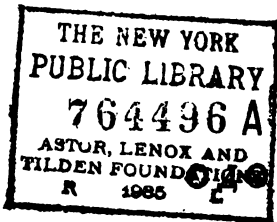
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи.
у Н. Новикова, 1780 года.

PRINTED IN RUSSIA.

ОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго
Москоускаго Университета Господь
Куратородь, я читалъ книгу подь
заглапемь Рускія Сяски Часть III, и
не нашелъ въ нѣхъ ничего противнаго
настапленію, данному мнѣ о раз-
сматриваніи печатаемыхъ въ Уни-
верситетской Типографіи книгъ, по-
чему оная напечатана быть мо-
жетъ. Коллежскій Соуптникъ, Красно-
рѣчія Профессоръ и Ценсоръ печата-
емыхъ въ Университетской Типогра-
фій книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУССКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

Продолженіе Гассановыхъ приключеній.

Лодка, въ которой Гассанъ продолжалъ путь свой, съ равною быстростию разсѣкала воды Окіяновы, какъ пущенная изъ лука стрѣла. Свистъ вѣтровъ, и шумъ волнъ, ударяющихся о утесы каменныхъ горъ, вознесенныхъ на поверхность моря, по пути, гдѣ онъ ѣхалъ, составляли звукъ ужасный для ушей его. Но онъ, наполненный желанія достигнуть острова, въ которомъ хранился мечъ Вирстоновъ, презиралъ всѣ оласности, и ободрялъ надеждою полученія во власть свою

W. S. L.
JAN 18 1935

поликаго сокровища, препенущее свое сердце. Желаніе имѣть у себя что нибудь опмѣнное предъ другими, еспь спрасъ сродная человѣкамъ. Мы нерѣдко для насыщенія необузданныхъ желаній, даемъ въ меньшія опасности, каковъ былъ путь Гассановъ. Хорошо бы было, еспли бы человѣкъ почаще призывалъ на помощь шакъ свой разумъ, какъ онъ свою книгу. Онъ можетъ хотя не въ стихахъ, а въ прозѣ, вливалъ въ наши мысли предразсужденіе о вредности гонящихся за вещами непопозволенными, и шѣмъ полагалъ бы предѣлы нашимъ стремленіямъ. Но обыкновенно, когда овладѣешь спрасъ, тогда разумъ не помогаетъ.

Чѣмъ далѣе проплывалъ Гассанъ пушемъ: шѣмъ меньше ужасны становились окружающія его мѣста. Вѣтры замолкли, и сдѣлали на успокоившемся морѣ поверхность подобную зеркалу. Солнце,

це, имѣющее въ пѣхъ странахъ печеніе свое къ землѣ ближе, ударило полнымъ блескомъ лучей въ море, и составляло въ ономъ изображеніе тѣмочисленныхъ радугъ. Обишатели дна неизмѣримыхъ водъ, Сирены, появились въ множествѣ округъ его лодки, покрытыя вѣнками изъ морскихъ произрастѣній. Въ рукахъ держали они коралковыя вѣнчи. Красота ихъ и пріятность пѣнія вводили Гассана въ сладкое чувствованіе. Глаза его и уши, заняты были вниманіемъ таковыхъ рѣдкостей. Дельфины и прочія мѣлкіе водные звѣри играли по разнымъ мѣстамъ. Плавающія и летающія птицы соединяли нѣжныя голоса свои съ пѣніемъ Сиренъ. Такое прелестное послѣдованіе спутешествовало Гассану, который забывалъ самъ себя, упоенный радостію. Но скорость плаванія его сокрыла наконецъ все сіе удовольствіе изъ вида, и предстала въ дали таковую мрачную

А 3

пѣнь,

тѣнь, какъ бы ночь, уступающая свѣту, оставляла земный кругъ, и покоилась въ томъ мѣстѣ во время дня. Не успѣвъ онъ вперить взоры на разсмотрѣнiе причины оныхъ тѣмъ: лодка его, обернувшись три раза въ кругъ, остановилась; лебеди, завернувъ головы подъ крылья, предались сну. Неизвѣстно, робость ли или удивленiе больше имъ тогда овладѣло. Но нельзя не смущиться въ такихъ перемѣнахъ. Онъ прибѣгъ къ своей книгѣ. Но вынимая оную увидѣвъ издали нѣчто къ себѣ приближающееся съ великою скоростiю. Сiе были двенадцать Трипоновъ или морскихъ мушинъ, несущихъ на себѣ носильную колесницу, сдѣланную изъ жемчужныхъ раковинъ. Оныя остановились близъ самой его лодки, и неизвѣстнымъ языкомъ говорили то, чего онъ не разумѣлъ; но знаки ихъ и шѣлодвиженiя изъясняли ему, что они просятъ его свѣсть къ себѣ въ лодку. Гассанъ
смя-

смятенный шоль различными въ одно время явленіями, не зналъ, что заключишь. Онъ разогнулъ свою книгу, и читалъ слѣдующее:

*сумѣные отлежа, садися ты къ Тритонамъ.
На дно моря спустися, тамъ пѣмъ конецъ
препоамъ.*

Сего довольно было утвердить его въ намѣреніи, согласишься на прозбу морскихъ мушинъ. Онъ оставилъ лодку, которая въ тоже мгновеніе исчезла съ лебедьми, и сѣлъ въ носилки. Съ равною скоростью, какъ плыла лодка, понесли Гассана сіи Окіянскіе поселяне, и меньше четверти часа былъ онъ на мѣстѣ шмы. Вѣчная ночь, обитавшая на томъ пространствѣ, принудила его взять приближище къ карбункулю, который и свѣтилъ ему чрезъ всю дорогу, продолжаемую имъ въ темнотѣ. Нѣсколько спусти, Трипоны остановились, и Гассанъ увидѣлъ, что тѣма начинала исчезать. Но воды вмѣсто

шого спали кипѣть, какъ бы были они въ коплѣ, стоящемъ на великомъ жару; пошомъ поднимаясь къверху, сдѣлались въ округъ его подобіемъ стѣнъ и сводовъ. Въ семъ водяномъ зданіи примѣшилъ онъ перилы изъ той же стихіи, и среди оныхъ сходъ по ступенямъ во глубину. Между тѣмъ, какъ удивлялся онъ сему чрезвычайному виду, Тришоны взявъ его подъ руки, высадили изъ носилокъ, оставили и скрылись. Спрахъ утонушь, напалъ на него; но къ удивленію ошупалъ онъ ногами, что прозрачный полъ былъ подъ нимъ столькожъ твердъ, какъ бы построенный изъ крѣпкаго металла. Онъ ободрился, и заключилъ сойти по ступенямъ на дно Окіяново. Привыкши къ чрезвычайнымъ случаямъ, безъ ужаса исполнилъ сіе намѣреніе. Онъ шель чрезъ нѣсколько тысячъ ступеней въ пространное поле, ошъ кошораго отдѣленная вода зем-

земли не касалась. Воздухъ въ ономъ мѣстѣ былъ столько же свѣжъ, какъ на поверхности земнаго шара, и свѣтъ не уступалъ шуму ясностию дню. Поле оное песпрѣлось отъ прекрасныхъ, испускающихъ благовоніе цвѣтовъ и древесъ, совсѣмъ опмѣннаго вида, пропиву находящихся на поверхности земли. Онъ прошелъ нѣсколько насыщая зрѣніе пріятностию мѣстоположенія, какъ увидѣлъ огромное зданіе, превосходящее великолѣпіемъ чертоги Царей Индійскихъ. Онъ направилъ шествіе свое къ оному, желая въ близи разсмотрѣть сей предметъ своего удивленія, и узнать, кому оный надлежитъ.

Приблизясь къ оному, увидѣлъ, что то былъ замокъ, коего стѣны состояли изъ чистаго восточнаго хрустала. Входъ во оный имѣлся сквозь врата чистаго золота, сдѣланныя преискусною работою. Онъ не останавливался для разсмотрѣ-

нія лицъ, выработанныхъ на при- шворахъ , и пошелъ во внутрь. Спругущіе воропы два спрашныя морскіе льва, уклонились въ споро- ны, и дали ему свободный пущь.

Все, на что ни взиралъ Гас- санъ, служило къ умноженію любо- пытства его. Сполькожъ драгоцѣн- ностей, сколько пышной огром- ности, и рѣдкаго искусства, соспа- вляли внутреннее украшеніе сего зѣмка. Площадь въ немъ высплана была шахматнымъ видомъ, изъ зе- леныхъ изумрудовъ и лаловъ. По срединѣ оныя стоялъ водометъ, изображающій Парнасскую гору, сдѣ- ланную изъ цѣльнаго синяго яхон- та. На вершинѣ ея виденъ былъ крылатый конь Пегасъ, такъ какъ бы поднимался онъ лептѣть во все- ленную. Изъ подъ ногъ его текла вода источникомъ по позлащен- нымъ скапамъ. Аполлонъ стоялъ тамъ съ своею лирою, которая согласіе приводитъ и безсмерп- ныхъ въ восхищеніе. У ногъ его
лъ.

лѣжалъ лукъ съ стрѣлами, и крупъ убитаго имъ чудовища Пифона. Девять Музъ его окружали, и подведенные внутри органы, дѣйстви- емъ воды произносили звукъ пре- огромнаго хора; что казалось про- исходящимъ отъ музыкальныхъ орудій, въ рукахъ ихъ держимыхъ. Пониже, гдѣ упадала вода шамош- ней Ипокрены, видимо было мно- жество восходящихъ Стихошвор- цовъ, изъ коихъ иные, казалось, пили Каспальскія воды, а иные напиившись, шли по трудному пути горы, выше и выше, и каждый изъ нихъ дѣйствиемъ шѣхъ же органовъ соединялъ сладкое пѣніе, съ хо- ромъ Парнасской музыки. Многіе изъ нихъ ползли какъ раки, нѣ- которые отъ подошвы горы, за- отбыніемъ Парнаскаго коня, ѣха- ли на ослахъ и коровахъ. Въ са- момъ же низу горы, гдѣ Ипокрена смѣшала чистыя свои токи, съ бо- лотною водою, видна была толпа меньшія спашьи Стихошворцевъ,
кои

кои, глотая мутную воду, запарывали горло; но силою сихъ спруй побуждаемые къ пѣнію, произносили крикъ, сходствующій на испускаемый свиньями предъ ненастной погодою. Гассанъ, взглянувъ на послѣднихъ, усмѣхнулся, и подумалъ въ себѣ: много и у насъ въ Аспарханѣ пѣвцовъ, бывшихъ у подошвы сего водомема.

Осмотря рѣдкое сіе художество, возвелъ онъ взоръ свой на полаты, испощившія на себя все искусство, превосходящее труды человѣческихъ рукъ. Золото, серебро, и всѣ драгія вещи употреблены были, чпобъ учинить изъ сего дома невообразимое мыслямъ великолѣпіе. Цѣлый алый яхонтъ, соспавлялъ кровлю онаго. — Но я пройду описаніе несравненной работы испукановъ и образовъ писанныхъ, видѣнныхъ Гассаномъ во внутренности дома, чпобъ не приключить скуки читателю, а скажу только, что онъ, насыщая зрѣніе бле-

блескомъ рѣдкостей, прошелъ мно-
жество комнатъ, не примѣня ни-
кого въ нихъ живущаго. Сіе нане-
сло ему разныя мысли. На что,
думалъ онъ, собрано здѣсь споль-
ко драгоценностей, когда оныхъ
употребляшь нѣкому? Не скупой
ли какой волшебникъ сокрылъ сю-
да плоды своей несыпоспи? . . .
Здѣсь должно бысть чему нѣсть
чрезвычайному. — Сіи мысли его
были прерваны. Онъ услышалъ въ
ближней комнатѣ испущенный шаж-
кій вздохъ, и за онымъ послѣдо-
вавшія сіи, помнымъ голосомъ про-
износимыя слова: „ Несчастный Свѣ-
„ помилъ! долго ли не перестанетъ
„ надъ тобою свирѣпствовать гнѣв-
„ ная судьбина? Будетъ ли конецъ
„ мукамъ, ежеминутно угнѣтаю-
„ щимъ сраженное твое сердце? . . .
„ Уже ли ты, злобный Рукманъ,
„ насыпилъ варварство свое мо-
„ ими спрданіями? . . . Дражай-
„ шая Всемима! открой глаза, о-
„ живи злощаснаго твоимъ прі-
„ ятымъ

„Япнымъ взоромъ „ . — Услышавъ сіе, заключилъ Гассанъ, что человекъ оный долженъ быть очень несчастенъ, естли терпитъ гоненіе свирѣпаго Рукмана. О! извергъ человѣческаго рода! вскричалъ Гассанъ, долго ли терпишь небесамъ твою злобу? Для чего земля носитъ и не поглотитъ тебя, разверзшись, въ свои пропасти? Лютошь твоя простирается въ концы земли, и наполняетъ вселенную слѣдами твоего варварства. Помогите, боги, чтобъ я могъ быть орудіемъ, имѣющимъ наказать тебя за всѣ мерзкія дѣла твои. . . . Должно посмотришь, кто потъ несчастный, коего я слышалъ голосъ; не можно ли ему помочь. — Съ словомъ симъ отворилъ онъ двери въ комнату, изъ которой происходилъ стонъ. По входѣ во оную, увидѣлъ онъ на софѣ сидящаго нагова человека. Тѣло его съ верьху до пояса было обыкновенное человеческое, а отъ пояса желѣзное.

Близъ

Влизѣ его стояла кровать, и на оной лежала женщина великой красоты. Смертная блѣдность, покрывающая лице ея, не могла закрыть сянїя ея прелестней. Слабое дыханіе, и шокмо подымающіеся временемѣ глаза, были единственные знаки, что душа обитаетъ еще въ ея тѣлѣ.

Гассанѣ, удивясь сему необычайном увиду, стоялъ задумавшись; но потѣ молодой полужелѣзный человекѣ, прервалъ его размышленіе, сказавъ: Кто бы ты ни былъ, незнакомый, бѣги сего мѣста, въ коемѣ жизнь твоя въ опасности. Особливое несчастіе пушепроводительствовало себя въ сей очарованный замокъ, опредѣляя твою гибель. Домѣ сей есть мѣсто злополучія. Злоба чародѣя Рукмана обратила оный въ адѣ. Спасайся, доколѣ еще можно. — Не заботься о мнѣ, несчастный Свѣтомилѣ! Я думаю, такѣ тебя зовутѣ, поелику не сумнѣваюсь, чтобѣ не твой я слышалъ

шалъ голосъ. Рукманъ мнѣ вредить не можетъ. Благодарю небо, приведшее меня, можетъ быть, къ прекращенію пвоихъ несчастій. Я ищу случаевъ мспить злобу Рукманову, и воспрещать его варварству. Власть Философическаго камня, и стрѣлы Вирспоновы, коими я обладаю, дѣлають меня отъ чародѣйствъ его безопаснымъ. Вѣдай, что я потъ Кабалистъ Гассанъ, подвергающій неслыханнымъ опасностямъ жизнь свою, для того только, чтобъ лишить оныя Рукмана, и чтобъ съ погибелью его очистишь свѣтъ отъ столь мерзскаго чудовища.

При сихъ словахъ надежда и радость изобразилась на смупномъ Свѣпомилловомъ лицѣ. Онъ силился вспашь, чтобъ бросишься къ ногамъ Гассановымъ; но желѣзныя его нѳги дѣлали его неподвижнымъ. Великодушный Гассанъ! говорилъ онъ, да продлишь небо дни твои, и дасшь добродѣтельнымъ намъ-

намѣреніямъ своимъ успѣхъ. Но я сомнѣваюсь, чѣмъ бѣды мои могли конецъ принять. Частъ моя кажется одна изъ жесточайшихъ на свѣтѣ. При семъ слѣзы пресѣкли голосъ, и запекшіяся уста связали языкъ его. — Успокойся Свѣтомилъ, сказалъ Гассанъ, приди въ себя, и расскажи мнѣ промъ приключенія, чѣмъ я маю до онымъ заключишь о судьбѣ своей.

Собравъ истощенныя силы, Свѣтомилъ началъ. Повтореніе бѣдъ своихъ послужитъ къ умноженію моихъ горестей, и отворитъ новыя раны въ уязвленномъ моемъ сердцѣ. Но какъ вы входите въ состраданіе о моихъ злоключеніяхъ, и исполню ваше желаніе. —

Приключенія Свѣтомила.

Родъ мой обиталъ въ столичномъ древнихъ Рускихъ Государей городѣ, Старомъ Славенскѣ, ко-
Часть III. *В* *порый*

шорый, по перенесеніи на новое мѣ-
сто, названъ Новградъ. Предки
мои происходили отъ знаменитыхъ
Боярѣ, служившихъ при Дворѣ Ве-
ликихъ Князей Славена и Руса.
Родъ нашъ, время отъ времени
приходя въ упадокъ, учинился на-
конецъ такъ бѣденъ, что дѣдѣ
мой принужденъ былъ приняпсья
за торги, и сыскивать трудами
своими себѣ пропитаніе. Онъ у-
меръ, оставя въ наслѣдіе отцу мо-
ему Святобою малое имѣніе, и
пошѣ же промыслѣ. Тогда въ Ру-
си купечество было еще въ ново-
сти. Опечество наше, пріобыкшее
къ трудамъ военнымъ, искало сла-
вы своей въ оружіи и покореніи на-
родовъ; и Варяги однородцы наши
были первые, кои дали намъ по-
нятіе о семъ нужномъ для обще-
ства обращеніи. Оспроша и по-
нятіе, которыми одарила Россію
природа, сдѣлали, что вскорѣ рѣ-
ка Волховъ, озера Илмень и Ладож-
ское, покрылись мореходными ку-
пече-

печескими судами. Опецъ мой при-
лѣжаніемъ своимъ собралъ столько,
что могъ построить пять судовъ,
на коихъ и производилъ торги съ
народами живущими по берегамъ Ва-
ряжскаго моря. Нѣкогда былъ онъ
въ городѣ Виннетъ, и продавъ свои
товары, ходилъ прогуливаться въ
рощѣ, находящейся не въ дально-
сти отъ города. Тутъ встрѣлся
съ нимъ старикъ, ведущій на ве-
ревкѣ весьма пощую суку. Все шѣ-
ло оныя покрыто было ранами,
кои умножалъ онъ имѣвшеюся у
него въ рукахъ суковатою палкою.
Жалосливое сердце отца моего
принудило остановить старика, и
спросить, какая причина принуж-
даетъ его поступать столь безче-
ловѣчно съ невинною тварью? Тотъ
отвѣчалъ ему, что она самая не-
годная, и онъ за многія причинен-
ныя ею пакости ведетъ ее повѣ-
сить. Опецъ мой просилъ стари-
ка, чтобъ онъ отдалъ ее ему; но
старикъ оставя его безотвѣтна,

продолжалъ путь свой. Святобой шелъ за нимъ издали, примѣчая по мѣсто, гдѣ онъ жопѣлъ лишить ее жизни, чтобы подать ей помощь. Спарикъ, насыпивъ свою суровость, тотчасъ пошелъ прочь, оспавя ее повѣшенною. Святобой употребилъ то въ пользу. Онъ пришедъ къ дереву, обрѣзалъ веревку, и по щасію нашелъ ея еще живу. Взялъ оную, и съ радосію повелъ домой. Употребленные имъ старанія вскорѣ поправили здорье несчастнаго сего живошнаго. Раны на ней зажили, и она спала гораздо лучше. Въ одинъ разъ, когда Святобой любясь своею собакою, поглаживалъ ее рукою, вошла въ покой къ нему хозяйка того дома, въ коемъ онъ стоялъ. Удивленіе изобразилось на лицѣ ея при взглядѣ на суку. Что вы мнѣ дадите, сказала она, нѣсколько подумавши, къ оццу моему, когда я изъ сей суки сдѣлаю вамъ дѣвицу несравненной красоты? Ощецъ мой счелъ

счелъ слова сіи за шутку, и ощутивъ ей, смѣючись, что онъ любя сію собаку, охотно бы желалъ, чтобъ сдѣлалось съ оною сіе чудо. Я не шучу, продолжала она; вы имѣете въ рукахъ своихъ не суку, а дочь Чешскаго Князя Горивоя. Злоба нѣкошораго волшебника причиною сего ея нещастія. Не удивляйтесь, что сіе отъ меня не скрыто. Я сама волшебница, и докажу вамъ сей же часъ, что я могу возвратишь ей первый образъ. Опець мой наполненный удивленія, не могъ ей опещивовать; но размышлялъ о слышанномъ. Между тѣмъ она вышедъ на малое время, появилась предъ нимъ въ волшебномъ поясѣ, держащая чашку воды, и оставя опца моего въ изумленіи и робости бытъ свидѣтелемъ происходящаго, началъ чинишь неизвѣстные ему слова; при чѣмъ покой шомъ погрѣяся, и вода въ чашкѣ начала кипѣть. Окончавъ заклинанія, плеснула она

Б 3

воду

воду въ глаза собакъ, сказавъ :
 „Оспавъ принятый, и прими
 „свой природный образъ. „ Въ са-
 мое по мгновеніе, увидѣлъ овецъ
 мой собаку изчезшею, а вмѣсто
 ея стоящую дѣвицу, превосходящую
 красою естество смертныхъ.
 Она бросилась къ волшебницѣ, и
 приносила ей со слезами благодар-
 ность за ея благодѣяніе, потомъ
 опцу моему въ чувствительнѣй-
 шихъ выраженіяхъ за избавленіе
 отъ смерти, и приложенное о ней
 попеченіе. Вы видите, начала
 она, несчастную Княжну Чешскую,
 которую суровая участь съ самого
 рожденія, не преспавала осыпавъ
 злословіями. Родитель мой
 Князь Горивой не можетъ по до-
 стоинству наградить васъ. Не оста-
 нется ничего изъ состоящаго въ
 его власти, чѣмъ бы не согласился
 онъ жертвовать, во изъясненіе
 великости вашего къ нему одолже-
 нія. Само небо, воздающее добро-
 дѣтелямъ болѣе его, приметъ
 васъ

васъ въ объятія щедрошъ своихъ.

Отецъ мой, который не могъ взирать на прелести Оспаны (имя сея Княжны), чтобъ не заразиться спрасниѣшею къ ней любовію, былъ тогда совсѣмъ смущенъ. Любовь неизвѣстная до селъ его сердцу, начала въ первые поржеспировать во внутренности оного. Разсудокъ его оставилъ, и языкъ не слушаясь, дѣлалъ его нѣмымъ. Веселіе, печаль, надежда, опчаяніе, непонятная радость и робость, нападаая на него попеременно, привели его въ великое движеніе. Смущенные глаза его усстремились на Княжну, и безмолвнымъ образомъ живѣ означали внутреннее его состояніе. Словомъ, въ одну минушу вкусилъ онъ власть неизбяснимыхъ нѣжныхъ нападеній. Наконецъ примѣшивъ происшедшій въ себѣ безпорядокъ, силился преодолѣшь смущеніе, и собравъ разсудокъ, желалъ скрыть движеніе

Б 4 душа

души своей. Онъ, принявъ на себя видъ, изъясляющій должное почтеніе къ ея сословію, говорилъ, что онъ числилъ себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, услуга нечаянно не меньше великой, какъ и прекрасной Государынѣ, и что довольно награжденнымъ себя почитаетъ, когда случай доставилъ ему благополучіе, называться ея избавителемъ. Что онъ и все его имѣніе сослужитъ во власти Ея Высочества; чѣмъ и можетъ она располагать по соизволенію.

По нѣсколькихъ взаимныхъ, и большей частію безпорядочныхъ учтивостяхъ, просилъ отецъ мой Княжну, чтобъ она въ знакъ своей къ нему милости удовольствовалась любопытствомъ его объявленіемъ своихъ приключеній. По чему она и начала:

— Въ самомъ моемъ младенчествѣ, лишилась я родительницы моей, по злоби одного изъ придворныхъ отца моего. Сей ненави-

спный

опытный человекъ имѣлъ при Дворѣ
нашемъ чинъ великаго Спальника
(*). Красота родительницы моей
сдѣлала къ себѣ чувствительнымъ
сердце нечестиваго сего человека.
Онъ долго падалъ въ себѣ постыд-
ную сію спрассь. Великое разли-
чье природы клало узы на языкъ
его, и полагало опасныя предѣлы
его желаніямъ. Страхъ открылъ
ся и бысть наказанну, и сильная,
но безнадежная спрассь, впер-
ли въ него дерзкое намѣреніе,
обесчестить мать мою, естли у-
дастся къ тому способъ. Пороч-
ная душа сія скоро открыла къ
тому случай. Родительница моя,
бывъ великая охотница ко псовой
забавѣ, случилась некогда въ полѣ
въ провожденіи малаго числа при-
дворныхъ, въ томъ числѣ и сего
мерзавца. Множество найденныхъ
звѣрей принудило каждого разбѣ-
хаться въ разныя стороны; а вы-

Б 5

бб-

(*) Чинъ нынѣшняго Камергера.

бѣжавшій елень побѣжалъ на свое по мѣсто, гдѣ стояла родительница моя, за копорымъ и по-скакала она съ мешальнымъ копьемъ. Быстрый бѣгъ скоро оплучилъ ее на дальнее разстояніе отъ окошниковъ, и какъ не могла она доспичь еленя: то оспалась съ однимъ тѣмъ скрыпнымъ злодѣемъ, слѣдовавшимъ за нею въ прегустомъ лѣсу.

Родительница моя, упомясь, сошла съ коня для отдыкновенія; при чѣмъ Колмаръ (имя онаго придворнаго) вздумалъ опкрышь ей спрасъ свою. Ваше Величество! говорилъ онъ безстыднымъ образомъ, судьба опредѣлила родиться вамъ прекрасною, а мнѣ несчастнымъ. Если достойно наказанія то, въ чѣмъ я шеперь предъ вами опкрышься хочу: такъ въ помъ виною ваши прелести; давшія неисцѣльныя раны моему сердцу, и наполнившія оныя всѣми тѣми мученіями, кои можешъ при-

приключить любовь всемогущая и безнадёжная. Случай, положивший великую разницу между мною и вашимъ союзомъ, не положилъ однако предъла моей спаси, которой прошивишься я не въ соседи. Должность моя и разумъ ей покорились, и я ожидаю смерти, или жизни прещасливѣйшей отъ вашего изреченія.

Вообразите себѣ смущеніе, коковое долженствовало объявъ родительницу мою. Почитая добродѣтель и чистоту за первое въ свѣтѣ щастіе, могла ли она не содрогнуться, услышавъ такую дерзость изъ устъ недостойнаго раба? Справедливый гнѣвъ овладѣлъ ею. Какъ, мерзавецъ! вскричала она, ты могъ опворить гнусный ропъ свой къ произнесенію столь дерзостныхъ словъ своею Государынѣ! Имѣлъ ли ты разумъ, предпріявъ таковое дѣло, о коемъ и помыслишь надлежало тебѣ ужасаться, и которое не иное что несетъ,

несеть, какъ смерть твою? Раскаешься, негодный. Мучительная казнь вмѣстѣ съ жизнью испребитъ твою дерзость. — Пресупленіе мое не такъ велико, какъ ты думаешь, сказалъ онъ холодно. Величество твое закрыто шѣнію сего густаго лѣса. Поздно ты спаряешься утѣшить меня. Я не боюсь смерти, и соглашусь умереть, когда получу желаемое. Ты здѣсь въ моей власти. Никто не поможетъ тебѣ. Согласись лучше добровольно удовольствоваться мои желанія, или я удовольствую оныя прошигу твоей воли.

Мать моя, не обѣчая ему, начала кричать, и звать на помощь охотниковъ; но они были далеко. Злобный Колмаръ схватилъ ее за руку, и хотѣлъ произвести безбожное свое намѣреніе. Тщешно усилилась мать моя обороняться. Онъ бы совершилъ свое злодѣйство, если бы шрое придворныхъ, услышавъ крикъ, не прискакали къ ней на

на помощь. Но ужасный случай! при поминовении коего испоргаешъ мои слезы. Сие стоило жизни нещастной моей родительницѣ. Варварская Колмарова душа, видя худой успѣхъ своего беззаконія, наполнилася зѣвствомъ. Онъ поразилъ ее въ грудь кинжаломъ, и шемъ же самымъ желѣзомъ извергъ злобный духъ свой; прежде нежели могли подать помощь Княгинѣ, и его схватить. Родительница моя доведена еще живая во дворецъ нашъ; но скончалась на другой день, оставя меня сиротою и наследницею своихъ злонаспій.

Я жила спокойно до четырнадцати лѣтъ моего возраста, по совершении которыхъ, злобный рокъ отворилъ на меня ядовитую пасть свою, и началъ пожирать благополучіе дней моихъ. Красота, которую, сказываюшъ, я имѣю, была источникомъ моихъ напастей. Отъ ней я терпѣла всѣ мученія до сего часа. Лучше бы я роди-

родилась меньше пригожею, чѣмъ
 злополучною. Сосѣдственнаго госу-
 дарства Царевичь, бывъ по случаю
 при нашемъ Дворѣ, увидѣлъ
 меня, и въ самую ту мину
 полюбилъ. Сколько разъ мы
 ни бывали вмѣстѣ, глаза его успре-
 млялись на меня. Взоры наши
 встрѣчались, и принуждали меня
 краснѣться, и пощупать въ низъ
 свои. Сіе было знакъ моей неви-
 ности. Любовь мнѣ была неизвѣ-
 стна, и сила ея не владычество-
 вала еще надъ душою моею. Дол-
 жно признаться, что Царевичь сей
 родился совершеннымъ твореніемъ
 природы, и по для того шелько,
 чтобъ быть наконецъ причиною
 жестокой моей участи. Онъ искалъ
 случая меня видѣть, и я начина-
 ла смущаться на него взирая. Я
 удивлялась моею перемѣнѣ, и не
 ощущала, что я мало по малу гла-
 шала любовную отраву. Искра ея
 заронила въ мое сердце, и скоро
 возгла великій пламень. Мнѣ
 скуч-

скудно было его не видѣть; но видя, старалась отъ него скрыться. Смущеніе повсюду за мною слѣдовало. Я спрашивалась о томъ съ мыслями моими и сердцемъ; но не получала оправды и изъясненія отъ чувствъ, въ любви неискусившихся. Неизвѣстная печаль владела мною, и слѣдующій случай показавъ мнѣ, что я пабнилась, и что начинаю любить.

Имѣя голову наполненну смущенными мыслями, старалась я искать уединенія, чтобъ на свободѣ размышлять о перемѣнѣ моего нрава. Въ одинъ день зашла я въ удаленное мѣсто нашего сада, желая сидѣть въ бесѣдкѣ находящагося тамъ водомѣта. Но сколь испужалась я, входя во оный, когда увидѣла сѣдящаго тутъ Царевича. Я поворошилась и хотѣла уйти; но онъ вскоча, остановилъ меня, и говорилъ: Вы убѣгаете меня, несравненная Княжна! Присудствіе мое кажется вамъ ужасно.

Я

Я дивлюсь переменѣ погодяшняго моего состоянія. Я сдѣлалась прошиву обыкновенія моего смѣла. Благоприспойность ли была того причиною, или слова Царевича, пронувшія мое сердце, что я опъившпвовала ему: Присутствіе ваше наноситъ мнѣ всегда удовольствіе, а не ужасъ. Еспльи жъ я хотѣла уйти, но для того, чтобъ не помѣшала вашимъ размышленіямъ, въ коихъ, казалось мнѣ, вы погружены. — Такъ, дражайшая Княжна! я смущенъ, задумчивъ и несносенъ самъ себѣ, но тогда какъ . . . Однако не осердипесь ли вы, еспльи я скажу? — Что? — Отъ чего я смущаюсь. — Нѣтъ. — Слова мои не будутъ вамъ прошивны? — Ни мало. — Тогда какъ васъ не вижу. — Мнѣ сіе пріятно; но какую пользу приношу я вамъ моимъ присутствіемъ? — Вы меня оживворяете. — Изъясните, что сіе значитъ? Какъ могу я васъ оживорять. Вы безъ меня довольно живы.

Царь

Царевичъ бросился предо мною на колѣни, и хотѣлъ говорить; но уста его ему измѣняли, и одни плѣдженія служили вмѣсто словъ, коихъ онъ не могъ произнести, начиная до нѣсколька разъ. Такого дѣйствіе невинныя любви. Робость ей предшесвуетъ, и пріятная спыдливость окружаетъ ее со всѣхъ споронъ. Нельзя мнѣ было, остаться въ иныхъ расположеніяхъ, нежели Царевичъ. Румянецъ покрывъ мое лице, и смѣлость мою замѣнило мѣсто робости. Я не знала, что начатъ, и не опредѣлила, оспашься ли мнѣ шутъ, или уйми. Сердца наши одни говорили между шѣмъ, и безсловеснымъ образомъ изъясняли состояніе свое чрезъ пламенные взгляды. На послѣдокъ Царевичъ пришелъ въ себя, и прервавъ молчаніе, говорилъ: Прекрасная Княжна! я въ замѣшательствѣ своемъ, пресупилъ можетъ быть предѣлы должнаго къ вамъ почтенія; но причиною того жестокая

Часть III, В спра-

спрасть. Я васъ узналъ, и въ первый разъ для меня равно было видѣть васъ, и вами плѣниться. Слабое и признашельное сердце мое не вопрошивало силъ вашихъ разъ; а сіяніе оныхъ въ первые зажгло нѣжнѣйшій пламень любви, о коей я, не зная васъ, не имѣлъ свѣдѣнія. Вы дали мнѣ познать всю ея пріятность, и все мученіе, кое можетъ терпѣть человекъ плѣненный, и неимѣющій надежды быть въ спраснхъ своей щасливимъ. Я не знала, что ему опъспсивовашъ, и спрашивала, не опъ меня ли происходитъ его мученіе. Ахъ! дражайшая Княжна, продолжалъ онъ, я васъ люблю, обожаю, не могу жить безъ васъ, и вы вопрошаете, не опъ васъ ли происходитъ мое мученіе? Признаюсь, что воображеніе не владѣшь вами, не бышь вамъ нравнымъ, жесточае для меня самой смерти. — Если только опъ меня зависитъ, избавитъ васъ опъ сего, сказала я:

по

то вы останетесь живы; но откройте, что вамъ для сего отъ меня нужно. — Ваша склонность, ваше сердце, и равная любовь. . . . Однако я не распространяюсь повѣствованіемъ подробностей, не столько нужныхъ вамъ, какъ для моего сердца. Словомъ сказать, мы узнали, что плѣнены другъ другомъ взаимно; клялись имѣть вѣчную вѣрность, и уговорились, чтобъ Царевичъ просилъ меня въ супружество у моего родителя. Таковы сильны чувствованія нѣжныя природы. Они не пребудутъ науки. Темныя слова и знаки служатъ при семъ гораздо лучше явственныхъ. Языкъ нашъ тогда невластенъ, и противу воли произноситъ то, о чемъ умолчать желаемъ.

Однако, когда рокъ опредѣлишь, излишь на кого жестокость свою: обыкновенно предъ пѣмъ не превожитъ дни человека назначеннаго для сей жертвы, и доз-

воляетъ вкусить сладость покоя и счастья, чтобъ тѣмъ несноснѣе казалась наступающая его участь. Отецъ мой изъ устъ любезнаго моего Царевича узналъ нашу склонность. Воля его согласовалась съ желаніями нашими. Все шло съ хорошимъ успѣхомъ. Родитель Царевичевъ равно желалъ укрѣпить чрезъ насъ союзъ двухъ государствъ, и видѣлъ меня во объятіяхъ своего сына. Мы безпрепятственно видались, и вкушали утѣхи разговоровъ невинной любви. Судьба наша вскорѣ соединилась бы бракомъ; но, увы! помѣшалъ злобный часъ наставшаго моего бѣдствія. Я видѣла одну лишь тѣнь прошедшаго благополучія, и послѣ наступила мрачная нещастія моего ночь.

Надобно думать, что родъ Колмара, убійцы моей родительницы, произшелъ изъ ада, и вынесъ съ собою всю тамошнюю злобу;
или

или предѣлъ небесъ положенъ былъ поспрадать отъ него нашему дому. Сынъ его, оставшійся по смерти злобнаго отца своего десяти лѣтъ, яко невинный воспитанъ былъ при дворѣ матерью своею, и былъ въ чинѣ Чашника (чинъ Мундшенка). Можетъ быть, не вѣдалъ о семъ родителъ мой, или по допущенію судьбы не примѣнилъ, что имѣетъ опаснаго врага въ своемъ домѣ. Злоранъ (такъ его звали) въ меня влюбился; но не смѣя открыться, шайлъ по отъ всего свѣща. Свѣжая память опцовскаго злодѣянія и гибели, влагала страхъ въ его душу. Между шѣмъ видя, что я достаюсь другому, перялъ совѣмъ надежду, на которую и полагаюсь не имѣлъ права. Но чего не можетъ сдѣлать сильная спрасъ, а особливо въ человекѣ порочномъ? Опчаяніе имъ овладѣло, и доводило его въ крайность. Разсудокъ его погибъ, и онъ швердое положилъ намѣре-

не увезши меня, еспьли найдеть кѣ шому способѣ.

Случай, способствующій порочнымъ людямъ, предалъ ему на жерпву. Я и любезный мой Царевичъ, уговорились въ одинъ пріятный день выѣхать прогуляясь въ рошу, находившуюся при взморьѣ. Мы собрались не болѣе, какъ въ десяти человекѣхъ, поѣхали, и были уже въ рошѣ. Наполненные веселія, не ожидали мы приготовленной намъ напасти. Злоранъ, увѣдавъ о семъ, подговорилъ подобныхъ себѣ въ злобѣ, на отважность коихъ могъ онъ полагаться. Имъ приказалъ онъ залѣчь въ лѣсу, и напавъ на насъ, меня схватилъ, и опнесъ въ приготовленное судно, на которомъ положилъ онъ уѣхать со мною въ отдаленную часть свѣта. Въ семъ удалось ему. Едва мы вошли въ средину роши, какъ окружили насъ двашцать вооруженныхъ человекѣхъ, и съ закрытыми шишаками лицами.

ми. Не ожидая супротивленія, напали они отважно, и старались схватить одну меня; но Царевичъ успѣлъ вынуть свою саблю, и побудить прочихъ, при насъ бывшихъ, къ оборонѣ. Трое злодѣевъ ошѣ первыхъ ударовъ пали къ ногамъ его бездушны. Но, о небо! можно ли было пропившись множественному числу разбойниковъ, коихъ жребій зависѣлъ ошѣ единого успѣха въ предпріятіи. Они съ звѣрскою запалчивостію изрубили всѣхъ, и самъ несчастный Царевичъ не избѣгъ ихъ свирѣпства. Онъ пронзенный мечемъ, упалъ въ мои объятія. Я любила его больше жизни, и пакъ представше тогдашнюю мою горестъ, отчаяніе и ужасъ! Я бросилась на его шѣло, и сжавши оное въ рукахъ моихъ, желала шуть же испуспитъ духъ мой. Кровь во мнѣ охладѣла, чувствы ослабли, и я упала въ обморокъ. Злодѣи, не могши высвободить Царевича изъ моихъ объятій,

В 4

яшій, понесли насъ обѣихъ въ судно; гдѣ по пришествіи въ себя, увидѣла, что мы далеко уже отъ береговъ отплыли. Я не чаяла пережить сего несчастія; но рокъ, опредѣлившій меня къ вѣщимъ, сохранилъ жизнь мою. Царевичъ лѣжалъ на полу въ суднѣ, и едва дышалъ. При взорѣ на него, жалость и отчаяніе овладѣли мною вновь. Я бросилась къ нему, и омывала слезами лице его. И такъ лишаюсь я себя, дражайшій Царевичъ! кричала я. Ты умираешь отъ рукъ злобныхъ убійцъ. Прекрасное лице твое покрывается мракомъ; а я еще живу! . . . Нѣтъ, безъ тебя мнѣ жить не можно. Я умру сей же часъ! Пусть дѣши наши въ вѣчности награждаются своимъ соединеніемъ; когда здѣсь мы разлучены. При семъ выхватила я у одного убійцы мечъ, и хотѣла имъ пронзить себя; но Злоранъ успѣлъ оный у меня вырвать. Сего вамъ не удастся,

сся, сказаъ онъ. Жизнь ваша надобна еще для меня. — Ахъ! злодѣй! вопіяла я, какъ ты причиною всего моего несчастія? Не думай, чтобъ небо оставило безъ мести беззаконіе твое. Погибнешъ ты, варваръ, отъ его правосудія. Спрѣлы его, казнящіе порочныхъ, достигнутъ тебя всюду, хотябъ ты и подъ землю скрылся. Сія ли благодарность твоя къ дому нашему, что оставлена въ тебѣ кровь безбожнаго отца твоего, кашорую долженъ сповало всю принесъ на жертву тѣни моей родительницы? — Отца моего и моя вина, не споль достойна казни, сказаъ онъ; естли только разсмошрѣшь, что мы были возбуждаемы къ тому любовью, коей превозмочь не могли. — Развѣ не порокъ, злодѣй, кричала я, питаешь посвѣдную спрасъ къ своей Государынѣ? Поздно ты раскаешься въ пресупленіи своемъ; казнь твоя наступитъ скоро. Не мыслишь

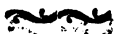
ли ты, чтобъ я имѣла слабость, устранишься своею насильно приобрѣтенной надо мною власти? Никогда сего не надѣйся. Я прежде умру, нежели ты воспоржешуешь своимъ преступленіемъ. — Время укротилъ первыя спремленія своего гнѣва, сказалъ онъ, отходя съ пренебреженіемъ; и когда минется печаль: мысли тогда въ тебѣ будутъ другія.

Я осыпала его клятвами, и бросилась на умирающаго жениха моего, произнося все, что горестъ и соблазнованіе могли влгати въ смущенныя поскою мысли. Я обливала лице его горчайшими слезами. Падающія капли оныхъ возбудили полмершвыя его чувства. Онъ открылъ томныя глаза свои, и едва усилился произнестъ: Я умираю... Дражайшая Остана... Любя... тебя — Тутъ лишился онъ олять чувствъ. Злоранъ не могъ перенестъ, зря въ рукахъ моихъ своего соперника. Онъ

ве-

велѣлъ меня опшатишь, и ска-
завъ: должно лишись ея сего несно-
снаго, опсѣкъ ему голову, и бро-
силъ вмѣстѣ съ шѣломъ въ море.
Я поражена была вновь жесто-
кимъ ударомъ при семъ позо-
рищѣ. Крѣпость моя измѣнила,
и полумертвая упала я въ руки
моихъ злодѣевъ, которыми огне-
сена была въ горницу, построен-
ную на суднѣ, и положена на по-
спель. По пришествіи въ память,
видѣла я Злорана, сѣдящаго у мо-
ихъ ногъ. Онъ старался ушѣ-
щать меня, изъясняя чрезмѣр-
ную свою любовь ко мнѣ, и про-
силъ извиненія въ своемъ преступ-
кѣ. Но я опвѣщивала ему од-
нимъ ругательствомъ. Онъ при-
нимался грозить мнѣ; но я взи-
рала на то съ презрѣніемъ, и
продолжала углубляясь въ печаль
мою, оплакивая разлуку съ моимъ
родителемъ, и смерть дражайша-
го моего Царевича.

Ужѣ

Уже двѣ недѣли прошло нашему плаванію, и опчаяніе мое доходило къ тому, что я опредѣлила броситься въ море, еспьлибъ нашелся къ тому случай; но Зоранъ надзиралъ всѣ мои движенія, и пресѣкъ всѣ способы окончанья бѣдную мою жизнь, которая тѣмъ несноснѣе была мнѣ, что убійца сей усугублялъ мои муки неспердимыми своими доуками. Наконецъ началъ онъ выходить изъ террѣливости, и заключилъ получить отъ меня по силу, чего не возмогъ спараніемъ и угрозами. Онъ сообщилъ мнѣ о томъ, повѣлявая приготовиться къ сему въ слѣдующую ночь. Что мнѣ оставалось, кромѣ усугубленія шоски и опчаянія? Я рвалась и билась какъ безумная о стѣны, просила со слезами небо, чтобъ оно или избавило меня отъ моего мучителя, или окончало бы смертію спраніе мое. Спенаніе мое было услышано, и я изведена отъ сей опа-

опасности, но для того, чтобъ повергнуться во вторую, не меньше ужасную.

Настала та страшная ночь, въ которую добродѣшель моя должна была выдержанъ жестокое искушеніе. Злобный Злоранъ пришель уже, и не взирая на мое супротивленіе, слѣзы и отчаяніе, конечно бы совершилъ свое злонамѣреніе: когда бы учинившійся на суднѣ нашемъ великій крикъ, не принудилъ его оставя меня, навѣдаться о причинѣ снаго. Сей произшелъ отъ нападенія на насъ Варяжскаго разбойничьяго корабля. Превосходная сила не лишила мужества злодѣевъ моихъ. Они оборонялись отчаянно, и были всѣ побиты. Злоранъ не избѣгъ мести небесъ за свои безчеловѣчія. Онъ увидя гибель свою неминуемую, и не желая, чтобъ я dospалась другимъ въ руки, вывелъ меня на край судна, и хотѣлъ срубить мнѣ голову; въ самое то время
ли-

лишился своей однимъ ударомъ рѹки разбойничьяго ашамана. Сей разъ очистишь свѣтъ отъ чудовища, и доставилъ меня во власть злодѣямъ, равнымъ оному въ суровости. Меня перевели на ихъ корабль, и тогда же назначили въ наложницы Варяжскому Князю. Радость изобразилась на лицѣ разбойничьяго начальника, когда онъ меня обозрѣлъ, и счелъ за шотъ драгой подарокъ, коимъ единственно можетъ угодишь своему Государю. Надежда великаго награжденія, и опасность, члюбы я отъ спраха непохудѣла, принудили его меня утѣшать, увѣрять безопасностію, и содержать инако, нежели не вольницу. Но могла ли я полагаться на слова чловѣка, коего жизнь была цѣль варварства и кровопролитія? Безпокойство мое не умалялось; и естъ ли не лишилась я опасности: по крайней мѣрѣ радовалась, избавившись звѣрскаго Злорана. Корабль сей обращенъ былъ къ Варяжскимъ бере-

регамъ. Мучительныя мысли были
мнѣ спутниками сея дороги. Три
дни въпрѣ дулъ намъ благосклон-
но; а попомъ возспала преужасная
буря. Небо задернулось густыми
и черными облаками. Море заки-
пѣло, покрылось сѣдою пѣною, и
вздымало волны великими горами къ
небесамъ. Снасти корабельныя за-
щрещали. Свистъ въпровѣ, и вопль
ошчальныхъ корабельщиковъ, сое-
диняясь вмѣстѣ, наполняли слухъ
шрепешомъ. Парусы изорвало въ
доскушки, и сломило большую ма-
чту. Корабль бросало иногда въ
воздухъ, и послѣ погружало среди
неизмѣримыхъ водныхъ безднъ.
Всѣ лишились надежды, и пригото-
вляя къ смерти, ожидали въ
уныніи послѣдняго мгновенія. Одна
только я меньше всѣхъ робѣла
смерти, искавъ оныя давно, и по-
читая сію концемъ всѣхъ моихъ
бѣдствій. Страшный девятый валъ
разбилъ попомъ въ щепы корабль,
и я препоручая богамъ духъ мой,
упала

упала въ море, въ безпамятствѣ;
 Не знаю, кажимъ средствомъ изба-
 вилась я отъ попопленія; ибо по
 пришествіи въ память, увидѣла се-
 бя на берегу, лѣжащую въ пущомъ
 мѣстѣ. Вуря тогда уже ушла,
 и солнечный жаръ помогъ мнѣ осу-
 шить мое плащье. Видя себя из-
 бавленною отъ злодѣевъ, радова-
 лась, что я жива. Желаніе смерти
 есть одно опчаяніе; а по про-
 шествіи онаго, проходитъ и желаніе
 расстаться съ жизнью. Слѣ-
 случилось и со мною. Я благодарилъ
 небо за избавленіе, и пошла
 искать пропитанія отъ плодовъ
 земныхъ. Голодъ мучилъ меня
 жестоко; но цѣлый день ходя, не
 нашла я ничего къ насыщенію.
 Мѣсто оное было забвенное при-
 родою. Песчаное его дно не имѣ-
 ло на себѣ никакова растенія.
 Ночь покрыла меня своею темно-
 шою прежде, нежели нашла я
 убѣжище къ ночлѣгу. Я шла въ
 робоспи, которая объяла меня,
 бив.

бывшую одну въ пустомъ мѣстѣ. Приведное небо! взыгала я къ по-скѣ моей, чѣмъ навлекла я на себя гнѣвъ твой? Какое мое предъ тобою преступленіе, что ты караешь меня столь жестокими казнями? Ты видишь мое сердце, дѣла мои отъ тебя нескрыты, какъ и невинность сего незаслужившая. Но есмьли виновна я: по чѣмъ погрѣшилъ добродѣтельный мой родитель, страдающій теперь о моемъ лишеніи. О! дражайшій отецъ! какихъ мукъ я небо сътою? Любезный Царевичъ! отъ меня погибъ ты! Не зная меня, грѣши бы еще краснѣе тобой. Я причиною; но заслуживаю ли я казнь за то? — Тягчащія духъ мысли заступили мѣсто жалобъ, и я шла, не вѣдая сама куды, окруженная печалію и ужасомъ.

Блеснувшій изъ дали огонь, обратилъ мой путь шуды, откуду происходилъ лучъ его. Кто бы намъ ни милъ, размышляла я,

Часть III.

Г

пой-

пойду къ нему. Не ужè ли весь свѣтъ наполненъ моими злодѣями? Жалкое соспоянiе мое конечно его пронепѣ; а хопя и ошибусь, то смерть равна, когда я долженствую здѣсь погибнуть отъ голода, или люпыхъ звѣрей. Чрезъ нѣсколько часовъ, дошла я близко къ тому мѣсту, и увидѣла при опверстiи пещеры горящiй великой огонь, и при немъ сѣдящихъ двоихъ Лѣшихъ (*), которые жарили на вер-

(*) Лѣшиè пѣ дрепнiя времена ово-
 жались отъ язычничопѣ, быпѣ
 почитаемы за лѣсныхъ полубо-
 гопѣ. У Слапянѣ были они то же,
 что у Грекопѣ и Римлянѣ Сати-
 ры. Ихъ представляли покры-
 тыхъ силою шерстiю сѣ коропь-
 ими ногами. Думали, что они от-
 кликаются людямп пѣ лѣсу, за-
 подятъ пнутрь чащины, и когда
 обойдутъ пѣ округъ челопѣка,
 оный теряетъ память, и забы-
 ваетъ дорогу. Тогда они, поймапѣ
 его,

вершелъ челоуѣка, Они опрѣ-
зывая части, пожирали ихъ полсы-
рыя. Текушею изъ оныхъ кровію
обагрены были губы и рѣки ихъ.
При взорѣ на сихъ чудовищъ я о-
цѣпенѣла, и желала убѣжать; но
ноги мои подламывались. Сбравши
оспальныя силы, побѣжала я отъ
сего ужаснаго предмета; но упала въ
ровъ, выкопанный отъ Лѣшихъ вмѣ-
сто забора. Спукъ паденія дошелъ
Г 2 имѣ

его, дапятъ, жарятъ на огнѣ и
пожираютъ. Но что бѣдали они
только мушинъ, а женщинъ упо-
требляли пѣ сожитіе съ собою.
Имѣ же отдавали пласть надъ
зпѣрми, коихъ вудто бы они по
соизполенію споему перегоняютъ
изъ мѣста пѣ мѣсто. Впрочемъ
приписывали имѣ спойство, что
они могутъ быть невидимы, ко-
гда захотятъ, и перемѣнять
ростъ спой по соизполенію; то
есть роенъ съ лѣсомъ, когда
идетъ пѣ лѣсахъ, и роенъ съ тра-
вою, естли шестпуетъ лугомъ.

имѣ въ уши, и я въ попѣ же часѣ
 доспалась имѣ въ добычь. Не успѣла
 я опамятоваться, какъ была уже
 въ рукахъ сихъ уродовъ. Сколько
 позволялъ мнѣ примѣшпъ страхъ
 мой; они мною любовались, пере-
 вертывали съ боку на бокъ, и по-
 слѣ посадили въ одно узкое отвер-
 стіе, завала оное превеликою коло-
 дою. Я не могу изъяснить ве-
 ликости моего страха, и полагала,
 что они меня съѣдятъ. Тогда въ
 первые узнала я горестъ прибли-
 жающейся смерти, и хотя прежде
 желала оныя многократно; но не
 могла сносить ея приближеніе. У-
 помленные мои чувствы повергли
 меня въ сладкій сонъ, въ которомъ
 показалась мнѣ мать моя, держа-
 щая за руку молодого пригожаго
 мужчину. „Нещастная моя дочь!
 „говорила она мнѣ, ты рождена
 „подъ самымъ злымъ созвѣздіемъ,
 „Бѣдствія, шобою претерпѣныя,
 „еще не окончались; но ты дол-
 „жна сносить оныя съ твердостію,
 „до

„ доколь преспанешь. теби гнашь
„ рокъ пшвой. Сей человекъ окон-
„ чить пшвои злополучія, и увѣн-
„ чаетъ спокойство оставшихъ дней.
„ Старайся прорыть стѣну, хо-
„ торая очень тонка, и спасайся
„ опскюду „. При семъ я просну-
лась, и не могла располковать,
шпобъ значило видѣніе сіе, почи-
ная оное дѣйствіемъ моего смуще-
нія. Но надежда, вселившаяся въ
мою душу, меня ободряла. Я тол-
ковала оное въ мою пользу, и взду-
мала испытаніе, не удастся ли мнѣ
спаспись нѣ заключенія. Искавъ
въ темнотѣ, чѣмъ бы начать ра-
боту, попался мнѣ древесный сукъ.
Онъ послужилъ мнѣ вмѣсто за-
ступна. Мнѣе получаса блеснулъ
мнѣ въ сію темницу малый свѣтъ.
Я усугубила работу, и скорѣ сво-
бодилась. Не о чѣмъ сумнѣваюсь,
что я, вылезши въ отверстіе, упо-
требила оспанокъ силъ моихъ къ
скорѣйшему удаленію отъ опаснаго
мѣста. Страхъ, бышь догнав-

ной Лѣшими, давалъ крылья ногамъ моимъ. Цѣлый пошъ день продолжала я путь свой, не встрѣчаясь ни съ однимъ живопнымъ. Ночь препроводила я на деревѣ, пришедъ въ дремучій лѣсъ. Поупру усмопрѣла я, что ночлѣгомъ служила мнѣ яблонь, покрывая зрѣлыми плодами. Я укрѣпила оными ослабшій мой желудокъ, и запасшись на дорогу, продолжала путь, взойдя на пѣшеходную тропку.

Около половины дня, пришла я по оной къ двору, построенному въ срединѣ лѣса. У воротъ сего сидѣлъ пошъ прокляшый спарикъ, который хотѣлъ лишить меня жизни, и отъ коего вы меня избавили. При первомъ на него взглядѣ, я трепешала, не зная и сама, чтобъ тому было причиною. Сердце мое предчувствовало шѣ мученія, кои пренесла я отъ гоненія сего злаго волшебника. Онъ удалялся въ сіе мѣсто, чтобъ совершать жестокости надъ несчастными

ми

ми, впадающими въ его руки. „ А!
„ эшо ты, Оспана! сказалъ онъ
„ мнѣ сурово. Мать швоя была при-
„ чиною смерши роднаго моего пле-
„ мянника; а отъ тебя погибъ
„ внукъ мой Злоранъ. Изрядно,
„ ты попалася мнѣ къ стапи. Тѣнь
„ ихъ не удовольствована еще кро-
„ вю, и ты будешь сія жертва.
„ Я ужѣ старъ. Не надѣйся красо-
„ пою своею возжечь въ охладѣвшемъ
„ моемъ сердцѣ потъ же пламень,
„ отъ коего они пропали. Нѣтъ,
„ я довольно оспороженъ, чшобъ
„ могла ты быть причиною и мо-
„ его конца. Вскорѣ узришь на се-
„ бѣ дѣйствіе моего мщенія „. Отъ
словъ сихъ хладный потъ разли-
ся по моимъ членамъ. Тщешно
старалась было я убѣжать отъ не-
го. Онъ дунулъ на меня, и я, какъ
бы окаменѣлая, не могла двигнуть
ногъ съ мѣста. Хотѣла было сле-
зами и прозьбами подвигнуть къ
сожалѣнію; но языкъ и глаза мои
сшольжѣ мало дѣйствовали, какъ

и всѣ члены. Одни ужасомъ напол-
ненныя чувствы, ожидали въ шре-
пещѣ моей судьбины. Между шѣмъ
волшебникъ разсуждалъ, какимъ бы
мученіемъ испоргнушь духъ мой.
Смерть одна, вскричалъ онъ, пре-
красила бы все: Ты должна еще
испытать прежде шѣ казни, кои
заслуживають мои пресшупники.
Послѣ сего началъ онъ чинять за-
клананія; при чѣмъ густая тѣма
меня окружила, страшный громъ
завлушалъ полумертвый слухъ мой;
и какъ все оное исчезло, я съ ужа-
сомъ увидѣла себя превращенну въ
собаку. Онъ положилъ мнѣ цѣпь
на шею, и далъ сто ударовъ су-
коватою палкою. Потомъ заперъ
въ желѣзный ларь; гдѣ препрово-
дила я два года, получая ежеднев-
но разныя побои, и по куску хлѣ-
ба, чшобы не умерла съ голоду,
и не оставила бы ненасыщеннымъ
его ярварство. Вчерашній день
назначилъ онъ лишить меня жиз-
ни, и за шѣмъ привелъ въ ту ро-
шу;

шу; гдѣ вы по великодушію своему удержали мою жизнь. Я обязана сожалѣнію вашему о мнѣ тѣмъ больше, что признаю въ васъ самаго того человека, коего во снѣ мать моя назначила моимъ избавителемъ. Жребій щастія моего отъ васъ зависитъ, и я предаю на соизволеніе ваше всю будущую мою судьбу, какъ на того, который назначенъ моимъ защитникомъ. —

Неизбяснимая радость овладѣла чувствами отца моего, когда услышалъ отъ послѣднія слова Ошианы. Плѣненное сердце его наполнилось сладкою надеждою. Онъ пожевалъ слова оныя въ свою пользу, и былъ приведенъ въ такое замѣшательство, что забывъ благоприспѣйность, бросааясь къ ногамъ Княжны, и цѣловалъ ея руки, наговоря множество рѣчей, кои онъ не понималъ. Княжна сама пришла въ смущеніе. Сердце ея, упрежденное въ его пользу, загорѣлось тѣмъ же огнемъ, коимъ пы-

лааь отецъ мой. Спраспные взоры замѣнили ихъ слова, и довольно объяснили другъ другу внутреннее состояніе свое. Наконецъ Свяшобой пришелъ въ себя, и хопя не имѣаь причины раскаяваться въ своемъ поспупкѣ; но при первомъ случаѣ искааь скрышь движеніе свое, и говорилъ Оспанѣ, что онъ благополучно считаешъ свою судьбину, препоручающую ему случай, бышь рабомъ поль совершенныхъ Государыни; что естли угодно ей кѣ завпрему приугоповишь всѣ нужное для опѣвзда въ ея опечество, подвергая при томъ жизнь свою и имѣніе на ея услуги. Княжна благодарила его за сіе самымъ признательнымъ образомъ, и прошиву воли своей включила шупъ нѣскольکو словъ, изображающихъ сокрытыя ея шайны въ пользу его. Радость Свяшобоева возраспала, и онъ забывааь самъ себя, пипая духъ леспною наледдою, что можетъ бышь удаспки ему овладѣшь не-
срад-

сравненными прелестями Княжны Чешскія; чего желать, нечувствительно открывала она ему сама случаи.

Все изготовлено къ отбѣду, и на другой день были они уже въ пути къ предѣламъ Чехи. Разговоры, большей часпью касающіяся общей ихъ пользы, коропали сію дорогу. Каждое слово умножало взаимную ихъ склонность, и на конецъ страсъ ихъ изъ малаго огня учинилась великимъ пожаромъ. Они познали, что жить другъ безъ друга не могутъ. Всегдашнее и непрерывное свиданіе учинило ихъ неразрывными. Они безъ робости изъяснились на словахъ, о чѣмъ дополъ говорили только знаками, и клялись, чтобъ быть другъ другу вѣчно вѣрными, соединясь цѣпями священнаго союза. Свяпобой считалъ себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ; а Княжна, утѣшая его, говорила, что разноша союзнія не можешъ сдѣлать

лать того, чтобъ любовь его про-
мѣнила она на пресполь перваго
Монарха въ свѣтѣ, и что не зна-
менишось можетъ доставлять
щастливую жизнь; но одна только
иѣжняя и истинная склонность. Съ
того времени часы ихъ текли въ
услажденіи невинныя любви. Ни-
что не претожило покоя ихъ, и
дальняя дорога показалась имъ
крайнимъ путемъ. Они прибы-
ли въ землю Чешскую.

Расположась въ постояломъ
дворѣ, услышали они слѣдующую
вѣсть, которая надолго остановила
веченіе прежняго ихъ удовольствія.
Хозяинъ постоялаго двора, на во-
просъ о состояніи сего государства,
сказалъ имъ: Княжество наше въ
великомъ замѣшательствѣ. Мир-
любивый и милосердый нашъ Князь
лишился своей единородной дочери
Осаны, которая безвѣстно про-
пала, побѣжавши гулять съ обру-
ченнымъ женихомъ своимъ. Побѣ-
шья шѣла бывшихъ съ ними
при-

и придворныхъ, и въ самое по время
 блучка чашника Злорана, безъ
 сумнѣнія рѣшили догадки въ
 возложеній причины сего злодѣя-
 нія. Три года уже, какъ не имѣ-
 емъ мы ни малѣйшаго о нихъ из-
 вѣстія, и шакъ нѣмѣ сумнѣнія,
 чшобъ не были они жертвою Злора-
 нова безчеловѣчія. Князь нашъ
 пришелъ отъ сего въ великую пе-
 чаль, чшо впалъ въ прешлякую
 болѣзнь, лишившую его послѣднихъ
 силъ. Онъ хотя и выздоровѣлъ;
 но никогда не являлся предъ на-
 родъ, оплакивая свою страну во
 внутреннихъ покояхъ. Сіе было
 причиною, чшо Вельможи наши воз-
 негодовали на него, и сдѣлавъ бунтъ,
 свергли съ престола. Вождь войскъ
 нашихъ, человекъ суровый, прео-
 брашившій щасливья дни наши
 въ собраніе мукъ и горестей, по-
 хишилъ въ смященіи престолъ. Дра-
 жайшій нашъ Князь, захваченъ въ
 темницу, въ кошорой скоро послѣ
 того и скончался. Отецъ того Ца-
 реви-

ревича, который назначенъ былъ въ супруга Княжнѣ нашей Оспанѣ, думая, что сынъ его убитъ по умыслу нашихъ Чеховъ, хотѣлъ опмспить смерть его. Онъ впалъ съ великимъ войскомъ въ нашу землю; но былъ разбитъ, и достался въ часть жестокой смерти. Государство его присоединено къ нашему. Мы спенаемъ теперь подъ игомъ ширанства гордаго сего Государя.

Княжна Оспана не могла превозмочь горести, ею обладавшей. Токи слезные полились изъ очей ея. Утѣшенія отца моего были слабы опереть оныя, который въ несчастіи дражайшей своей, бралъ равное участіе. Хозяинъ поспоялаго двора удивился необыкновенной ихъ печали, и не воображая, чтообъ одна еспественная по человекеству жалость могла имъ оную нанести, заключилъ, что въ семь скрыта какая нибудь тайна. Онъ обрапилъ прилѣжное разсмотрѣніе на Княжну, позналъ дочь

дочь своего Государя, бросился къ ногамъ ея, и не могъ удержаться отъ слезъ. Онъ служилъ при Дворѣ отца ея. Нельзя было ему ошибиться въ чертахъ лица Останы. Несчастная Государыня злополучныхъ своихъ подданныхъ, сказалъ онъ, еще намъ рокъ судилъ тебя видѣть! Но, увы! погда, какъ не можешь ты подать оправды бѣдному своему народу. Сила мучителя нашего велика, чтобъ можно было его лишить оныя. Всѣ Вельможи и войски на его споронѣ. Драгія дни твои въ опасности. Спасайся, Государыня, чтобъ не была и ты жертвою ненасытнаго властолюбія нашего Князя; ежли онъ свѣдаетъ о твоёмъ здѣсь пребываніи. Терпи, о единственная наша надежда! доколѣ гнѣвный рокъ престанетъ свирѣпствовать, и защитники невинныхъ, справедливыя небеса, избавятъ тебя и насъ отъ нашего гонителя.

Что

Чѣмо было свидѣчать Останѣ ,
 какъ усугубила печаль свою и слѣ-
 зы. Опасности принудила ее и
 отца моего , шорожъ чужа оставивши
 предѣлы Чешскія , и обратно на-
 правили путь къ Новуграду въ Рос-
 сію . Во время дороги , говорила
 Остана отцу моему : Любезный
 Свяшобой ! теперь ты видишь , что
 всякое человѣческое благополучіе
 ничто иное , какъ мечта и приви-
 дѣніе . Имѣшь оно удовольствія
 много ; но поперята прискорбно .
 Могла ли я думать , чтобъ не до кон-
 ца препроводила щасливо жизнь
 мою , и покинуло бы оную какое
 злополучіе ? Я была дочь сильнаго
 владѣтеля ; но знатная сметень
 не избавила меня отъ жесточайшихъ
 напастей . Нынѣ я свержена на
 дно всѣхъ бѣдъ , забыта всѣми , и
 не имѣю надежды кромѣ на себя ,
 дражайшій Свяшобой ; но и ты со
 мною спольжѣ несчастенъ . Я
 хопѣла во удовольвореніе твоей
 ко мнѣ любви , и своего о мнѣ по-
 пече-

печеній, привелъ унебо: скиптръ Чешскій; а днесь сама свала бѣдъше послѣднѣяго моего подданыго. И когда уже и оноа злодѣяща, но по крайней мѣрѣ шаслива пѣмъ, что не ошанушъ возмущашъ духъ явой несносныя мысли: о неравенствѣ нашего сословія. Въисердцѣхъ нудемъ имѣю и больше, нежели престолъ Чешскій.

Святобой, о подтверждалъ ей и дашвы о вѣчной вѣрности, и ласки его мало повладу уменьшали велиясны ея скорби. Они продолжали путь свой около половины яфсица, не вспрѣчаясь ни оъ якимъ злочюченемъ. Уже печальныя воображенія загваждали въ ихъ гмаити, но на кого свирѣное нещаснѣе растворитъ алчный везъ свой, и наченѣ пожиратъ его благополучіе, тогда съ каждымъ шагомъ глосащѣ оно спокойство того нещаснаго. Провжмаи одинъ лѣсъ, напали на нихъ разбойники. Превосходная ихъ сила не ошнала сродъ.

Места III. Д . . . ной

ной Россіянину храбрости. Онъ сопротивлялся имъ съ своими служителями отчаянно. Большая часть злодѣевъ пала бездушна отъ рукъ ихъ. Онъ спасъ жизнь свою и имѣніе. Злодѣи оробѣли, и обратились въ бѣгство; но успѣли увезти дражайшую его Оспану, кою защитишь онъ не успѣлъ. Тщепно старался отецъ мой ихъ преслѣдовать. Они скрылись, какъ блеснувшая молнія въ пустотѣ лѣсной. Отчаяніе и горесть овладѣли Святобоемъ во всей своей великости. Печальныя воображенія взволновали кровь его, тоска рвала пораженное его сердце, и едва не лишилъ онъ самъ себя жизни, въ первыхъ стремленіяхъ сего движенія. Пономѣ жалость и любовь, поржествующая надъ его чувствами, заступя мѣсто гнѣва, наполнили мучительными помяніями его душу. Плачевный стонъ его разливался по всемъ странамъ того мѣста. Лѣсъ и долины наполнились

нялись его жалобами. Но что въ
 нихъ было пользы? Печальное эхо
 повпоря оныя, не приносило ни
 какой помощи Оспанъ, ни ему
 оправды. Успокоившись нѣскольکو,
 бросилъ онъ обозъ свой, и при-
 казавъ одному дожидаться себя въ
 Винешъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ
 искать Оспану. Продолжая путь
 свой чрезъ два мѣсяца по пуспы-
 нямъ, и не видя ни малой надеж-
 ды опкрыть мѣсто, гдѣ скрылись
 похищители его любезной, печаль
 его возрасла до крайности. Отъ
 безпрестанной жажды и голода такъ
 онъ ослабѣлъ, что сходствовалъ
 болѣе на шѣня, нежели на живаго
 человѣка. Томные члены прину-
 дили напоследокъ лечь его, близъ
 колодезя на долинѣ у великой горы.
 Онъ заснулъ шумъ, и по пробужде-
 ніи своемъ, увидѣлъ себя лѣжаща
 на колѣняхъ престарѣлой женщи-
 ны. Удивленіе его о семъ неочи-
 даемомъ явленіи было столь вели-
 ко, что онъ въ робости вскоца,

обратился было въ бѣгство; но старушка та, кликнувъ его по имени, принудила остановиться. Бѣдной Свѣтлой! говорила она, не убѣгай меня; можетъ я подамъ тебѣ какую нибудь помощь. Изумленіе его усугубилось, услышавъ, что она его знаетъ. Не удивляйся, продолжала она; я волшебница, спаряющая дѣлать помощь всѣмъ несчастнымъ. Поди въ мою пещеру, укрѣпи ослабѣвшій твой желудокъ пищею, и послѣ бжидай всякой отрады отъ моей власти. Человѣкъ злополучный не разсуждаетъ о опасностяхъ, и послѣдуетъ всему показывающему ему видѣ надежды. Онъ пошелъ за нею. По приходѣ на половину горы, ударила волшебница жезломъ своимъ о каменный утѣсъ, который отъ того растворясь на двое, открылъ ее пещеру. Тамъ поставила она ему обѣдъ изъ древесныхъ плодовъ, который тѣмъ вкуснѣе ему показался, что онъ

онъ чрезъ нѣсколько дней не вкушалъ пищи. Желаніе узнать о дражайшей своей Оспанѣ, принудило его весьма скоро кончить столъ свой, и просить оказанія милости въ увѣдомленіи, жива ли ея любезная, и гдѣ можетъ онъ найти ее. Утѣшая, Святобой, говорила она; заключенія вашимъ скоро примутьъ конецъ свой. Суровый Оспанинъ рокъ утомился, гоня ее. Теперь увѣдомлю тебя, что случилось съ нею съ нашего разлученія. „ Разбойники увезя ее, при-
 „ бѣжали на мѣсто своего убѣжища.
 „ Красота ея учинила то, что ка-
 „ ждый желалъ владѣть ею одинъ.
 „ Сіе возбудило въ нихъ брань, и
 „ попомъ кровопролитную драку,
 „ во время копорыя успѣла она спа-
 „ сись бѣгствомъ. Не вѣдая, въ
 „ какое мѣсто обратишь путь свой,
 „ шла она, куды веда ея жестокая
 „ судьбина. Попавшаяся дорожка
 „ привела ее къ жилищу волшебни-
 „ ка, называемаго Всецеломъ. Она

„ досталась ему въ добычь, и пер-
 „ питъ гоненіе отъ того, что не
 „ склоняется на скопскія его же-
 „ ланія. До сѣхъ поръ спарался
 „ онъ склонять ее ласкательствомъ;
 „ но не имѣя успѣха, опредѣлилъ
 „ получить ею силою, какъ скоро
 „ возвратишься съ волшебнаго собра-
 „ нія, въ коемъ онъ предводитель-
 „ ствуетъ на берегахъ Днѣпра рѣ-
 „ кѣ Пospѣшай избавить драгую
 „ твою Оспану, и очистишь свѣшъ
 „ отъ его пиранства. Сей жезлъ,
 „ (кошорый она подала ему) до-
 „ везетъ тебя вмѣсто лошади въ
 „ его жилище. Тамъ у воротъ най-
 „ дешь пы растущій великой прав-
 „ ный стебель. Сорви оный и по-
 „ ложи подъ правую мышку. Сіе
 „ учинишь тебя сокрытымъ отъ
 „ глазъ волшебника. Потомъ пере-
 „ ломи на двое жезлъ сей, и верх-
 „ нюю онаго часпъ брось за себя,
 „ а нижнюю впередъ. Тогда поза-
 „ ди себя найдешь мечъ, а въ пе-
 „ реди ключъ къ замку воротъ его
 „ дома.

„ дома. Опопри замо́къ, и войдя,
 „ приляжъ за верою, и ожидай. Все-
 „ алба. Ворошъ, сами оплять за-
 „ шорятся. ни замо́къ замкнётся.
 „ Когда оный прійдетъ, ты удобно
 „ можешь оцѣвнѣ ему голову, и спа-
 „ сши дражайшую свою. Снупай,
 „ Свѣтлобой, не прашъ времени.
 „ Я желаю тебѣ успѣха. Когда же
 „ окончишь все, вѣ чѣмъ дала я
 „ тебѣ наспавленіе: сними съпру-
 „ на убитаго волшебника висящій
 „ на шеѣ его, талисманъ, и дожи-
 „ дайся меня къ себѣ вѣ его домѣ.
 „ Талисманъ оный ты долженъ оп-
 „ дать мнѣ; а я за оное вѣ одну
 „ минуту принесу тебя съ Оспа-
 „ ною вѣ Венецу. Отецъ мой
 „ обѣщался исполнить все повелѣн-
 „ ное, и поблагодаря за неоспавле-
 „ ніе, свѣлъ на жезлъ, который и
 „ помчалъ его съ невѣроятною ско-
 „ ростию.

Меньше четверти часа пуши,
 оспановился волшебный жезлъ, ве-
 зущій отца моего, у воротъ Все-

лобом и двора. Оный окруженъ
 былъ дремушииъ деревьями, и улагодна
 ми горами. Ограда сего двора
 была изъ черниаъ каменей, и шла
 страшныиъ образомъ, что оный де
 ного взгляда въясы на оную мо
 емъ стали дыбомъ. Однако обо
 дрясь, борвалъ онъ потъ себя, а
 коимъ сказывала ему волшебница,
 и полжа оный подъ правую мыщ
 ку, переломилъ желъ, и бросилъ,
 какъ было ему приказано. Въ пе
 реди себя увидявъ ключъ, а по
 зади мечъ. Надежда его увеличи
 лась при исполненнн словъ волшеб
 ницы. Онъ отперъ замокъ, и от
 воря вершныиъ вшелъ на дворъ.
 Смертоносныя и вредныя человѣ
 ческому роду травы, росли внутри
 онаго. По срединѣ двора стоялъ
 колодезь, коего ключъ вмѣсто воды
 билъ презлымъ ядовитымъ со
 комъ. Паръ исходящй отъ него,
 создавалъ вонючую мглу, покрыва
 ющуюю весь дворъ потъ. Словомъ,
 домъ сдѣланъ былъ не по человѣ
 чески,

чески, и все шунѣ видимо, въ тѣмъ
мѣсто оспешеннаго аналѣ, а кажда
дѣсь собраніемъ ужаса, и амиліемъ
смершиса. Самъ адъ, одна амиліа
казался безъ спрашнѣ опцу мо
ему. Кровь въ немъ оспановляла
ся, и онъ перялѣ почти упоаре
бленіе чунтшѣ; но мопеченіе о со
храненіи дражайшей его Осціанѣ,
бояшѣ нежели собственная ола
сносшѣ, принудило его опомннншн,
и спашѣ за верестю, вавворнвшнх
ся самнхъ собою воротѣ.

Не долго ждалъ онъ Всезлоба.
Спрашннн внхрѣ, свнспѣ, и онъ
ворнвшнхся съ прескомъ воропы,
возвѣстннн прнходѣ его. Воашѣб
ннхѣ вошелѣ. Адская злоба ннѣнн
ннѣ не шакѣ спрашннн, какеѣ
былѣ его. Но опцуѣ мой его не
нспужался, и по благодѣнннн вол
шебннцѣ, опущнн опшнжннннннн,
возвелѣ руку, и одннмъ удѣромъ
повѣртѣ къ ногамъ, оидѣнн опѣ тѣ
ла нменемъ, нндомъ и дѣлами Все
зловову нннн. Онъ сдернулѣ

съ него пѣхнманъ , и шель искалъ
 Осману. Не споило ему пруда ,
 дойши въ ее заключеніе . Очаро-
 ванные двери явились своей не-
 проходимости : съ смертною заго-
 нхъ хозяина . Онъ всупилъ въ
 домъ , неся въ рукахъ волшебнико-
 ву голову . Османа обомѣла , увидя
 его . Она почла его за волшебника ,
 пришедшаго совершить надъ нею по-
 слѣднее свое варварство . Съ тру-
 домъ могъ опецъ мой , привесшь
 ее въ себя . Она познала его , и
 вскричаъ : Ахъ ! любезный Свяшбой!
 тебя ли вижу ? упала въ обморо-
 къ . Радость едва не пресѣкла
 жизнь ея , и не изразила послѣднимъ
 ударомъ моего родимеля . Но какъ
 тогда окончались уже несчастныя
 ея часы : то пришла она въ себя
 скоро , и узнала о своей безопасно-
 сти . Кто прямо былъ влюбленъ ,
 или сносилъ подобныя злощасія :
 вообрази поглазное восхищеніе сея
 любезныя чещы , когда узрѣли
 они себя опять соединенныхъ .
 Ра-

Радостные взоры, смѣшанные слова, и сладкія лѣзванія, на долго удержали ихъ въ нѣжномъ воспоргѣ. Опець мой послѣ того увѣдомилъ ее о всемъ происшедшемъ съ нимъ съ часа разлуки; а Оспана повѣдомила тоже, что слышала онъ отъ волшебницы. По окончаніи сихъ разговоровъ, увидѣли они свою благодѣтельную. Она поздравила ихъ съ щастливымъ соединеніемъ, предвѣщала имъ спокойныя дни, и получа палисманъ, подхватила ихъ обоихъ за руки, и, какъ молнія, понесла по воздуху. Не успѣли они опамятоваться отъ столь скорой вѣды, какъ были уже въ Винешѣ, на томъ самомъ дворѣ, гдѣ хранились пожилки отца моего, и спояли его люди. Волшебница исчезла. Святобой нашелъ всѣ дѣла свои въ порядкѣ, исправилъ оныя, и вскорѣ возвратился въ Новградъ; гдѣ соединился вѣчными узами съ Оспаною, и вкушалъ спокойныя утѣхи сладкаго брака.

Оспа-

Остатки забыли въ свои несчастія во объятіяхъ нѣжнаго супруга. Ощущенныя дни ихъ пропекля въ удовольствіи. Небо одарило ихъ несчетнымъ богатствомъ, и благословило взаимную ихъ вѣрность, въ усугубленію радости и приумноженію любви сыномъ. Это былъ и наследовавшій прежнія аполучившей мзедь родившейницы.

Син приключенія моихъ родившей. Я помню оныя, такъ какъ слышалъ изъ ихъ устъ, и объявилъ ихъ вамъ (продолжалъ Свѣтомилъ Гассану) для того, чтобъ вы узнали, что злая часть до сналась мнѣ по наследству. Теперь приступаю я къ описанію жалостныхъ моихъ случаевъ. Я не думаю, чтобъ кто изъ смертныхъ могъ быть шаковымъ игралищемъ жестокаго рока, и жертвою шель несносныхъ огорченій и напастей, какъ я. Вотъ вѣсть безконечныхъ бѣдъ моихъ.

Едва

Едва достигъ я лѣтъ, въ ко-
 торыхъ можно познавать самага са-
 бя; лишился я съ перва родитель-
 ницы моей, и въ скорости заимѣлъ
 отца, который любя ее больше
 жизни, не могъ пренести ея лише-
 ния. Мнѣ оставили они по себѣ
 неутѣшную печаль, и великое имѣ-
 ніе. Но время, испребляющее все,
 умалило поску мою, и хотя не на-
 гнало жалоспнаго воспоминанія; но
 по крайней мѣрѣ воображеніе не
 споль ужъ было гeresпно. Я не
 скрѣю предъ вами пороки мой,
 сродный, по большей части, моло-
 дымъ людямъ. Сдѣлавшись пол-
 нымъ обладателемъ моей воли и
 имѣнія, началъ я жить великолѣ-
 по. Гордая мысль, „Происходивъ
 „отъ крови владѣтельныхъ Кня-
 „зей,“ была сему главною причи-
 ною. Домъ мой обратился въ
 собраніе веселосшей. Открытый
 споль, роскошная жизнь, достави-
 ли мѣ великое число друзей и
 спольжожъ ласкашелей. Подложная
 оныхъ

онѣхъ искренность довела меня, и
 въришь всѣмъ ихъ ласкашельствамъ,
 а сіе самое испребило изъ моего
 напоминовенія томъ упадокъ, ко-
 торый претерпѣла наша фамилія,
 и что неусыпные труды отца
 моего были сперва поправленіемъ
 оныя, а наконецъ жервою моею
 распочительности. Миѣ на мысль
 не-всходило, что богатство безъ под-
 крѣвленія доходами, при неумѣ-
 ренныхъ расходахъ можетъ ввер-
 гнуть меня въ крайнюю нище-
 пу. Одни высокопарныя мысли,
 набитыя миѣ въ голову льстецами,
 господствовали надъ моимъ рассу-
 деніемъ. Право на престолъ Чеш-
 скій, выгнало на всегда изъ моей
 памяти промыслъ отца моего. Я
 желалъ достигнуть скиптра, и ду-
 малъ о томъ день и ночь. Не взи-
 рая на тысячныя препоны къ
 исполненію сего желанія, былъ я
 всегда въ однихъ мысляхъ. Пред-
 ложенія знаменитыхъ людей на-
 шего государства о вступленіи съ
 нимъ

нимъ въ союзъ, чрезъ женидбу на ихъ дочеряхъ были мною отвергнуты. Высокомысліе мое хотя служило тому не меншею подпорю, но не чувствительность моя къ нѣжному полу была главною сего причиною. Праводушные паковому рѣдкому моему свойству удивлялись; а ласкашели мои подтверждали оное, зная ошъ части, на чѣмъ сіе мое къ любовной страсти равнодушіе было основано.

Два года прошекли въ великолѣпномъ жишѣ моемъ и вышнихъ мысляхъ. Со исходомъ оныхъ вдругъ оказались плоды моей неразсмотрительности. Я лишился богатства, сдѣлаася весьма бѣденъ, поперялъ друзей. Съ ними исчезли ласкашели, и мысли мои, свободенныя ошъ ослѣпленія, представили моему разсудку, что я никтоиный, какъ бѣдный дворянинъ, принужденный доставать пропитаніе шрудами рукъ своихъ. Душа рожденная въ ненависти пороковъ,

му.

мучился; узнавъ, что она подвержена была какой нибудь постыдливой спрасси. Сіе ощущалъ я, и спидился самъ себя, помышляя о моемъ ослабленіи гордостью; и оснвали жалѣлъ о пошерянномъ моемъ мѣстѣ; то съ другой спорою радовался, что мѣстѣ испребланы пышныя идеи наподлившія мою голову, и привело въ познаніе самаго себя. Тогда я видѣлъ, что знапіе происхождение ми чини еспіе по себѣ, когда не подорѣпающіе оное достпашей и разумная оснорожность.

Приведя въ порядокъ заблужденія мои мысли, не звалъ я, какъ привести въ поправление мои обстоятельствова. Мало издженіе не могло мнѣ прослужить на долге пропитавіемъ, еспіе бы издерживалъ я еспіеки, не спараясь о приумноженіи оного. Чшо было мнѣ начать? Купеческій промыселъ казался мнѣ дикимъ звремѣ; но

я и несвѣдушъ былъ въ нужномъ ко оному. Чувствуя склонность къ военной службѣ, положилъ я искать щасія моего въ оружіи. На сей конецъ продалъ я домъ мой, и превратя все оставшее въ деньги, просилъся съ моимъ опечесствомъ, и выѣхалъ въ Варяжское государство. Оно производило жестокою войну съ Печенегами. Я желалъ, принявъ службу у памошняго Князя, пользоваться симъ случаемъ. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Варяжской столицы, напали на меня разбойники, и какъ былъ я только самъ другъ съ моимъ учителемъ: по и не могъ пропироваться превосходному ихъ числу. Они совсѣмъ меня ограбили, и принудили продолжати пунь мой пѣшкомъ; а питаюсь подаяніемъ добродѣтельныхъ и сожалительныхъ людей. Я остался безъ всякой помощи, имѣя единственную надежду на великодушіе Варяжскаго Князя. Высокомысленныя воображенія, гнѣз-

Часть III. Е див.

дившіяся еще до полъ въ головѣ
моей совсѣмъ испребились.

Я пришелъ въ Варяжскую спо-
лицу. Сыскалъ случай язбяснить
нѣщастія мои главному Вождувойскѣ,
который собрался тогда къ высту-
пленію въ походъ послѣ зимняго
опдыха. Щастіе еще мнѣ благо-
пріятствующее, сдѣлало, что я
показался ему сожалѣнія достои-
нымъ. Онъ представилъ меня са-
мому Князю, предъ коимъ разска-
залъ я мое происхожденіе и при-
чину, приведшую меня до столь
бѣднаго состоянія. Усердіе мое
къ принятію у него службы, объя-
снилъ я предъ нимъ въ такихъ
выраженіяхъ, что Князь обнадежа
своею милостію, повелѣлъ меня при-
числить въ войски свои Сотникомъ
(старинный чинъ Капитана), и
далъ нѣкоторое число денегъ на
мое содержаніе. Принесши чув-
ствительную благодарность за его
щедроты, отправился я въ походъ
при главномъ Вождѣ, который еже-
днев-

дневно оказывалъ на мнѣ знаки больше дружества, нежели начальства. Обращенія мои нравились ему сполько, что я получилъ первую довѣренность между всѣми его подчиненными. Мы дошли въ земли непріятельскія. Начались военные дѣйствія. Я бывалъ съ своею ротою во многихъ отрядахъ, и какъ воины мои за снисхожденіе мое къ нимъ любили меня чрезмѣрно: по могъ я съ ними дѣлать все, что хотѣлъ. Я пускался въ великія опасности, и они, любя меня, всюду слѣдовали за мною. Щастіе мнѣ благопріятствовало; предпріятія мои всегда имѣли хорошій успѣхъ. Нѣскольکو превосходныхъ непріятельскихъ разбѣздовъ были мною испреблены. Самъ сынъ Печенежскаго Государя, по случаю взявъ мною въ плѣнъ. Все сіе усугубило любовь ко мнѣ главнаго Вождя. Онъ представилъ Князю о моихъ опличныхъ поступкахъ, и я получилъ

Е а чрезъ

чрезъ по чинъ Тысячника (Полковника). Дошло до главнаго сраженія, долженствовавшаго рѣшить всю войну. Я съ полкомъ моимъ присушествовалъ близъ главнаго Вождя, и первый сломилъ бросившуюся на насъ съ великою опрометчивостію непріятельскую стѣну, копорая, не выдержавъ отчаяннаго супротивленія, уступила. Я не могу присвоить себѣ толикой храбрости, кою другіе мнѣ приписывали. Можетъ быть все то произвело служившее мнѣ тогда щастіе; но могу сказать, что я безъ робости присушествовалъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не рѣшена была наша побѣда. Она совершилась тѣмъ, когда убишъ мною Приводецъ Печенежскій. Я привезъ голову его къ главному своему Вождю, и провозвѣстилъ побѣду во всѣхъ концахъ войска, которое симъ ободренное, испребило всѣхъ разсыпанныхъ враговъ своихъ. Я посланъ съ сею вѣстію къ Варяжскому Князю

Князю, и пожалованъ Полковымъ Воеводою. Вскорѣ попомѣ, завладѣли мы всею Печенежскою землею, и взяли въ плѣнѣ Печенежскаго Государя со всемъ его домомъ. Благополучная звѣзда моя имѣла еще тогда полный свѣтъ свой. Не было ни одного славнаго дѣла, въ коемъ не имѣлъ бы я учаспія. Война кончилась; мы возвратились, и я увидѣлъ Варяжскаго Князя, чтобъ испытать всю его на мнѣ милость. Я награжденъ вновь чиномъ Намѣстника главнаго Вождя, пожалованъ деньгами и деревнями; а что и еще больше, довѣренностию Княжескою, и засѣданіемъ въ пайныхъ его совѣтахъ. Чего мнѣ желать оставалось? Я учинился богатымъ, знаменитымъ, случаенъ при Дворѣ; но все сіе гоповило мнѣ пагубу. Благополучіе мое доставило мнѣ многихъ пошанныхъ злодѣевъ, которые всѣми силами изыскивали свергнуть меня съ моей высоты на дно безконечныхъ зло-

ключеній. Ненависть ихъ умно-
 жилась новымъ моимъ щасіемъ,
 Главный вождь умеръ бездѣпенъ,
 и при концѣ своемъ сдѣлалъ меня
 наследникомъ всего своего имѣнія;
 а Князь, любившій меня сполькожъ,
 какъ и покойный вождь, произвелъ
 меня на мѣсто его. Новая война
 съ Сармацкими Скиаами прину-
 дила Князя послать меня съ по-
 рученнымъ мнѣ войскомъ. Я вы-
 ступилъ въ походъ, пришелъ въ
 Сармацію, одержалъ проекрапную
 побѣду надъ непріятелемъ, и на-
 гналъ великой на нихъ страхъ. Гдѣ
 шолько я присутствовалъ, слава
 мнѣ предшествовала, и враги мо-
 его Государя клонились къ ногамъ
 моимъ. Вотъ какъ внесло меня
 щасіе, опредѣляя бышь играли-
 щемъ своего непосщонства, чшобъ
 потомъ низвергнушь въ бездну
 всѣхъ злыхъ бѣдъ. Войски, мнѣ
 данныя во власть, отъ перваго до
 послѣдняго любили меня какъ оп-
 цу; для того что и я числилъ
 ихъ,

ихъ, какъ дѣшей моихъ. Я могъ бы сдѣлать изъ нихъ все, естли бы захошѣлъ преломить присягу моему Государю; но знашныи чинъ не могъ затмишь мой разумокъ. Почщеніе къ добродѣтели связано было съ моими желаніями. И хотя я желалъ когда нѣбудь испросить у Варяжскаго Князя силъ его, для доспуженія на слѣдующій мнѣ Чешскій престолъ; но оное оплагалъ до конца войны съ Скинами, и надежду сію возлагалъ на благополучный успѣхъ оружія. Между тѣмъ, какъ продолжалъ я поиски надъ непріятелями опечесства, подучилъ я извѣстіе отъ друга моего великаго Спальника Прелимира, что враги мои старались всѣми мѣрами уменьшити ко мнѣ Княжескую любовь и довѣренность. Они предсказали ему, что опасно повѣрять войско чужеспранцу, коего подлинныхъ обстоятельствъ нельзя вѣдать. Выдумывали на меня дожныя измѣны; но ничто не дѣй-

сывовало. Ненависть ихъ ко мнѣ служила къ собственной ихъ гибели. Князь, видя несправедливость доносѣвъ, наказалъ ихъ за оныя; а ко мнѣ усугубилъ благоволеніе свое. Я старался заслужить оное всѣми мѣрами, и не щадилъ жизни моей ко исполненію его воли. Когда небо благословляло успѣхи Варяжскаго оружія: тогда мнѣ готовило жестокія напасти. Спокойные часы моихъ щасливыхъ дней протекли уже, и вмѣсто сихъ наступали бѣды мои.

Сармація почти не граничила съ Варягами, слѣдственно ненужно было имъ завоеваніе оныя; а вся война продолжалась только для того, чтобы наложить на нихъ дань. Я писалъ для того къ Царю Скиѣскому, чтобы склонился плашнѣе оную, и письмо по было слѣдующаго содержанія:

„ Князь Варяжскій ввѣрилъ
 „ мнѣ войско, чтобы я наказалъ
 „ тебя. Неоспорочно полагаюсь на
 „ ща-

„щастіе , не пропивься пы его вла-
„спи. Спарайся упошребить вѣ
„пользу сіе снисхожденіе его кѣ
„себѣ , что я предлагаю нисмомѣ
„симѣ , ему покорисься. Я могу
„сдѣлать все, когда обяжешся пы
„дань плащипь. Подумай о семѣ,
„и опшиши ко мнѣ , какѣ наи-
„скорѣе , чшобѣ я пакія мѣры
„взялѣ , и предспавилѣ о семѣ ма-
„ему Государю.,,

Одинѣ изѣ шайныхѣ моихѣ
непріятелей , находясь тогда при
войскѣ , нашолѣ черный письма сего
списокѣ моей руки , который я
выронилѣ изѣ кармана моего. Сіе
послужило ему изряднымѣ средст-
вомѣ кѣ погубленію моему. Чего
не можетѣ изыскашь душа злобная,
когда вознамѣришся изблевать на
кого ядѣ свой? Письмо сіе было
перегнуто на двое , и на одной
половинѣ онаго начальныя спроки ,
содержали вѣ себѣ совѣмѣ пропив-
ное , нежели сѣ чѣмѣ было оно
писано , а имянно сіе :

Е 5

„ Князь

- „Князь Варяжскій побрѣлъ мнѣ поѣско,
 „неосторожно полагаюсь на счастье
 „Старайся употребить въ пользу сіе!
 „что я предлагаю писемомъ симъ!
 „Я могу сдѣлать все,
 „Подумай о семъ, и опиши,
 „чтохѣ я жскія мѣры вѣдѣлъ

Прочтя сію половину оподрабѣннѣ пошчасѣ искусно другую, цакѣ что и примѣшпшь было нельзя, и бросилѣ оную, изорвавши въ лоскутки; а сѣ первою какѣ содержащею въ себѣ явное доказательство въ измѣнѣ, кошорую онѣ вздумалѣ возложить на меня, бѣжалѣ изѣ войска, и явясѣ кѣ Варяжскому Князю, донесѣ все то, что злоспѣ вложила ему въ мысли.

Нельзя было усумнишьсѣ Князю въ мнимой винѣ моей, когда онѣ читалѣ писмо, написанное рукою моею кѣ его непріятелю. Онѣ наполнился гнѣва, и опредѣлилѣ наказаніе меня примѣрно, за презрѣніе всѣхѣ оказанныхѣ ко мнѣ милостей, и сію поспыдную измѣну, о коей я и не мысдилѣ. Князь по-
гожѣ

гождь часа поручилъ сему донесшему
 на меня злодѣю, ѣхашь къ вой-
 ску, и привезши меня окованнаго
 въ столицу. Слѣдующій совершилъ
 мою пагубу, лепѣль, не ѣхаль,
 имѣя при себѣ указъ Княжескій о
 взяшѣв меня подъ спражу. Онѣ
 прибылъ къ войску, и объявилъ
 о семѣ тайно многимѣ Полковымѣ
 Воеводамѣ, кои повиновались сему
 Княжескому соизволенію. Я взяшѣ
 былъ ночью, и повезенъ на перемѣн-
 ныхъ лошадяхъ. Можно ли вообра-
 зить, въ каковомѣ былъ я недоу-
 мѣніи о семѣ поступкѣ со мною,
 когда при томѣ зналъ мою невин-
 ность? Не могъ я думать инако,
 что сіе было спараніемѣ тайныхъ
 моихъ враговъ. Однако не взирая
 на все, повиновался волѣ моего Го-
 сударя, полагаясь на чистоту моей
 совѣсти. Слухъ о произшедшемѣ со
 мною пошчасъ разнесся по всему
 войску. Любившіе меня чрезмѣр-
 но воины взбунтовали, и не слу-
 шаясь своихъ начальниковъ, погна-
 лись

лись за мною. Они достигли насъ скоро, и я не успѣлъ остано-
вить ихъ. запальчивости, какъ донощикъ на меня, былъ отъ нихъ въ куски изрубленъ. Они взяли меня на руки, и понесли назадъ съ радостнымъ восклицаніемъ: „Благодаримъ небо, возвращающее намъ, въ цѣлости нашего опца,“; Тщепно представлялъ я имъ, что они напрасно проливяшся волѣ Государя своего, навлекая на себя наказаніе. Они не слушались меня, и донесли обратно въ шайбъ. Принуждали опять принять начальство, говоря, что они помрутъ за одно слово, которое я произнесу.

Необходимость для отвращенія начавшагося бунта, принудила меня принять начальство, и ихъ успокоить; но я вскорѣ потомъ уѣхалъ тайно, и являсь предъ лице Князя, донесъ о всемъ произшедшемъ. Приносилъ оправданіе, что я, какъ въ убійствѣ за мною посланнаго, такъ и въ винѣ, въ
копо-

копорою доносили на меня, ни ма-
лаго не имѣю участія. — Еще
ты, недостойной, хочешь вывернуть-
ся изъ своего пресупленія, ска-
залъ Князь. Прочти письмо сіе, не
твою ли оно писано рукою? Окъ
подалъ мнѣ оно, и я осполбенѣлъ,
прочтя; ибо увидѣлъ, что оно
писано было точно моею рукою;
а что оно разодранное половину со-
спавляло, того не могъ вздумать,
и совсѣмъ забылъ о письмѣ, писан-
номъ къ Скиѣскому Царю. Я спа-
рался доказать невинность мою
клятвами, и всѣми моими поступ-
ками: ничто не помогло. Меня
посадили въ темницу, произвели
надо мною судъ, и я какъ измѣн-
никъ и убійца Княжескаго послан-
ника, осужденъ былъ на смерть.
День казни моей наступилъ. Я вы-
веденъ на площадь. Спекшійся на
позорище народъ, весьма жалѣлъ о
моемъ несчастіи, имѣя въ памяти
услуги мои ихъ опечеству, и озна-
чивалъ состраданіе свое о мнѣ пла-
чевъ

чевными восклицаніями. Хопя и зналъ мою невинность; но совсѣмъ опчядлся избавитъся, и со ужасомъ ожидалъ послѣдняго удара, долженствующаго прекрапиль въ кѣ мой. Палачъ взмахнулъ уже грозную руку; но присланный отъ Князя остановилъ ударъ, и повелѣлъ меня предспавиль Князю.

Причиною сего было познаніе моей невинности. Приѣхавшій изъ войска вѣспникъ привезъ отъ Скиискаго Царя отвѣтъ на письмо мое, въ коемъ отвѣчалъ онъ гордо: Что тогда согласишь давать Варяжскому Князю дань, когда не будешь въ немъ души. Сей отвѣтъ подписанъ былъ на самомъ томъ же письмѣ, которе я послалъ къ нему. Князь прочелъ оное, и помня содержаніе половины чернаго письма, заключавшей мою измѣну, сравнилъ ихъ, позналъ, что я не виненъ, и что то было только злостное на меня оклеветаніе.

По.

Помѣмъ, какъ я предсталъ Князю, и слушалъ извиненія въ жестокомъ и несправедливомъ пропису меня поступкѣ, пріѣхалъ изъ войска второй гонецъ, и донесъ, что войско въ мое отсутствіе пришло въ великое замѣшательство, Воины не слушали своихъ начальниковъ, и сдѣлали бунтъ; что непріятель, пользующійся сихъ безпорядкомъ, напалъ на нихъ, и разбилъ жестокимъ пораженіемъ все войско, котораго осмашки бѣгутъ кучками назадъ въ отечество. Несчастная вѣсть сія изобразила Князю помѣ убытокъ, который понесъ онъ, послушавъ неоспорочно на меня оклеветанія. Крайность принудила просить меня, принять опять начальство надъ войскомъ, и обѣщать въ награжденіе все, чего бы я ни требовалъ. Я обрадовался чрезвычайно о помѣ, что узнали мою невинность, и бросясь къ ногамъ Князя, сказалъ, что я чрезвычайно награжденъ, когда Его Ве-
лично-

личесство удостоиваетъ меня прежнія милоспи и довѣренности. Обѣщался не щадить моей крови, на исполненіе его воли, вышелъ, и отправился къ войску.

Воины бѣгущіе въ безпорядкѣ, вспрѣпясь со мною, едва меня увидѣли, какъ оспановясь, кричали: Вотъ отецъ нашъ идетъ защищать насъ! Я не меньше оказалъ имъ радость мою, что ихъ вижу. Я собралъ остатки пораженнаго войска, и пошелъ обратно въ Сармацію полагая въ надеждѣ, что не великошь силъ успѣваетъ въ оружіи; но усердіе и довѣренность подчиненныхъ къ ихъ начальнику можетъ иногда дѣлать чудеса. Я нашелъ гордящагося побѣдою своею непріятеля въ оплошности, напалъ на него нечаянно, и разбилъ превосходную его силу такъ, что едва десятая изъ нея спаслася часпъ. Пользуясь симъ успѣхомъ и нагнаннымъ страхомъ, пошелъ я прямо къ сполчному городу, ко-
имъ

имъ и овладѣлъ, прежде нежели могли Скиѣы предпріять что къ своей оборонѣ. Самъ Царь со всемъ своимъ домомъ взятъ былъ въ плѣнъ. Война рѣшилась, Сармація вся покорена, и наложена на оную дань. Съ сего времени опверзаешся бездна всѣхъ моихъ злополучій, и испекаетъ изъ нея испочникъ бѣдъ, потопляющій меня до нынѣ въ безчисленныхъ мукахъ.

Между взятыми въ плѣнъ дѣшми Скиѣскаго Царя была дочь, именемъ Всемила. Природа не пожалѣла даровъ своихъ, чтобъ произвести ее совершеннымъ твореніемъ на свѣтѣ. При взглядѣ на нее, соспояніе моего сердца получило совсѣмъ иной видъ, и нечувствительность онаго исчезла. Глаза мои, усремленные на ее прелести, шрепещущее сердце, и неизвѣстное до того движеніе крови, изобразили мнѣ, что я испилъ сладкую отраву любовной спраси.

Часть III.

Ж

Мы

Мы выѣхали изъ Сармаціи въ Варягію. Во время роздыховъ, каждый день по нѣскольку разъ посѣщаль я Скиѣскаго Царя; но сіе для того, чпобъ видѣшь предметъ спраспныя любви моей. Всякое свиданіе служило новыми ранами моему сердцу, копорыя опворяли въ немъ Всемилины заразы; и наконецъ узналъ я, что мнѣ щаспливу бышь безъ ней не можно.

Между шѣмъ, какъ я продолжалъ посѣщенія мои, случай доставилъ мнѣ застать Всемилу одну въ шапрѣ отца ея. Все, что перзаемья горестію пріятности могли имѣшь благороднаго и жалостнаго, изображено было на прекрасномъ лицѣ ея. Я сдѣлалъ ей должное почшеніе, и она приняла оное безъ презрѣнія и благодарности, яко приношеніе надлежащее ея степени, коей чувствованіе не ослабѣло въ душѣ ея чрезъ нещасіе. Печаль Всемилы проникла во внутреннія моего сердца. Несносно мнѣ было

Было видѣть ее въ такомъ со-
 стояніи. Жалость и любовь соеди-
 няся вмѣстѣ, покрывали меня
 смущеніемъ, и напояли поскою
 духъ мой. Я желалъ ее успокоить,
 и говорилъ все то, что разбѣян-
 ные мысли влагали мнѣ въ голо-
 ву. Она опивчала мнѣ на оное од-
 ними слезами и вздохами. Сколь
 великое дѣйствіе произвели сіи въ
 чувствительной и пламенной ду-
 шѣ моей! Я воспеналъ о моихъ
 подвигахъ, вѣдая, что оныя были
 единственною причиною ея огорче-
 нія, и укорялъ себя своими побѣ-
 дами, произведшими дражайшія
 слезы изъ прелестныхъ очей Все-
 миль. Унылость, популенные
 въ низъ глаза, блѣдное лице и
 запекшіяся уста, изъявляли ей
 печаль мою. Она неинако понима-
 ла сіе, какъ дѣйствіемъ моего о
 ней сожалѣнія. Сіе приводило ее
 во удивленіе, и она не знала, что
 заключить. — Поздно думаете
 вы спараться о моемъ ушѣшеніи,

сказала она, спавши виною, всего моего нещастія. Злость моей участи велика, чшобъ я могла забыть оную, и принявъ ушѣшеніе изъ устъ врага моего. — Ахъ! я врагъ вамъ, прервалъ я съ горестію; можетъ ли бышь сіе? Справедливые нѣбеса! вамъ нескрышы пайны сѣрдца моего; вы вѣдаете, заслужилъ ли я сіе имя? До какова приведенъ днесъ я будствія? Исполняя долгъ мой къ моему Государю, и желая поправить чрезъ по собствениыя мои нещастіи, сдѣлался я орудіемъ злополучія другихъ, и заслужилъ имя врага! Такъ, Государыня, я спалъ злодѣемъ вашимъ пропиву моей воли; но злодѣй больше самъ себя. Я погубилъ самъ себя, и усугубилъ жестокость части моей вашимъ плѣномъ. О щещное щастіе! на по ли пы мнѣ благопріятспвовало, чшобъ нечувствительнo погрузить духъ мой въ бесчисленныхъ помленіяхъ? — Престанъ припворяшья и пѣняшь на склонное

ше-

тебѣ щастіе, сказала Всемила. Че-
 го еще тебѣ желашь оспалось,
 спавши побѣдителейъ сильнаго Го-
 еударя, и первымъ любимцемъ сво-
 его Князя? Какого награжденія
 не можешь ты ожидать отъ того,
 кому ты насъ во власль доста-
 вилъ? — Прекрасная Всемила!
 отвѣчалъ я, наружный видъ мо-
 его щастія покрываетъ распущрен-
 ную своею шѣвною внутреннѣю об-
 спояшельства горестныхъ слу-
 чаевъ. Позволише ли, чшобъ я изъ-
 яснилъ оныя предъ вами? При-
 мите на себя великодушный трудъ
 въ выслушаніи печенія моей жиз-
 ни, и узнайте, что я назначенъ
 судьбою произойти на свѣтъ для
 игры свирѣпаго рока. Сего надѣюсь
 я отъ васъ, не для сожалѣнія,
 которое можетъ имѣть несчаст-
 ный о несчастномъ; но для снисхо-
 жденія, которое оказываютъ ве-
 ликія дѣши ко врагамъ своимъ.
 Она позволила мнѣ въ шомъ, и я
 началъ ей описывать мои случаи,

не позабывъ изъяснить въпервыхъ , что я рожденъ отъ единственней и законной наслѣдницы Чешскаго престола. Включилъ нещасія моихъ родителей, коими доведены они въ крайнюю бѣдность, собравши все краснорѣчіе, сколько я имѣлъ онаго. Помомъ какъ я лишаюсь надежды и послѣдняго изживенія, принужденъ забыть свою природу, и вступишь въ службу Варяжскаго Князя, спешенемъ послѣдняго чина въ его войскахъ. Какъ я ему усердно служилъ, какъ дошелъ было до смерти, какъ избавился, и опять сдѣлался благополученъ. Но чтожь вышло изъ этого? продолжалъ я робкимъ и смущеннымъ видомъ. Я сдѣлался побѣдителемъ; но потерялъ мою свободу. Любовь неизвѣстная моему сердцу, разрушила нечувствительность мою къ нѣжному полу, и учинила своимъ невольникомъ. Я заключенъ на вѣкъ въ ея оковы. И какъ не хочу, чтобъ я былъ отъ нея

нея свободенъ , равно и не имѣю
 надежды бытъ щасливымъ въ мо-
 ей спраспи , которая наполняетъ
 ежеминутно неизбясненными мука-
 ми мои чувствы. . . . Великодуш-
 ная Царевна ! я не могу скрѣпить
 себя , чтобъ не избясниться предъ
 вами. Дерзость мою почтите вы
 достойною прощенія или казни :
 мнѣ все равно. Я не могу ждатьъ
 вашего сожалѣнія , спавъ причиною
 вашихъ огорченій , ни на васъ пѣ-
 нятъ , что спалъ отъ васъ неща-
 спенъ. Сіе дѣйствіе одного гнѣвна-
 го на меня рока. Я ненадѣюсь ,
 чтобъ вы усугубили свою ко мнѣ
 ненависть , которая и такъ без-
 предѣльна ; я оную заслужилъ. Но
 вѣдайте , что жесточайшія казни
 недостыпачны сравниться съ пѣми
 муками , кои несу я , пѣнясь безъ
 надежды безсмертнымъ сіяніемъ
 вашей красопы. Я васъ люблю ,
 люблю спраспно , и больше моей
 жизни : воздайтежъ мнѣ сію дер-
 зость , возненавидьте меня споль-

ко, сколько я васъ обожаю. Сего мнѣ мало за мои прошиву васъ пресшупленія. Я болѣе заслужилъ. Лишите меня жизни; сего одного желаю я въ моихъ помленіяхъ. Удовлѣпворите справедливый гнѣвъ свой, и шѣмъ избавите меня не-носныхъ дней моихъ. Еспьли же вамъ мерзко омышь руки свои кровію вашего врага: я самъ свершу сіе, и шюю же рукою, коя причиною вашихъ нещаспій, прекрачу я мои собспвенныя. Съ словомъ симъ извлекъ я мечъ свой, и бросаь на колѣна, подавалъ оный въ руки Всемиль.

Во все время, какъ я продолжалъ слова мои, Царевна взирала на меня видомъ, избъявляющимъ ея удивленіе. Сожалѣніе о нещаспій моихъ родителей, и о моемъ собспвенномъ, казалось проницающимъ изъ очей ея, копорые не могли закрыть не нависпшперенныя прошиву неприяшеля. Когдажъ услы-

слышала изъясненіе мой кѣ ней
 спроси, величество ея казалось
 тѣмъ оскорблено. Стыдливоспъ и
 досада премѣнили видъ ея. Она
 пщилась преодолѣть чувствуемое
 сожалѣніе, и осыпавъ жестокими
 укоризнами меня за дерзоспъ; дви-
 женія ея по изъясняли. Но оп-
 чаяніе и смущеніе, въ копоромъ я
 тогда находился доказывали ей без-
 припворноспъ словъ моихъ. Она
 вырвала мечъ изъ рукъ моихъ, и
 влагая оный въ ножны, говорила:
 Мстипъ врагамъ своимъ, дѣйствіе
 душъ подлыхъ; а прощавъ вины,
 должноспъ самой добродѣтели.
 Хотя ты былъ тѣмъ орудіемъ,
 кое повергло насъ въ нещаспие; но,
 что дѣлапъ? ты исполнилъ чрезъ
 по волю судьбы и своего Государя,
 и инако тебѣ поступавъ было не
 можно. Я почиаю тебя меньше
 виновнымъ, нежели спавила пре-
 же; но пребованія твои оскорбля-
 ютъ мою природу. Чего ты на-
 дѣшся отъ дочери врага твоего

Ж 5

Го.

Государя? Не думаешь ли, чтобъ я была споль подла, чтобъ допустила въ краспись поспыдной спраспи въ мое сердце, и почувствовола бы къ тебѣ склонность. Нѣтъ, не жди сего. Царевна Скиеская и въ невольницахъ имѣетъ тѣ же чувствованія, кои ей врожденны. Не ласкай себя твоею надъ нами властію, забудь о семъ, и не сдѣлай чрезъ по себя доспойнымъ моей ненависти. Довольствуйся тѣмъ, что твои несчастія и твоё происхожденіе, извлекающъ мое о тебѣ сожалѣніе . . . Но я много выговорила. Оспавь меня, и не умножай тоски моей своимъ присутствіемъ. — Я долженъ повиноваться вашей волѣ, сказалъ я съ опчаяніемъ; и естли я сполько несчастенъ, что вы не можете сносить моего присутствія: я избавлю васъ онаго. Зоключенія мои дѣлающъ меня несноснымъ самому себѣ. Мечъ, служившій до сель къ моей славѣ, послужишь и къ

кѣ достиженію покоя. Я иду, прекрасная Всемила, иду умереть. Я не жалѣю распаться съ жизнію; но не могу вообразить, что лишаюсь тебя на вѣки. Проспи, и знай, что жестокость пвоя изгоняетъ изъ свѣта несчастнаго Свѣтомила, любившаго тебя больше всего во ономѣ. Я пошелъ, положя швердое намѣреніе умершвить себя; но Царевна остановила меня, сказавъ: Не вѣ испинну ли ты вздумалъ заколотъся! — Конечно и сей же часъ, опвѣчалъ я. — Нѣтъ я не хочу бытъ онаго причиною, продолжала она. — Вы однимъ словомъ можеше остановить спремленіе моего опчаянія, и возвратить меня кѣ жизни, подхвапиль я. — Живите, сказала она; я позволяю вамъ не думать о смерти: ненависть моя исчезаетъ. — Ахъ! вы меня оживотворяете, говорилъ я, ставъ предъ нею на колѣна; но сего мало. Естли вы не будете меня ненавидѣшь, не не будете и лю-

любить: по что мнѣ въ жизни? Она цѣль однихъ мученій! — Не мучтсь, отвѣчала Царевна. Я не здѣлаю вамъ никакихъ огрченій; но можно ли мнѣ признахься въ томъ, о чѣмъ мнѣ доажно много совѣщавать съ моимъ сердцемъ и разсудкомъ? Обстоятельствы шрон меня прогають; но сказать, что я люблю себя, не можно мнѣ никогда, кромѣ соизволенія моего родителя; а опкрышь ему о семъ я весьма спрашусь. Уничженіе въ плѣнѣ не уменьшило его гордости. И такъ подумай, чего ты можешь опъ меня ждашь? — Того только, чшобъ вы опкрыли мнѣ, что можете меня любить. — Вамъ не будетъ изъ того пользы. — Ахъ! я былъ бы щасливѣйшій изъ смертныхъ. Мнѣ не оспалось бы ничего на свѣщъ желать, какъ просить Варяжскаго Князя, чшобъ въ награжденіе за мои услуги, возвращилъ онъ родителю вашему свободу вмѣстѣ съ его

его царствомъ. Онъ не можетъ отказать мнѣ въ томъ. Не ужь ли родителъ вашъ будетъ за сіе нечувствительенъ, и откажетъ увѣнчавъ мою услугу позволеніемъ вамъ любить меня? Попрошу я Князя, чтобъ онъ далъ мнѣ помощь, достигнуть на престолъ моего дѣда, и вручить вамъ скипетръ Чешскій. Отвѣтъ на сіе Всемилы, наполненный скромности и величества, показывалъ одну только спокойную благодарность. Хотя она щдилась скрыватьсь; но я примѣчалъ, что происходило во глубинѣ сердца. Она стыдилась, что слушала меня съ снисхожденіемъ; но польза родителя ея налагала на нее законъ сберегать таковую подпору, каковъ былъ я. Вѣдай, что я обладаю благосклонностію Варяжскаго Князя, могу испросить все отъ его власпи. Словомъ сказать, старанія мои превозмогли. Она открылась мнѣ, что я ей не прошивенъ, и что при исполненіи

всѣхъ

всѣхъ моихъ желаній почтешъ она себя благополучною. Мы рождены были другъ для друга, и плѣнились взаимно.

Съ того времени началъ я оказывать опмѣнное почипаніе Царю Скиѣскому. Все, что могло облегчить плѣнъ его опъ меня употреблено. Каждый день видѣлъ я Всемилу по нѣскольку разъ, и соединялъ съ своими чувспвованіями шоль нѣжную и искреннюю къ ней горячность, что она скоро начала укорять себя за ненависть, которую имѣла ко мнѣ прежде. Я съ стороны моей не могъ упѣшиться, что способспвовалъ ея нещаспіямъ, и свидѣпельспвовался небомъ, что въ состояніи былъ все предпріять, чтобъ оныя загладишь. Князь Варяжскій, говорилъ я, сколькожъ великодушенъ къ своимъ плѣнникамъ, сколько неукрошимъ прошиву непріятелей. Удовольствуюсь побѣдою, онъ упѣсняшь уже не можешъ. Услуги мои и

ми-

милости его ко мнѣ, конечно до-
 спаявъ мнѣ исполнить желаемое,
 во испрошеніи вамъ свободы и ваше-
 го владѣнія. Сіе осушитъ твои
 слѣзы, прекрасная Всемила; но
 истребитъ ли изъ твоего напоми-
 нанія, принудившаго проливать
 оныя? Получа опять сіяніе своего
 величества, не забудешь ли ты
 несчастнаго Свѣдомила? — Тако-
 выя слова извлекли изъ устъ ея
 признаніе, что она вспылала ко
 мнѣ равною страстію; и что безъ
 меня благолучною не будетъ. Мы
 клялись вѣчною вѣрностію, и въ
 продоженіи пущи, повторяя ежеча-
 сно нѣжныя разговоры, выдумыва-
 вали средства, какимъ бы образомъ
 достигнуть на верхъ нашихъ же-
 ланій. Я считалъ себя щасливѣй-
 шимъ изъ смертныхъ, и не ду-
 малъ, чтобъ можно было прерваться
 моимъ надеждамъ.

На послѣдокъ приближились мы
 къ столицѣ Варяжской. Первое
 мое дѣло было испросить у Князя,
 чтобъ

чтобъ побѣжденный Скиѣскій Царь не былъ веденъ при шоржеспвенномъ моемъ въ городъ вѣздѣ, яко плѣнникъ. Сіе я получилъ, и сообщилъ о томъ радость мою Всемиль. Она приняла по сѣ большимъ удовольствіемъ, и надеждою по причинѣ перваго опыта моей у Князя просьбы о дальнѣйшемъ благополучномъ слѣдствіи нашихъ желаній. Торжество окончалось; я предспалъ предъ моего Князя. Еспьли былъ кпо любимъ чремѣрно своимъ Государемъ, шакъ эшо я. О какъ несправедливо поспупилъ я сѣ побою, любезной мой Свѣшомилъ, говорилъ Князь Варяжскій, меня обнимаю. Едва не оспорожность моя не ввергла меня въ напастъ. Благодарю небо, спасшее насъ обѣихъ. Повѣрь мнѣ, что раскаяніе о моемъ проступкѣ пребудетъ споль же вѣчно, какъ и благодарность къ шебѣ нескончаема. Чѣмъ могу я воздашь швои заслуги? Теперь остаешся шебѣ же-

желаю, а мнѣ исполнять. Прозьба шволя будетъ законъ моей власти. Скажи шолько, и все получишь, что шолько ошъ меня зависить.

Какой случай могъ бытъ удобнѣе, для прошенія о свободѣ Царя Скиескаго? Я употребилъ оный въ мою пользу, и бросаюсь на колѣни, говорилъ къ Князю слѣдующее:

„ Великій Государь! чего оспалось
 „ мнѣ желаю, когда Ваше Величе-
 „ ство познали мою невинность,
 „ и возвращаете благоволеніе ваше
 „ послѣднему вашему рабу. Ша-
 „ стіе мое безпредѣльно, и я былъ
 „ бы человекъ неблагодарнѣйшій,
 „ когда бы хощѣлъ употребить
 „ милости ваши къ насыщенію че-
 „ сполубія или корысти, бывъ и
 „ шакъ награжденъ сверхъ мѣры.
 „ Но ешъли можете рабъ вашъ
 „ дерзнуть просперти прозьбу: оная
 „ единшвенно коснется доплѣшника
 „ вашего, Царя Скиескаго. Удиви-
 „ те свѣтъ вѣщшимъ великодуші-
 „ емъ, нежели ужасомъ ославѣ вашего

Часть III.

3

„ ору:

„ оружія. Возвращайте Сарматамъ
 „ свободу и Царя ихъ. Удоволь-
 „ ствуйтесь одною данью, кою
 „ плашится они опрѣчя не могутъ.
 „ Сіе промчитъ славу вашу въ кон-
 „ цы вселенныя, и покажетъ смер-
 „ тнымъ, что Варяжскій Государь
 „ столькожъ способенъ прощать и
 „ миловать, какъ и побѣждать.
 „ Пусть попомки въ восхищеніи
 „ будутъ чинать рѣдкій примѣръ
 „ щедрости вашихъ и добродѣте-
 „ лей! „

Слова мои проникли во внуш-
 ренность души Варяжскаго Князя.
 Снисходительное сердце его не
 меньше подвиглось къ жалости,
 какъ дивился онъ нечаянному ро-
 ду прозбы въ мое награжденіе.
 „ Вотъ рѣдкій примѣръ безприспра-
 „ стія въ подданномъ, говорилъ
 „ онъ. Великодушіе швое меня
 „ прощаетъ. Царь Скиѣскій свобо-
 „ денъ. Для тебя, любезный Свѣ-
 „ томилъ, возвращаю я ему свобо-
 „ ду вмѣстѣ съ его Царствомъ.
 „ Но

„ Но чюбы совершилъ долгъ до-
 „ стойный добродѣтели, я не пре-
 „ бую отъ него никакой дани.
 „ Вѣрность твоя ко мнѣ есть
 „ даръ, превышающій всѣ сокровища
 „ на свѣтѣ. Исполненіе сего есть
 „ малѣйшій знакъ, чѣмъ могу я
 „ наградить твои заслуги. —
 „ Ваше Величество! сказалъ я об-
 „ нимая ноги его, никакъ не
 „ можетъ быть столько награ-
 „ жденъ, какъ я. Безъ сего былъ бы
 „ я несчастнѣйшій человекъ. Отъ
 „ свободы Скинскаго Царя зависилъ
 „ все будущее благополучіе. Вы боль-
 „ ше мой отецъ, нежели Государь.
 „ Вы меня, поверженнаго въ крайнее
 „ бѣдство, приняли въ покровъ сво-
 „ ихъ щедротъ, и умягчили суро-
 „ вость моихъ несчастій своими ми-
 „ лостями. И такъ не долженъ я
 „ скрыть предъ вами тайныхъ мо-
 „ ихъ обращеній. Побѣжденный ва-
 „ ми Царь имѣетъ у себя дочь
 „ рѣдкой красоты. Сколь я ни не-
 „ чувствителенъ былъ къ преле-
 „

З а

„спямъ

„ стнямъ нѣжнаго пола, но при пер-
 „ вомъ на нее взорѣ, не могъ укрышь-
 „ ся заразѣ ея. Я влюбился въ нее
 „ смертельно, и позналъ, что безъ
 „ ней щасливѣ бытъ не могу. Она
 „ сіе вѣдаетъ, и соопвѣтствуетъ
 „ мнѣ взаимною склонностію. Но
 „ жребій увѣнчанія нашихъ желаній
 „ не могъ случиться иначе, какъ съ
 „ соизволенія опца ея, котораго гор-
 „ достъ воспрепятствовала бы со-
 „ гласиться на мои пребыванія, еже-
 „ ли бы вы, о Государь! не оказали
 „ чрезъ меня сего снисхожденія къ
 „ нему. Теперь я великую имѣю
 „ надеждѣ моей подпору. Но Скиескій
 „ Царь не знаетъ еще спраски моей
 „ къ его дочери, и неизвѣстно, какъ
 „ приметъ мое о томъ предложеніе,
 „ для изъясненія котораго нѣмѣетъ
 „ языкъ мой. Докончи, Великій Го-
 „ сударь мое щастіе, соверши без-
 „ предѣльныя свои ко мнѣ милости.
 „ Единое изъ успѣ вашихъ въ мою
 „ пользу сказанное слово возведетъ
 „ меня на верхъ моихъ желаній „

Варяж-

Варяжскій Князь, поднявъ меня, обѣщалъ о мнѣ стараться, сколько будетъ его возможности. И въ самомъ дѣлѣ погожѣ дня Скиескій Царь былъ чрезъ меня предъ него введенъ, которому онъ сказалъ: Я возвращаю тебѣ твое царство и твою вольность. Благодари за сіе Свѣдомила. Одна его о семъ прозба успѣла склонить меня. Царь Скиескій, неожиданнымъ образомъ скорой премѣны своего нещастія, совсѣмъ смѣшался. Не извѣстно, удивленіе или радость сильнѣе тогда имъ овладѣла. Когда онъ пришелъ въ себя, и началъ приносить въ чувствительныхъ словахъ благодареніе Варяжскому Князю; оный повторилъ ему, что онъ обязанъ за то мнѣ, а не ему, и принудилъ обратиться ко мнѣ. Потомъ, когда онъ подшедъ ко мнѣ, говорилъ: Великодушный Свѣдомилъ! чѣмъ могу воздать безпримѣрное твое ко мнѣ благодѣяніе! — Я совсѣмъ смутился,

Языкъ мой мнѣ измѣнилъ , и я
бросясь предъ нимъ на колѣни ,
по возводилъ глаза мои на него , и
желалъ употребить мою прозбу ;
по обращалъ ихъ на Варяжскаго
Князя , и безсловесными знаками
просилъ о его за меня предстатель-
ствѣ. Новое удивленіе для Царя
Скинскаго. Онъ самъ смутился и
не зналъ , какъ исполковать сіе про-
изшествіе ; но Князь Варяжскій
объяснилъ ему мое желаніе , и у-
сугубилъ радость его новымъ удо-
вольствіемъ , что онъ нашелъ слу-
чай воздать мнѣ мою услугу. Царь
Скинскій поднялъ меня съ земли ,
обнялъ , и сказалъ съ восхищені-
емъ : Справедливые небеса ! сколь
неиспытанны предѣлы судебъ
твоихъ ! Возможно ли , чтобъ потъ
Свѣпомиль , который возлагалъ на
меня оковы , пылая неукротимымъ
свирѣпствомъ , нынѣ разорвалъ о-
ныя , и вмѣсто всѣхъ наградъ
взялъ на часть свою свободу , отъ
щедрости своего Государя ? Грезный
сей

сей Ирой, бывший врагомъ моимъ, обращается въ любезнаго мнѣ сына.

Но много рассказывать всѣ слова, имѣ и мною при томъ говоренныя. — Царь Скиескій согласился отдать за меня дочь свою. На другой день положено быть нашему сочетанію; а между тѣмъ обнародованъ указъ о свободѣ Сармаціи и ихъ Царя. Всѣ дивились добродѣтельному поступку Варяжскаго Князя; а особливо превозносили похвалами меня. Каждый изъ бывшихъ плутъ Сармаповъ, и Варягъ соединялъ радость свою съ моею: поелику послѣдніе меня любили, а первые чли своимъ избавителемъ.

Представте мой случай въ примѣръ превратнаго щастія. Чего, думалъ я, не достаетъ къ дополненію моего блаженства. Я любимъ своимъ Княземъ, почтенъ, богатъ, женихъ дочери сильнаго Царя. Какія лестныя мысли не наполняли мою голову! Радостныя

воображенія, порываясь другъ предъ другомъ, приводили меня внѣ себя. Остатокъ дня, и большую часть вечера провелъ я у моей дражайшей Всемилы. Все, что сильная спрашь истинныя любви вмагала въ наши мысли нѣжнѣйшаго, говорили мы другъ другу. Мы распались, вспламенясь сильнѣе, упоенные сладкою надеждою соединиться на вѣки въ слѣдующее утро. Я пошелъ пріуготовлять приспойное сему торжеству, долженствующему происходить въ присутствіи самого Государя, во дворцѣ Княжескомъ.

Ночь прошла прежде, нежели могъ сонъ свести глаза мои. Настала желанная минута. Всѣ были во дворцѣ, Скиескій Царь, любезная моя Всемила, и весь его родъ. Къ началу сочетанія нашего ожидали только прибытія Князя. Онъ пришелъ, и съ первыми взглядомъ на Всемилу переѣвился въ лицѣ. Беспорядочныя
ощ-

отвѣты еѣ на оказуемое отъ всѣхъ почтеніе, изъявили еѣ замѣшательство. Всѣ, удивились таковому смущенію, и не знали, къ чему отнести онаго причину. Я самъ не понималъ, что заключаешь изъ того; но сердце мое предчувствовало грозящую мнѣ опасность. Оно шептало, и наполняло ужасомъ мои чувства. Всякая неприщворная любовь, недалеко отъ ревности, и такъ неувидительно, что я полагалъ смущеніе Княжеское дѣйствиемо красоты Всемилиной. Семидесятилѣтняя еѣ спарость не могла убавить подозрѣнія моего, поелику я вѣдалъ влюбчивый нравъ еѣ. Я щепенѣлъ и примѣчалъ всѣ движенія моего Князя, и если бы кто взглянулъ на меня приспальниче, легко увидѣлъ бы, что я не меньше былъ смущенъ, какъ и онъ. Надежда на милости еѣ ко мнѣ боролась тогда всѣми силами съ ревнивостью, и едва не лишила меня употребленія чувствъ.

Колико неложны предвѣщанія сердечныя! Слѣдствіе показало справедливостъ моихъ догадокъ. Князь въ самомъ дѣлѣ плѣнился прелестными моею невѣсткой, и не возмогши скрыть смущенія, сказалъ, что онъ весьма занемогъ, и оплагаетъ совершеніе моего брака до облегченія отъ своей болѣзни. Онъ пошелъ во внутреннія покои, и всѣ разошлись. Одинъ я въ неудовольствіи и страхѣ оспался во дворцѣ; гдѣ предался печальнымъ размышленіямъ. Я желалъ видѣть Князя, но не получилъ того. Онъ отговорился, что болѣзнь его требуетъ успокоенія. Сей поступокъ вновь подтвердилъ мои недоверки. Князь никогда до поля не запрещалъ мнѣ входить къ себѣ. Я пошелъ домой, чтобы наединѣ свободнѣе размышлять о наступающемъ на меня несчастіи.

Какую жестокою напасшь господи мнѣ рокъ мой! думалъ я въ себѣ. Всякое щастіе человѣческое,

свое,

ское, есть одна пустая нѣтъ. Подпоры огромнаго его зданія супъ гибкіе хлыстики. Чего не могу я ждашь бѣдственнаго съ стороны моего Князя? Могъ ли я вообразить вчерась, чпобъ пакъ скоро скрылся свѣтъ наступающаго благополучія? Я лишаяюсь надежды; погибель моя очевидна. Чего не въ состояніи предпріять сильная страсть любви? О чѣмъ раздумаетъ Варяжскій Князь, сбывъ меня съ рукъ своихъ? Заслуги мои не удержатъ его. избавить себя совмѣстника таковаго, котораго склонность его къ Всемиль сносить не можетъ. Предпочтетъ ли меня ему Царь Скиѣскій? Одно сказанное слово, премѣнитъ его намѣреніе. Только нѣжная Всемилина ко мнѣ любовь удерживаетъ еще мое опчаяніе. Не ужъ ли прельститъ ее блескъ величества, и промѣняетъ она горячность мою, на скиптръ Варяжскій? . . . Ахъ! нѣтъ! я спрашуся подумать, взне-

взнести на нее такую измену. Добродѣтельная ея душа никогда на сѣ не согласится, и порокъ не будетъ торжествовать надъ ея склонностями. Пойду узнаю судьбу мою изъ устъ ея. Слова ея будутъ законъ, опредѣляющій жизнь или смерть мою. Но еслили она забудетъ горячность мою. — Увы! сего не могу я представить. Одно воображеніе о семъ терзаетъ на части мое сердце. Но что дѣлать? что ни будетъ, должно итти. Крѣпись, несчастный, приугошовь себя, можетъ быть къ принятію мучительной казни.

Въ такихъ, и симъ подобныхъ помисельныхъ размышленіяхъ, шелъ я въ ту часъ двора, гдѣ жилъ Царь Скиескій, чѣмъ увидѣть мою Всемилу. Но представте ужасъ мой, когда меня не допустили, и великій спальникъ нашего Князя сказалъ мнѣ имянемъ Скиескаго Царя, чѣмъ я не ходилъ въ шѣ мѣста, гдѣ онъ будетъ,

дети находиться съ своимъ домомъ. Я оцѣпенѣлъ; едва слова сіи не закрыли на вѣки глазъ моихъ. Съ трудомъ пришедъ въ себя, спрашивалъ я друга моего Прелимира, ибо онъ былъ пошъ спальникъ; не ошибся ли онъ, и мнѣ ли говоритъ оное? Такъ, опивчалъ сей; можно ли ошибиться въ пошъ, что мнѣ сказано съ неоднократнымъ подтвержденіемъ. Удались опсюда, несчастный Свѣшомилъ, продолжалъ онъ; я не имѣю времени пересказать тебѣ, что того причиною. Опасность споятъ съ тобою долго наединѣ, мнѣ препяпствуешь. Возми сіе писмецо; въ немъ все изображено. Усердіе мое къ тебѣ принудило меня дать тебѣ сію вѣдомость; но опасайся держать оную у себя, и сожги писмецо, или подвергнешь опасности жизнь мою, кою желаю я сохранить на одни тебѣ услуги. Сказавъ сіе, онъ меня оставилъ; а я съ поспѣшеніемъ пришелъ домой,

и

и прочелъ въ писмѣ ономъ слѣдующее :

„Государь нашъ влюбленъ въ
 „ невѣсту твою , дочь Скиескаго
 „ Царя. Онъ положилъ на ней же-
 „ нитья. Не вѣдаю , согласна ли на
 „ по Всемила ; а опецъ ея при-
 „ нялъ предложеніе сіе съ радостію.
 „ Бракъ сей основанъ на тѣхъ же
 „ для него преимуществахъ , какъ
 „ и съ тобою. Изъ сего кажешся
 „ непрудно догадаться , что ты
 „ не очень надобенъ при семъ про-
 „ изшествіи. Все , что есть опасна-
 „ го , ты можешь себѣ ждаться. И-
 „ мѣй великую оспорожность , и
 „ знай , что во всемъ нашемъ Княже-
 „ ствѣ остался тебѣ одинъ вѣр-
 „ ной слуга и другъ Прелимиръ „

Громовый ударъ и вѣсть сія
 были для меня одно. Я лишился
 чувствъ , и упалъ замертво въ ру-
 ки слугъ моихъ. Долго ли находил-
 ся я въ ономъ , безпамятствѣ , неиз-
 вѣстно ; но по пришествіи въ себя ,
 увидѣлъ я присланнаго ошъ Князя
 съ

съ указомъ, чпобъ я вхалъ Посломъ къ Кіевскому Князю, и вручилъ приложенную грамопу, Посланный пошъ объявилъ мнѣ, что Князь за болѣзнію свою не можетъ меня видѣть, чпобъ я вхалъ, какъ можно, скорѣе, по-важности порученнаго мнѣ дѣла, и что все наставленіе предписано въ указѣ. Не о чѣмъ было думать, какъ повиновашься соизволенію моего Государя. Я сказалъ посланному, чпобъ онъ донесъ Князю, что Свѣпомилъ какъ прежде не жалѣлъ лишь крови своей на исполненіе повелѣній его, пакъ и нынѣ прежде умретъ, нежели пропуститъ что либо, лѣжащее до вѣреннаго ему дѣла, и что настоящее его несчастіе, которое ощущаетъ уже нашедшимъ на себя, не токмо чпобъ уменьшитъ, но еще умножаетъ его къ нему усердіе. Посланный опшелъ, и я предался въ сей жестокости мучительныхъ мыслей, вливаемыхъ въ меня ревностію и несчастною любовью.

вію. Но сколь усугубился мой ужасъ, когда я вспомня о письмѣ Прелимировомѣ, онаго не нашель! Оно попало въ руки присланному отъ Князя, который вошелъ въ самое то время, когда я впалъ въ безпамятство, выронилъ оное изъ рукъ. Посланный поднялъ оное, и по содержанію счелъ за необходимое представить оное Князю. — Ахъ! дражайшій Прелимиръ! вскричалъ я, ты пропалъ, а я виновникъ твоей гибели! Однако прежде нежели что дойдетъ до меня, я умру самъ, или поправлюмой просупокъ, тебя избавя.

Каждая минута усугубляла пронзающія меня мучительныя воображенія. Я видѣлъ жизнь мою въ крайней опасности, лишена милоспей Княжескихъ, и что всего несноснѣе, забвеннымъ отъ Всемилы. Къ чему ты приведенъ, несчастный! произносилъ я въ моемъ опчаяніи. Что осталось тебѣ представляющее покинушь, превращенный

ный свѣтъ сей? Чего тебѣ ждать
 въ немъ, кромѣ усугубленія твоихъ
 несчастій и мукъ. Князь Варяж-
 скій, который былъ тебѣ ощещъ,
 и коему ты служилъ съ усердіемъ,
 примѣрнымъ долгу рабовъ, обра-
 тился тебѣ въ пиранна, не пом-
 нитъ вѣрности твоей, и ищетъ
 погибели. . . . О Всемила! жесто-
 кая Всемила, и забытъ обою!
 Сіе ли исполненіе клянствъ твоихъ
 о вѣчной ко мнѣ вѣрности? Нена-
 вистью ли слѣдовало тебѣ поминать
 мою къ тебѣ горячность? Ты
 стала мнѣ злодѣйкою; а я люб-
 лю тебя. Я спрavedю о тебѣ твоей
 невѣрности; а ты веселишься, со-
 вершая мое бѣдствіе, и не сты-
 диться, губя меня, прельщаешься бла-
 скомъ скипетра Варяжскаго! Къ до-
 полненію удовольствія твоего не до-
 стигаешь только одной моей смерти.
 Я доспаваю тебѣ иное, и докажу
 въ послѣдніе, сколь велика была
 моя любовь къ тебѣ. . . . Чего
 ждешь? Умри злощасливый, и про-
 Часть III. И краши

капли бѣды швои. Сѣ словомъ
 симъ извлекъ я мечь мой, и коне-
 чно бы пронзилъ себя: еспьли бы
 въ самое по время, не предсталъ
 въ мысль мою Прелимиръ. Дра-
 жайшій другъ! возопилъ я, пы у-
 держиваешь меня доспигнуть въ
 покой. Нещасіе швое меня перза-
 ешъ шѣмъ больше, что я сему
 причиною. Свободу швою счишаю
 я дороже моей жизни. Я перенесу
 всѣ помленія, поколь избавляю ше-
 бя отъ опасности. Помомъ вложу
 мечь мой, думалъ я, что начашъ.
 Не лзя мнѣ было продолжитъ пре-
 бываніе мое въ столицѣ. Я поло-
 жилъ выѣхашъ, и послѣ возвращаясь,
 стараюсь избавитъ Прелимира,
 который въ самое по время, какъ
 Князь получилъ имъ писанное, былъ
 окованъ, и вверженъ въ мрачную
 шюрму. Слухъ о его започеніи
 разнесшійся по всему городу, до-
 стигъ во уши мои. Я выѣхалъ, и
 оставя обозъ мой въ глухомъ мѣ-
 стѣ одного непроходимаго лѣса,
 ве-

велѣлъ ему дожидать себя, а самъ переодѣвшись въ простое платье, и взявъ съ собою не малое число денегъ, поѣхалъ обратно въ Варяжскую столицу, стараясь о Прелимирь. Я не находилъ инаго къ тому средства, какъ подкупить шемничнаго надзирашеля. Я заключилъ опасаться въ шюрѣмѣ на мѣстѣ Прелимира, его выпустишь, и принявъ назначенную ему казнь; по елику не имѣлъ причины стараться о продолженіи моей жизни. Блескъ золота склонилъ на мою сторону шемничнаго надзирашеля. Онъ по маломъ сопротивленіи принялъ отъ меня шму зланицѣ, отдалъ ключи отъ шюрѣмы, и свое платье; а самъ въ тощѣ же часъ удалился изъ Варягін.

Ночь была уже тогда, какъ получилъ я способъ къ доспиченію въ шемницу моего друга. Мрачность способствовала моему намѣренію. Я одѣлся въ платье надзирашеля, и подѣ видомъ, будто бы

несу пишу узнику, вошелъ. Я не могу изобразить жалости моей и его удивленія при нашемъ свиданіи. Мы схватились объятіями, и долго были безгласны и недвижны. Но пришедъ въ себя, не могъ я убѣдивъ его покинуть свое мѣсто, чшобъ я оспался умереть за него; никакъ онъ не соглашался. Однако упребленные мною угрозы, что я убью себя въ прошивномъ случаѣ, естли онъ погибнетъ, и увѣренія, что Князь Варяжскій можетъ быть убѣжденъ моими заслугами, и проститъ приняшую имъ дерзость, принудили его согласиться. Изрядно, сказалъ наконецъ Прелимиръ; я согласенъ дать тебѣ испытать единственное средство, оставшееся къ моему спасенію; но смерть твоя будетъ съ моею неразлучна. — Я далъ ему мою одежду, и упросилъ, чшобъ онъ вхалъ вмѣсто меня въ Кіевъ съ грамошою, кою тогда же ему вручалъ, и далъ письменное повелѣніе

двѣ кѣ моимъ людямъ, чѣмъ
 ему повиновались, какъ бы мнѣ са-
 мому. При томъ просилъ, чѣмъ
 онъ, есѣли можно будетъ, доста-
 вилъ прежде выѣзда своего, заго-
 шовленное мною, письмо кѣ Всеми-
 лѣ, и опдалъ ему оспальныя день-
 ги. Онъ залился слезами, и пору-
 ча меня провидѣнію, вышелъ; а я
 оспался съ неперпвнѣемъ ждашь
 послѣдняго часа моей жизни. Я
 думаю, вы полюбопытствуете у-
 знать, чѣмъ писалъ я кѣ Всеми-
 лѣ. Я помню, чѣмъ онаго содержаніе было
 слѣдующее :

„ Нынѣ я испыталъ всю спро-
 „ гость нещасныя моей судьбы.
 „ Кажется, чѣмъ рокъ мой, за шѣмъ
 „ шолько далъ мнѣ вкусить малое
 „ щастіе, чѣмъ послѣ излить на
 „ меня всю свою жестокость, и
 „ представишь вдругъ глазамъ мо-
 „ имъ великость моего злосщастія.
 „ Я не хочу описывать начала моей
 „ кѣ вамъ спрашти; оное вамъ из-
 „ вѣшно. Довольно, чѣмъ я достигъ

И 3,

„ на

„ на верьхъ могущаго составлять
 „ блаженство моей жизни. Я былъ
 „ любимъ вами, и могъ видѣть,
 „ что разноситъ состояній нашихъ
 „ не полагала препоны въ вашей ко
 „ мнѣ нѣжности. Словомъ я былъ
 „ преблагополучнѣйшій изъ смерт-
 „ ныхъ до прибытія нашего въ
 „ Варяжскую столицу. Съ того вре-
 „ мени ошверзла судьба шѣ двери,
 „ за которыми заперто было мое
 „ бѣдствіе; и оное шѣмъ больше
 „ меня поразило, чѣмъ менѣе я его
 „ ожидалъ. Наспавала минута, дол-
 „ женствовавшая насъ соединить на
 „ вѣки; но сія минута обратилась
 „ мнѣ въ смертельное мученіе. Она
 „ была послѣдняя изъ моихъ щаст-
 „ ливыхъ дней, и любви швоей ко
 „ мнѣ. Во оную Князь Варяжскій
 „ съ перваго взора мнѣ предпочтенъ.
 „ Онъ испребилъ меня изъ своего
 „ сердца. О жестокая! что ска-
 „ жешь швы во оправданіе швоего не-
 „ постоянства? Чего еще желаешь,
 „ составя для меня цѣль шерзанія,
 „ и

„ и превратя щасливые мои часы
 „ въ жизнь, горестей преисполнен-
 „ ную? Веселись, неблагодарная мо-
 „ ею погибелью; насыщай свое че-
 „ сполюбие, и ненавидь меня за
 „ то, что я любилъ тебя, и еще
 „ люблю больше моей жизни, копо-
 „ рая мнѣ несносна стала отъ тво-
 „ ей невѣрности. Для чего не мо-
 „ гу я преодолѣть себя, чтобъ те-
 „ бя возненавидѣть? Но, ахъ! сему
 „ бытъ не можно. Внутри сердца
 „ моего воздвигнутъ храмъ, вѣчно
 „ красотою твоею посвященный, и
 „ копорый не разоритъ ни самая
 „ смерть. Вѣдай, немилосердая,
 „ что не взирая на твою холодность,
 „ несу я имя твое въ гробъ на
 „ своемъ сердцѣ, и что сильная моя
 „ къ тебѣ спрасть, немогущая тебя
 „ видѣть во объятіяхъ другаго,
 „ кончаетъ дни мои. Живи, Всеми-
 „ ла: сіи послѣднія слова, коими
 „ тебѣ досаждаю. Будь сколько бла-
 „ гополучна, сколько нещасливѣ у-
 „ мирающій. Свѣтомилъ „.

Есшъли сшсналъ я вѣ темницѣ
о невѣрности моеи любезной: шс
радовался, избавя моего друга, и
надѣясь вскорѣ лишиться жизни,
принявъ назначенную казнь. Дра-
гги мой Прелцимилъ искалъ между
шѣмѣ случая, доставить мое пись-
мо вѣ руки Царевнѣ. Данные ошѣ
меня деньги доставили ему случай,
вручить ей оное чрезѣ нѣкотораго
евнуха. Онѣ удался уже тогда
изѣ Варягии, какѣ Царевна полу-
чила письмо. Вообразите ея оп-
чаянiе при прочтенiи онаго. Не-
склонность ея къ Варяжскому Кня-
зю, напрошивѣ шого неумалившая-
ся ко мнѣ любовь, и напрасное мое
на нее подозрѣнiе, столь сильно
взволновали ея душу, что едва не
пресѣкла она жизни вѣ первыхъ
стремленiяхъ своей шоски. Она
рвалась, сшснала и исполняла пла-
чевными жалобами всѣ окрестности
дворца, почитая меня уже мерщ-
вымѣ. Она спрашивала евуха,
кто вручилъ ему письмо, и умоля-
ла

ла, что бы привелъ онаго къ ней. Еланухъ
 повиноваася ей, искалъ его, не объ-
 являя о имени его; но тщетно: Пре-
 димиръ уже отбѣжалъ. Незвѣспи-
 лость сія усугубила ея печаль, кою-
 рая повергла ее въ жестокую болѣзнь.
 Отецъ ея при своихъ посѣщеніяхъ
 и увѣщаніяхъ, увѣдалъ, что вся
 скорбь ея происходитъ отъ любви
 ко мнѣ, и что почиаетъ она ме-
 ня мертвымъ. Онъ употребилъ
 при семъ случаѣ сказать ей, что
 я умеръ на дорогѣ, бывъ посланъ
 въ Кіевъ, желая чрезъ то удоб-
 нѣе склонить ее на вступленіе въ
 бракъ съ Варяжскимъ Княземъ.
 Но сіе усугубило болѣзнь и поску-
 се, такъ что сумнѣвались о ея вы-
 здравленіи.

Когда Варяжскій Князь свѣ-
 далъ, что одна любовь ко мнѣ
 была вся причина Всемилиной болѣ-
 зни: ревность его взошла на высо-
 чайшую степень, разсудокъ его
 оставилъ. Онъ забывъ все мое
 къ нему услуги, и презря невин-
 ность

ность мою, опредѣилъ лишить меня жизни, чрезъ руки злыхъ убійцъ въ пущи моемъ. Оныя опправлены, и едва драгой мой Прелимиръ не принялъ ударъ мнѣ назначенный. Защитники невинныхъ небеса спасли его. Убійцы не возмогли догнашь оного до Кіева, остановились ждашь его на возвратномъ пущи. Прелимиръ исправилъ порученное мнѣ дѣло, подъ моимъ именемъ, съ добрымъ успѣхомъ, и оспался на нѣскольке времени въ Кіевѣ; а обезъ оппустилъ обратно. Счипоносецъ мой Випезелій вѣхалъ при ономъ въ моей колесницѣ. Сходство лица его съ моимъ обмануло глаза убійцъ, и сей несчастный принялъ опредѣленную мнѣ смерть отъ рукъ ихъ, бывъ прострѣленъ двѣнащатью стрѣлами, и прежде нежели прочіе могли подать ему помощь, лишенъ головы, которая и привезена къ Варяжскому Князю.

Добродѣтельные дѣла хоща

и

и бывають подвержены порокамъ ; но сердца ихъ всегда борются съ спраснями, и совѣсть мучитъ ихъ внутренно. Такъ Варяжскій Князь не могъ безъ ужаса и крайней жалоспи взглянуть на мнимую мою, или лучше сказать, невиннаго Випезелія голову. Раскаяніе вселилось въ его душу. Онъ пребылъ нѣсколько дней въ уныніи, и велѣлъ оную голову зарыть въ гробницахъ Княжескихъ. Естли бы любовь къ Семилѣ не поржеспвола надъ всѣми его чувствами : онъ не такъ бы скоро забылъ смерть мою, какъ тогда : ибо чрезъ недѣлю началъ онъ съ большимъ усиліемъ дѣлать предложенія Семилѣ о бракѣ.

Молодые лѣпы Царевны Скинской помогли одолѣть болѣзнь ея. Время уменьшающее великія печали, и то, что она считала меня мертвымъ, и стараніе опца ея, склонили ее на послѣдокъ согласиться на шребованіе Варяжскаго Князя.

за. День сочешанія назначенъ, все
 къ тому приутошовлено: игры, по-
 зорищи, битва со звѣрями; не до-
 ставало однихъ бойцовъ прошиву
 оныхъ; ибо къ сему употреблялись
 одни только осужденные на смерть.
 Вспомнили о Прелимирѣ, и я вмѣ-
 сто его назначенъ сражаться съ лю-
 стѣйшимъ бобромъ, приведеннымъ
 отъ горъ Уральскихъ. Наспалъ
 часъ веселія и моей казни. Игры
 начались; я изведенъ обнаженный
 до пояса съ однимъ, только ши-
 помъ и саблею внутрь ограды,
 гдѣ шаковыя кровопролитныя заба-
 вы опправлялись. Печаль опняв-
 шая живость лица моего, не допу-
 скала никому узнатьъ меня. Звѣря
 выпустили, и ярость начинала уже
 блистать изъ раскаляющихся глазъ
 его. Царь Скиескій и Князь Ва-
 ряжскій смонрѣли на меня съ при-
 мѣчаніемъ, и послѣдній, казалось,
 желалъ побѣду не мнѣ. Всемила
 не взирала на меня. Ужасъ прину-
 дилъ ее опвратиться прочь лицомъ,
 отъ

что сего безчеловѣчнаго позорища. Естли бы она вѣдала, кто преданъ на сіе расперзаніе. Всѣ ожидаютъ; звѣрь напрягается, чтобъ прыгнувъ, пожрать меня. Въ сіе мгновеніе Прелимиръ прибѣжалъ изъ Кіева. Онъ услышалъ молву въ народѣ: — Прелимиръ сражается съ лютымъ бобромъ! — Узнавъ, что подъ именемъ его, не иной кто, какъ я, прибѣгаетъ къ Царскому мѣсту, пробивается сквозь народъ, и вопіетъ къ Варяжскому Князю: Постой, Государь! спаси невиннаго; я Прелимиръ, и несчастный Свѣшомилъ умираетъ за меня. — Боги! что я вижу? вскричалъ Князь, и съ словомъ симъ удивленіе и ужасъ пресѣкли рѣчь его. Всемила при напominiненіи моего имени, обращаетъ на меня взоръ, познаетъ меня, и упадаетъ безчувственна въ руки отца своего. Князь Варяжскій, коего добродѣтель пробудилась въ часъ поть, увидавъ, что я живъ, не зная, что начать,

чапъ, и кому подашь помощь, мнѣ или Всемилѣ, былъ совѣмъ смѣшанъ. Онъ забылся, бѣгалъ по стѣнѣ ограда, и скользяшисъ на краю ея, упалъ самъ ко мнѣ внутрь ограда, прежде нежели успѣли сбѣречь его. Бобръ оспавя меня, бросился на него съ лютоспiю. Ощечаянный вопль возшелъ отъ всѣхъ предстоящихъ. Тысячи рукъ бросались на помощь, но ничто бы не успѣло; еспьлибъ щаспiе не поспѣшило дасть мнѣ новыя силы, видя его погибающаго. Я подбѣжалъ, и единый ударъ мною произведенный раздѣлилъ на двое страшную боброву голову. Вдругъ смяшенiе обращается въ шоржесшво, и народъ посреди радости и удивленiя ожидаетъ конца сему произшесшвию.

Князь не получа вреда при своемъ паденiи, пришелъ въ себя, всталъ на ноги, и видя во мнѣ своего избавителя, не зналъ, что вообразить. Спрахъ его премѣнилъ

ся

ся въ изумленіе. Онъ возводилъ глаза свои, по на небо, по на меня. При семъ я повергъ себя къ ногамъ его, и говорилъ:

„Небо удерживаетъ мою жизнь
 „погда, какъ я спараюсь оныя
 „лишипсья. Невинный Свѣпомилъ,
 „ставъ нещаспенъ и презрѣнъ онъ
 „всѣхъ, не ищетъ спаси себя.
 „Когда я заслужилъ гнѣвъ твой,
 „великій Государь, карай меня; и
 „если я въ жизни моей оказалъ
 „тебѣ какую нибудь услугу: воз-
 „дай мнѣ оную, лишеніемъ мучи-
 „пельной моей жизни. Она мнѣ
 „несносна; но спаси Прелимирову.
 „Я одинъ виновенъ, я принудилъ
 „его уступить себѣ сіе мѣсто; а
 „онъ усердствуетъ тебѣ, исправ-
 „ляетъ порученное мнѣ дѣло въ
 „Кіевѣ. . . . Я зрю его! . . .
 „Онъ пріѣхалъ, и конечно испра-
 „вилъ возложенное, какъ вѣрный
 „рабъ. Все пресупленіе его,
 „что онъ другъ мнѣ „.

Въ

Въ сіе время Всемила пришла
 въ себя, и прелеща при словахъ
 моихъ, обращая слезащія очи на
 Князя. — Прелимиръ повергъ себя
 шупъ же къ ногамъ его. Князь
 Варяжскій долго былъ безмолвенъ
 и недвижимъ; но напоследокъ пе-
 решелъ въ добродѣтельную кро-
 шоснь и умиленіе. Онъ поднялъ
 меня съ земли, и обнявъ, сказалъ:
 „ Великодушный Свѣтомилъ! я про-
 „ щаю Прелимира, и былъ бы очень
 „ щасливъ, есшьли бы и ты про-
 „ спилъ меня, и забылъ мою не-
 „ благодарность, и несправедливья
 „ пропиву шебя поступки. Возра-
 „ ти мнѣ моего друга, какъ я воз-
 „ вращаю ему любезную его Всеми-
 „ лу. Сіе малое, чѣмъ могу я
 „ поправить несправедливья мои
 „ пропиву шебя обращенія. Ты
 „ сполько добродѣтеленъ, сколько
 „ я злобенъ. Я старался опияшь
 „ жизнь твою; а ты не желалъ при-
 „ несть оную на жертву моего спа-
 „ сенія. Живи, великодушный Свѣ-
 „ те-

„ помилѣ , сѣ своею добродѣтель-
 „ ною невѣсною , чтобѣ я изѣ
 „ примѣра вашего познавалѣ мои
 „ несовершенства ; и каялся о мо-
 „ ихѣ порокахѣ А ты , о
 „ владѣшель Сарматовѣ ! продол-
 „ жалѣ Князь къ Царю Скиѣскому ,
 „ будь свидѣшелемѣ исправленія
 „ моего . Я уступаю Свѣшомилу
 „ дщерь пвою и мою корону . Пусть
 „ владѣшѣ онѣ Варягами , и по-
 „ правитѣ мои погрѣшности своею
 „ крошестію ; а я скроюсь отѣ свѣ-
 „ ша , на копорый спыжусь взирашѣ ,
 „ подвергнувѣ себя шолікому
 „ сраму „ .

Послѣ сего пошелѣ онѣ послѣш-
 но во дворецѣ . Принесли мои одѣ-
 жды , и я покрывѣ нагошу мою ,
 слѣдовалѣ сѣ прочими вѣ чершогш
 Княжескія . Торжештво останови-
 лось .

Слова Варяжскаго Князя , копо-
 рыя весь народѣ слышалѣ , содер-
 жали всѣхѣ между ужаса и изум-
 лѣнія . Всѣ ждали конца сему чуд-
 Часть. III. I ному

ному произшествію. Князь уда-
 лился во внутреннія чертоги, и
 чрезъ часъ вынесъ опуду напи-
 санное завѣщаніе о утвержденіи
 меня на Варяжскомъ престолѣ.
 Сколько я ни опговаривался въ при-
 нятіи онаго, и сколько ни увѣще-
 валъ оставить опчаянное его намѣ-
 реніе; онъ пребывалъ непрекло-
 ненъ, и хотѣлъ ийти въ уда-
 ленную пусыню. Я лобызалъ
 его ноги, и со слезами удерживалъ
 его; но онъ рѣшился ужè единож-
 ды. Но какъ ужè хотѣлъ шество-
 вать вонъ изъ Варяги: въ по вре-
 мя въ смященіи волнующаяся его
 кровь прикаючила ему жестокою
 горячку. Во время болѣзни его
 не опходилъ я опъ него ни на ми-
 нушу, и упѣшалъ его всѣми сила-
 ми. „Оставъ меня, дражайшій
 „Свѣтомилъ, говорилъ мнѣ не од-
 „нократно Князь Варяжскій; я
 „недостоинъ толкаго твоего о
 „мнѣ попеченія. Беззлобіе и усер-
 „діе швое меня мучашъ. Дай, не-
 „бо,

„ бо , чтобъ смерть моя скорѣе за-
 „ крыла спыдъ мой , и раскаяніе
 „ загладило мои пороки . „ —

Чрезъ девять дней скончался онъ
 къ крайнему моему сожалѣнію , на
 рукахъ моихъ . Всякъ отдавалъ
 ему справедливость , что онъ былъ
 Монархъ совершенный ; ибо многіе
 Государи погрѣшаютъ , но ни одинъ
 изъ нихъ не оказываетъ поль-
 истиннаго раскаянія .

Я принялъ престолъ , бывъ
 признанъ отъ всѣхъ Варяговъ за
 законнаго ихъ Государя . Другъ
 мой Прелимиръ получилъ отъ
 меня мое прежнее мѣсто и имѣ-
 ніе . Онъ учинился впорый я , и
 оспался , (что рѣдко) другомъ
 своему Государю .

Первое мое дѣло было отдать
 послѣдній долгъ покойному Князю .
 Онъ погребенъ съ пристойными
 обрядами , и съ горчайшими моими
 слезами . Помомъ торжественный
 бракъ увѣнчалъ мои и Семилины
 желанія , связавъ насъ на вѣки не-

разрывными цѣпями. По отпра-
вленіи свадебныхъ веселостей, про-
водилъ я пещя моего съ честію
въ Сармацію, и жилъ въ совершен-
номъ удовольствіи, вкушая спокой-
ную жизнь во объятіяхъ драгой
моей супруги. Я облегчилъ госу-
дарственныя подаши, прибавилъ
жалованья войску, и владѣя право-
судно и кропко, былъ любимъ отъ
перваго до послѣдняго изъ моихъ
подданныхъ.

Годъ прошелъ моей жизни, и
послѣ опредѣлилъ я оцѣмспить
неправедному хищнику преспола-
дѣда моего, и присокупить къ
Варягинъ зѣмли Чешскія. Я не хо-
пѣлъ повѣрить войска моего ино-
му, и выступилъ самъ, поруча
правленіе Княжества любезной мо-
ей Всемиль. О! естли бы не пред-
принималъ я сего несчастнаго по-
хода: дни мои текли бы въ радо-
сти, и не несъ бы я столь жесто-
кихъ мукъ! Но можно ли бышь че-
му

му иному, кромѣ назначеннаго отъ жестокой моей судьбы!

Дабы не войши въ скучныя мѣлочи: не стану я описывать успѣховъ моего оружія; а скажу коротко: Я вступилъ въ Чехію, обнародовалъ указъ съ доказательствомъ, что я законный ихъ наслѣдникъ. Сіе привлекло большую половину Чеховъ на мою сторону. Оспалась малая часть войска, съ копорымъ я вступя въ сраженіе, разбилъ, и самъ похищитель престола оспался въ числѣ убитыхъ. Я признанъ отъ всѣхъ за законнаго Государя, и коронованъ. Основалъ порядокъ, и отвращая всѣ бывшія народу налоги подъ правленіемъ пиранна, оставилъ я друга моего Прелимира тамъ правителемъ, и выступилъ обратно въ Варягію. Уже былъ я подъ стѣнами моей столицы, и ни о чѣмъ больше не помышлялъ, какъ броситься во объятія моей супруги, и вручая ей скипетръ Чешскій, сообщить ей

пуже радости, каковую самъ ощущалъ въ свиданіи. Но, о ужасный часъ! о неожиданное злоключеніе! Для чего не окончилъ я тогда жизнь мою? Сердце мое не сносило бы подобныхъ помленій.

Вообразите мой ужасъ, когда я вошелъ въ мои покои, увидѣлъ человека во всемъ на меня похожаго, и сидящаго подъ моимъ именемъ съ моею женою! Гнѣвъ сполькожъ свадѣлъ мною, какъ и удивленіе. Кто бы ты ни былъ, злый волшебникъ, вскричалъ я: погибнешь отъ руки моей! Злодѣяніе швое не останешся безъ мессти. Всей крови швоей мало омышь спыдъ мнѣ нанесенный. Умри, мерзкій! . . . Съ словомъ симъ выхватилъ я мою саблю, и съ яростию бросился на него. Сколь усугубился мой ужасъ, когда сей волшебникъ исчезъ! Произшествіе сіе такъ меня смушило, что я спалъ недвижимъ. Всецѣла неменьше поражена была шакowymъ сверхъ еспе-
сшея.

спивеннымъ случаемъ. О боги, возопила она, зашишите мою невинность! Сказавъ сіе, упала она въ обморокъ. Успокоясь нѣсколько, и прешедъ отъ ярости въ страхъ, полковаль я различно мое приключеніе; но ни одно разсужденіе не казало мнѣ, чпобъ я не былъ несчастливъ. Я спрашивалъ у моихъ придворныхъ, кто поимъ сходный на меня человекъ, и какимъ образомъ заступилъ мое мѣсто. Они отвѣщствовали мнѣ въ шрепешъ, что ни о чѣмъ ономъ не знаютъ, и никого на меня похожаго не видывали. Жена моя пришедъ въ себя, подшвердила, что глаза мои не ошиблись. Она сказывала слѣдующее: — Получа извѣстіе о приближеніи моемъ къ нашей столицѣ, ждала я себя каждую минушу, и вчерашній день увидѣла вошедшаго въ мою спальню. Я обрадовалась и спрашивала: Какъ ты споль тайно приѣхалъ, что никто не зналъ о моемъ прибытіи? Ты отвѣчалъ мнѣ,

мнѣ, что любовь своя ко мнѣ
вложила въ мысль нечаяннымъ
приходомъ сдѣлать больше удо-
вольствія въ нашемъ свиданіи. Ты
увѣдомилъ меня о завоеваніи Чеш-
скаго Государства, и о всемъ слу-
чившемся съ побою во время раз-
луки. Ты провелъ со мною всю
ночь, и я дивилась, что во все
по время не оказалъ ты мнѣ ни
малаго ласкашества, такъ какъ
обыкновенно. Нынѣшній день про-
силъ ты меня, чтобъ я не носила
палисмана, наложеннаго мнѣ на
шею при самомъ моемъ рожденіи;
и какъ я во угодность тебѣ хо-
тѣла оный снять, и подашь тебѣ:
въ самое по время вошелъ другой
человѣкъ, столь на тебя сходный,
какъ двѣ капли воды между собою.
Сколь я ужаснулась о семъ произше-
ствіи, свидѣтельствуешь тебѣ мой
обморокъ, по прошествіи котораго
увидѣла я тебя одного. Видяжъ
другаго исчезша, понимаю, что
какой нибудь злобный волшебникъ
хотѣлъ

хотѣлъ погубить меня, приведя добродѣтель мою во искушеніе; но благодарю небо, защитившее мою невинность. Знаю теперь, для чего онъ просилъ меня снять шалисманъ мой. Онъ ему препятствовалъ ко мнѣ приближиться. — Но что мнѣ дѣлать, если онъ опять появится? Какъ могу я различить васъ? Осколь я несчастлива! И когда почишаю чистоту и вѣрность мою къ себѣ, дороже моей жизни: по смерти избавитъ меня спыда, если удастся ему обмануть меня. Еслилижъ ты меня любишь, такъ спаси меня шѣмъ, что не прикасайся мнѣ, доколь судьба назначитъ прекратить наши несчастія. Сей есть единственный способъ отвратить волшебниково злоумышленіе. — Потомъ залилась она слезами, и я соединялъ ко онымъ мои, оплакивая жестокою нашу участь. Въ самое по время увидѣли мы онаго волшебника, идущаго

кѣ намѣ въ моемѣ образѣ, непо-
 рый онѣ оставя, принялъ свой о-
 быкновенный. Смерть не споль
 блѣдною и сухою изображается, ка-
 ковѣ былѣ онѣ. Словомѣ, все, что
 можешѣ быти ужасн. о, совокупле-
 но было въ лицѣ его, и всѣхѣ ча-
 стяхѣ тѣла. При взглядѣ на не-
 го мы запряслись, и сабля выпала
 изѣ рукѣ моихѣ. Не думай, жеспо-
 кая, говорилѣ онѣ Всемиль, чтобѣ
 я не удовольствовалѣ мои желанія!
 Когда ты отвращила мою выдумку,
 познавѣ меня; я получу отѣ тебя
 по власпию моею, на что не со-
 глашаешся ты по своей волѣ. . . .
 А ты, Свѣпомилѣ! довольно былѣ
 дерзокѣ обнажишь на меня саблю.
 Я накажу тебя за оное тѣмѣ, что
 ты вѣчно не увидишь своей супру-
 ги. Я унесу ее шуда, куды ты
 дойти не можешѣ, и гдѣ никто
 любви моей не воспрепятствуетѣ...
 Но я еще споль великодушеньѣ, что
 о тебѣ жалѣю. Если ты скло-
 нишся, чтобѣ Всемила отпѣтство-
 вала

вала моей стращи: по она оспа-
нешся съ побою, и ты все полу-
чишь отъ моей власпи. Я возведу
тебя на верхъ щастія, каковое
смертныи едва имѣшь можеть.

Слова сіи привели меня въ оп-
чаянную свирѣпость. Я схватилъ
мою саблю, и бросился на него,
чшобъ его изрубить, произнося ему
проклятія. Онъ пому смѣялся, и
дунувъ на меня, учинилъ непод-
вижнымъ. Оставайся же одинъ,
сказалъ онъ; когда не хотѣлъ ты
удержать при себѣ Всемилу. Съ
словомъ онымъ схватя ее въ свои
руки, сталъ невидимъ. Я столь-
ко былъ пораженъ, что упалъ без-
чувственъ на полъ. А хотя по
прошествіи нѣсколькихъ часовъ, и
пришелъ я въ память; но за тѣмъ
только, чшобъ сносишь лютейшія
мученія, каковыя превосходятъ
жесточайшія въ свѣтѣ казни.

Пришедъ нѣсколько въ себя
отъ великой тоски, положилъ я
идши искашь мою супругу, и осво-

бодить ее, или самому погибнуть. На каковъй конецъ препоруча правленіе великимъ государственнымъ Совѣтникамъ, вышелъ одинъ изъ дворца моего столь тайно, что никто о томъ не зналъ, и обратился путь мой, куды вела меня несчастная моя судьбина. О небеса! вопіялъ я, какое мое предъ вами преступленіе, что избрѣли вы столь жестокой въ наказаніе мое способъ? Когда я виновенъ: карайте меня одного; но за что спраждаетъ невинная моя супруга? Ахъ! какъ я вообразу, всѣ тѣ мученія, кои сноситъ она въ рукахъ варвара! Присущствіе злобнаго волшебника ежечасно усугубляетъ ей страданіе. Возвратите мнѣ ее, или прекратите чрезъ смерть мое помяненіе. Сократите время моей казни, котораго преносишь я не въ силахъ.

Упомясь отъ продолженія пути чрезъ цѣлыя сунки безъ опдыха, сълъ я опдохнуть подъ тѣнью

нiю дрезесной; гдѣ углубясь въ моей горести, пребывалъ въ забытiи, какъ вдругъ услышалъ голосъ, назвавшiй меня по имени. Я взглянулъ; но съ чѣмъ сравнить ту радость, когда узрѣлъ я предъ собою споящаго спарика, почтеннаго по виду, держащаго за руку мою супругу. Свѣтомилъ! сказалъ онъ мнѣ, я возвращаю тебѣ Всемилу. Благодари небо, и надѣйся, что доколь живетъ Кабалистъ Падманабъ, то злыи чародѣй Рукманъ ее у тебя не похищитъ. Я бросился къ ногамъ его; но онъи сталъ невидимъ, и не далъ мнѣ изъяснить къ себѣ благодарности, ощущаемую въ моемъ сердцѣ. Послѣ сего предались мы радостному восторгу. Мы заключили другъ друга въ объятiя, и проливая умильные слезы, долго не могли промолвить ни слова. Потомъ спросилъ я о случившемся съ нею со времени ея похищенiя; на что она мнѣ отвѣщствовала: Когда была она схвачена

чена Рукманомъ , пришла въ обмо-
рокъ , и не прежде очнулась , какъ у-
видя себя на пустомъ островѣ . Что
чародѣй потъ дѣлалъ ей усильныя
предложенія о согласіи на поспыд-
ныя его желанія . Она всѣми си-
лами пропивилась , и старалась под-
вигнуть его къ жалости . Что онъ
тому смѣялся , и хотѣлъ употре-
бить насиліе ; но великій Кабалистъ
Падманабъ , представъ путь , ду-
нулъ на него , и повергъ его шѣмъ
безчувственна на землю ; а ее схва-
тя , въ одну минушу принесъ по
воздуху ко мнѣ .

Не можно описать благодар-
ность , какову возсылалъ я сему
моему благодарителю , равно и удо-
вольствіе мое видѣть Всемилу без-
вредну . Мы обратили путь нашъ
къ столицѣ , и какъ шли пѣши
близъ морскаго берега , тогда на-
пали на насъ разбойники , приспав-
шіе въ томъ мѣстѣ къ берегу .
Мы не могли оныхъ усмотрѣть
прежде , какъ уже увидя себя въ
ру-

рукахъ ихъ. Они попалили насъ въ судно свое. Тщешно объявлялъ я имъ о моемъ достоинствѣ. Ничто не помогало; злодѣи не внимая словъ моихъ, отвалили отъ берега. Красота Всемилина возъмѣла дѣйствіе свое надъ сердцемъ разбойничьяго начальника. Сіе было причиною, что она опведена въ его покой; а я запертъ къ прочимъ невольникамъ, коихъ обою пола было не мало. Злодѣи не внималъ слезамъ моей супруги, съ коими она просила, чтобъ ее со мною, такъ какъ съ мужемъ, не разлучили; но оное учинило шолько, что меня оковали, и заключили въ самое мрачное мѣсто на днѣ корабля.

Между тѣмъ, какъ я спрадалъ о моемъ злополучіи, а больше о насиліи моей супруги, небо готовило казнь злодѣямъ, а мнѣ новыя мученія. Пльнники сдѣлали заговоръ, чтобъ ночью разломать двери своего започенія, и напавъ на сонныхъ, свободиться. Сіе удалось имъ

имъ шѣмъ благополучіе, что разбойники перепились всѣ до пьяна. Они разламали двери, и покравъ у сонныхъ оружіе, большую часть злодѣевъ изрубили, прежде нежели прочіе успѣли спать къ оборонѣ. Тогда началось великое кроволитіе; но не долго могли злодѣи спояшь, прошиву превосходнаго числа на нихъ вооружившихся. Они заплашили жизнью свои беззаконія, исключая одного ашамана, копорый видя свою гибель, и пользуясь смященіемъ, съ четырьмя человекѣми гребцовъ, моею супругою, и двумя другими невольницами, съѣвъ въ лодку, уѣхалъ. Сію жестокою вѣспь позналъ я по моемъ освобожденіи. Печаль моя усугубилась, и едва разсудокъ достапоченъ былъ удержатъ меня отъ самоубійства. Опчаяніе мое довело бы меня до всего; естли бы не помнилъ я, сколь нужна помощь моя супругѣ моей. Я открылъ предъ всѣми злополучіе и сосояніе мое. По щаспію изъ
плѣн-

плѣнныхъ была большая часть Ва-
 ряговъ, и шакихъ, кои меня доволь-
 но видали. Они бросились къ но-
 гамъ моимъ, познавъ во мнѣ своего
 Государя, радуясь, что меня изба-
 вили, и препоручили корабль въ
 мои повелѣнія. Первое мое было
 дѣло, приказать обратить парусы
 въ погоню за хищникомъ моей су-
 пруги. Не было нужды понуждать
 мнѣ моихъ Варяговъ. Усердіе ихъ
 служило вождемъ сей погони. Въ
 десять часовъ догнали мы пого-
 злодѣя, и были ужъ споль близко,
 что могли слышать рѣчь его. —
 Оставьте меня, кричалъ онъ, или
 навѣки лишитесь той особы, для
 коей за мною гонитесь! — Нѣтъ
 злодѣй, отвѣчалъ я, мучительная
 казнь заплашитъ тебѣ свое пре-
 ступленіе! — Я приказалъ при-
 бавить парусовъ, и злодѣй былъ
 почти въ рукахъ моихъ. Но о ужа-
 сное произшествіе! Варварская душа
 сія, наполняясь ярости и отчаянія
 предъ своею гибелью, свершила
 Часть III. К. узелъ

узелъ стоихъ беззаконій. Онъ извелъ мою супругу, и въ глазахъ моихъ отсѣкъ ей голову. Я не могу напомнить, сколько былъ я пѣмъ пораженъ! Довольно, я лишился чувствъ, и стоя на краю корабля, упалъ въ море. Опчаянный крикъ раздался среди моихъ подданныхъ. Всякъ бросался сдѣлашь мнѣ помощь; но безъ пользы, у нихъ не было лодки. И самъ корабль въ самое по мгновеніе наскочилъ на скрытый въ морѣ камень, и разбился въ щепы. Сей несчастный случай доставилъ злодѣю способъ удалиться, и заставилъ каждого спараться о спасеніи собственной жизни. Я не знаю, какъ я въ безпамятствѣ ухватился за опломокъ мачты, и помню только, что опамповавшись лѣжалъ съ онымъ выкинутый на песокъ морскаго берега ударяющими во оный волнами. О небо! вопилъ я, снѣдаемый жестою, на что удерживаешь ты негосный вѣкъ мой? Не могло ли ты

ты удовольствоваться мщеніе свое, сокрывъ меня въ водахъ сихъ? Увы! я не видѣлъ бы моего нещастія. За чѣмъ глаза мои не закрышы смертнымъ мракомъ? На то ли я зрю свѣтъ, чшобъ воображались въ немъ мои злополучія, и обращали бы каждую минушу злополучной моей жизни въ люшвейшее спраданіе? Чего мнѣ ждашь оспалось. Я жилъ для Всемилы! Ее нѣтъ, я умру, и соединюсь съ нею! — Сказавъ сіе, я хотѣлъ броситься опять въ море; но рокъ не опредѣлилъ еще конца моей неспосной жизни. Я оспановился на послѣднемъ ступнѣ, увидя приближающуюся къ берегу лодку. Смупные мои взоры означили на оной злобнаго убійцу моей дражайшей супруги. Я весь вострепеталъ, и забывъ мое намѣреніе, наполнился гнѣва. Сабля, съ копорюю я занимъ гнался, была еще при мнѣ. Я обнажилъ оную, и побѣжалъ къ мѣсту, гдѣ онъ вылезъ на землю

съ чепырьми своими повярищами. Благодарю небо! кричалъ я, приближась къ нему, что жизнь моя удержана для принесенія швоей на жертву шбни моей супругѣ. О шбнь драгая! насыпи свое мщеніе мерзскою сею кровію! — Съ словомъ симъ изрубилъ я убійцу, прежде нежели можно было ему укрышья моихъ ударовъ. Двое изъ прочихъ разбойниковъ шакъ же пали къ ногамъ моимъ, доколь оспальныхъ двое извлекли оружіе для обороны. Они напали на меня какъ разъяренные звѣри, и слабость моя была причиною, что я получилъ отъ нихъ больше двашцаши ранъ, и палъ безъ чувствъ на землю. Злодѣи не оставилибъ изрубить меня въ куски, ешьялибъ нѣсколько рыбаковъ не подоспѣли ко мнѣ на помощь, и не принудили, оставя меня, удалиться въ море. Добросердные сіи люди изъ сожалѣнія взяли меня, и опнесли въ свои хижины; гдѣ спярались о ис-
цѣ-

цѣленіи моемъ сполько, что въ мѣсяцъ былъ я совсѣмъ здоровъ. Печаль мною владѣющая, изображалась на лицѣ моемъ, и принуждала благодѣтелей моихъ выпрашивать, какъ о причинѣ оныя, такъ и о моемъ соспоянніи. Но я скрывалъ отъ нихъ мое имя, и сказалъ имъ, что я Новгородскій купецъ, разбишый разбойниками, и лишившійся жены при нападеніи сихъ злодѣевъ. Они довольны были моимъ объявленіемъ, и старались всячески утѣшать меня, сказывая, что удобно могу пройди въ свое отечество; ибо оное не весьма далеко отъ земли ихъ, которая называется Порусья.

Ничто не могло испребить поски изъ моего сердца. Она пребывала въ груди моей, и текущее время, вмѣсто чинобы уменьшавъ оную, несло новыя мнѣ мѹки. Полгода прожилъ я у рыбаковъ, и пособлялъ шрудамъ ихъ моими руками. Наконецъ скуча и сею

простою жизнью желалъ, уединитъ-
ся. Я оставилъ ихъ, и пошелъ искать
себѣ мѣста въ пустынѣ. Шествуя
къ странамъ Польскимъ, остановил-
ся я при подошвѣ горы у источни-
ка, и сѣвши подъ тѣнію распу-
щихъ въ округѣ деревьевъ, подкрѣ-
плялъ ослабшія силы пищею. Жа-
лующійся голосъ женщины проз-
визалъ слухъ мой. Я обратилъ вни-
маніе къ разобранію произноси-
мыхъ ею словъ Но помы-
слише о удивленіи моемъ, когда я у-
слышалъ не однократно повторяемое
имя Свѣтомилъ! Робость овладѣла
мною въ часъ пошъ. Сердце запре-
пешало, и я не могъ понять, чтообъ
сіе значило. Мнѣ воображались
разныя льстящія надежды; но о-
ныя сами собою опровергались, и
приводили лишь въ смущеніе меня.
Кому знаешь меня здѣсь? думалъ
я; но можетъ быть и иной кто
нибудь равнаго имени упоминаетъ-
ся ею. Однако я вспалъ, и шелъ
посмотрѣвъ человека, который го-

ворилъ. Я приближился; но едва не умеръ; увидя въ женщинѣ, лѣжащей въ разодранномъ платьѣ мою супругу. Миѣ представилось, что я вижу шѣнь ея; ибо считалъ ее мертвою. Она возвела взоръ. — Боги!... дражайшій супругъ! вскричала она, и чувства ея оспавили. Я окаменѣлъ на мѣстѣ, и когда охладѣвшая кровь пришла въ свое движеніе, въ то мгновеніе она была уже заключена въ моихъ препешущихъ объятіяхъ. Тогда руки мои ощущали, что не шѣнь объемлютъ; но глаза еще не увѣрялись, чтобъ то была супруга моя. Новое смущеніе, робость, удивленіе и надежда. Я разбиралъ черты лица ея, и познавалъ мою Всемилу. Между шѣмъ она пришла въ себя, и открыла глаза, чтобъ увѣрить меня въ моемъ благополучіи. — Ахъ! Свѣтомилъ, сказала она, какимъ чуднымъ образомъ нахожу я себя. Теперь бѣды мои скончались. — Несчастный че-

ловѣкъ на всякій предметъ полагае надежду; но я сумнѣвался еще, и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Однакожь схватилъ ее въ моихъ объятіяхъ еще крѣпче, и соединя радостныя слѣзы съ текущими изъ глазъ ея, произносилъ: Ахъ Всемила! увѣрь меня, себя ли я вижу? Жива ли ты, или только духъ твой мечтается предо мною? Не чудо ли дѣлаютъ небеса, въ мое упѣшеніе, воскреся тебя? Не свою ли голову видѣлъ я опсѣченну рукою варварскаго мучителя? — Ахъ! любезной Свѣтомилъ, опсѣчала она, я жива, глаза твои въ смерти моей обманулись; но не ты ли упонулъ въ глазахъ моихъ упавши въ море? Изъясни мнѣ, какъ ты живъ? — Таковыя вопросы радостнаго восторга, и нѣжнѣйшія ласкательства, продержали насъ нѣсколько часовъ. Потомъ разсказалъ я ей, со мною случившееся; а она объявила мнѣ, что произошло съ нею со времени нашего разлученія, въ слѣ-

слѣдующихъ словахъ. „ Когда тебя
 „ заключили въ оковы , и я оста-
 „ лась въ рукахъ мерзскаго видомъ
 „ и дѣлами разбойника : опчая-
 „ ніе умножало поску мою шѣмъ
 „ больше , чпо варваръ склонялъ
 „ меня къ удовольствованію поспыд-
 „ наго своего желанія . Я пропи-
 „ вилась ему , и заключила въ тужь
 „ минушу , естли вздумаетъ онъ
 „ употребить насиліе , умертвитъ
 „ себя , желая лучше окончать жизнь
 „ мою , нежели поперяшь честь
 „ мою , и тебѣ проптиву воли учи-
 „ нишься невѣрною . Опасность моя
 „ умножилась , когда разбойники пе-
 „ репились пьяны ; но въ то время
 „ увидѣла я невольниковъ свободив-
 „ шихся , и побивающихъ своихъ зло-
 „ дѣевъ . Я почипала и себя въ
 „ томъ же числѣ ; а сіе усугубля-
 „ ло горестъ мою , посреди наде-
 „ жды о избавленіи . Опасность сво-
 „ ей жизни рвала на части мое
 „ сердце . Въ семъ замѣшательствѣ
 „ увидѣла я вшедшаго разбойничь-

„яго начальника съ двумя изъ его
 „подчиненныхъ , которые схватя
 „меня , опнесли въ лодку , и поль-
 „зуясь замѣшательствомъ отъ ко-
 „рабля удалились . Я пришла по-
 „чти въ безпамятство , и очуство-
 „вавшись усмотрѣла гонящійся за
 „нами корабль . Злодѣй потчасъ
 „скинулъ мое плащье , и одѣлъ во
 „оное одну изъ похищенныхъ не-
 „вольницъ , а въ ея плащье одѣлъ
 „меня . Надежда о избавленіи уве-
 „личилась во мнѣ , когда увидѣла
 „себя стоящаго на краю корабель-
 „номъ . Разбойникъ , видя гибель
 „свою , блѣднѣлъ , и кричалъ , что
 „онъ умершвишъ меня , естли вы
 „продолжите за нимъ гнаться .
 „Но услышавъ прошивный ошвѣтъ ,
 „выхватилъ саблю , и обрубилъ
 „голову одѣшой въ мое плащье не-
 „вольницѣ . Можетъ быть полу-
 „чила бы и я ту же судьбу ; но
 „увидя , что ты бросился въ море ,
 „лишилась чувствъ . Обморокъ мой
 „былъ столь силенъ , что сочли они
 ме-

„ меня за мертвую. Разбитіе ко-
 „ рабля, доставило ему безопасность.
 „ Онъ удался, и не подалъ по-
 „ мощи никому изъ утопающихъ.
 „ Между шѣмъ возставшая буря,
 „ бросила волнами лодку нашу съ
 „ такими ударами, что оныя воз-
 „ врапили мнѣ чувство. Но при-
 „ шедъ въ себя, ощущала я и ве-
 „ ликость мукъ моихъ. Почитая
 „ себя погибшимъ, дошла я въ
 „ такую степень опчаянія, что
 „ пользуясь попеченіемъ, которое
 „ имѣли разбойники о сохраненіи
 „ собственной жизни, бросилась въ
 „ море. Небо сохраняющее меня
 „ для себя, спасло отъ попопле-
 „ нія. Я опамятовалась лѣжащая на
 „ берегу морскомъ. Не спану ше-
 „ бѣ изъяснить мою горестъ. Она
 „ была столь же велика, сколь я
 „ люблю себя. Считая, что я
 „ себя лишена, ропшала я на
 „ судьбу, за чѣмъ оставила она
 „ мнѣ жизнь, и въ опчаяніи коне-
 „ чно бы лишила себя оныя: естѣ-
 „

„ ли

„ ли бы Надежда не влягала въ мы-
 „ мысли мои предразсужденія, что
 „ можешь бышь ты живѣ, и что
 „ можешь бышь также спастся, какъ
 „ и я. Таковыя размышленія хо-
 „ шя не испребили моей печали;
 „ но удерживали меня ошѣ самоу-
 „ бійства. Я прошла нѣсколько
 „ сотѣ верстѣ по берегамъ моря,
 „ навѣдываясь, не выкинуло ли на
 „ землю тѣла твоего, или не спастся
 „ ли ты ошѣ попопленія; но не
 „ могла получишь ни малаго о
 „ шомѣ извѣстія. Напоследокъ об-
 „ рашила я путь мой къ Варяги,
 „ думая, не сыщу ли тебя тамъ. Я
 „ дошла благополучнаго сего мѣ-
 „ ста, питаясь подаваніемъ добро-
 „ сердыхъ людей. Небо сжалив-
 „ шеся моими мученіями, возвра-
 „ пило мнѣ тебя, дражайшій су-
 „ пругъ! Я забываю всѣ прешерпѣн-
 „ ныя шомленія и гореспи. „

Симъ окончала она свои при-
 ключенія, и мы предались всей шой
 радости, каковую могло принести
 намъ,

намъ невоображаемое наше соединеніе. Мы пошли въ Варягію, и по прешерпѣннѣи безпокойнаго пуши, дошли благополучно въ нашу столицу, къ неописанной радости нашихъ подданныхъ. Я вспунилъ опять въ правленіе, и чрезъ два года провождая спокойную жизнь, забывалъ ужè прошедшія бѣдствія. Но приближалось время безконечной моей пагубы. Въ одинъ день, когда я сидѣлъ со Всемилой, предсталъ предъ насъ злобный чародѣй Рукманъ. Явленіе сіе не предвѣщало намъ ничего добраго. Кровь оледенѣла въ нашихъ жилахъ, и мы вострепешали, слыша отъ него слѣдующее: „Вы, недостойные люди, „ были причиною моего нещастія. „ За васъ я много пострадалъ отъ „ Падманаба. Но онъ ужè въ моихъ „ рукахъ, и власпъ его миновалась. „ Вы получите достойное наказаніе по мѣрѣ того, что сносилъ „ я за васъ „ — Мы пали къ ногамъ его, и старались слезами испро-

просить помилованіе ; но ничто не успѣвало. Жалость не извѣстна была варварскому его сердцу. Онъ схватилъ насъ , и перенесъ въ одну минушу въ сей проклятый замокъ. Тутъ опускаясь , говорилъ онъ : Еще оспаетеся вамъ средство избавиться отъ висящаго надъ головами вашими наказанія ; еспли Всемила согласится любить меня. Но какъ она оповѣщивала , что лучше умретъ , нежели оное исполнитъ ; тогда онъ разсвирепѣлъ какъ звѣрь. Глаза его за сверкали огнемъ , а изъ рта забрызгала пѣна. Мы полумертвые слышали чипанныя имъ чародѣйскія слова , и при окончаніи оныхъ , смертная блѣдность покрыла Всемилу. Она пришла въ сіе безпамятство , въ коемъ вы ее видите. Я узрѣлъ себя новаго , превращенна въ полжелѣзнаго. „Вы пребудете вѣчно „ въ семъ сосояніи , говорилъ Рукманъ. Всемила , презрѣвшая мою „ любовь къ себѣ , не увидитъ
 при-

„пріятнаго для ней лица своего;
 „а ты будешь видѣшь ее въ мер-
 „свомъ образѣ, и не сходя съ мѣ-
 „ста, перзашься помнѣніемъ, взи-
 „рая на ея безчувствіе, и голо-
 „домъ, но не можешь умереть.
 „Не думай, чшобы кто избавилъ
 „васъ. Дойти сюды никто не
 „можетъ кромѣ Падманаба, коему
 „замокъ сей принадлежалъ; но и
 „потѣ не меньше васъ несчастенъ.
 „— Сказавъ сіе, онъ исчезъ; и я
 „уже цѣлый годъ, спрадаю всѣми
 „мученіями, копорыя онъ мнѣ
 „назначилъ. Всемила пребываетъ
 „въ одномъ состояніи, и я не ду-
 „малъ, чшобъ кто могъ дойти
 „сюды. Но естли вы возмогли
 „престъчь препоны къ доспиченію
 „въ сіе очарованое мѣсто: то на-
 „дежда моя увеличивается. Ахъ!
 „естли бы вы возвратили намъ
 „прежднюю нашу спокойную жизнь;
 „какое могли бы мы принестъ
 „вамъ благодареніе, великодушный
 „Гассанъ? Но естли вы не въ си-
 „лахъ

„лахъ спашь пропиву Рукмана: спа-
сайте себя, и не прешерпите дая
насъ бѣдствія „ —

Продолженіе Гассановыхъ Приключеній.

Симъ кончилъ Свѣшомилъ свою новѣспь, и ожидалъ въ прешепѣ, что произойдетъ съ нимъ по обнадешиванію Кабалиста Гассана, который выслушавъ его, сказалъ ему: Успокойся, несчастный Князь! рокъ насышилъ уже свою пропиву тебя злону, и бѣды твои съ сего часа пріймутъ конецъ. Благодарю небо, доставившее мнѣ способъ прешчь твоѣ мученіе! О еспьли бы подало оно мнѣ помощь, избавить такъ же великодушнаго Падманаба, и воздать достойную мещь варвару Рукману; тогда бы я могъ считать себя благополучнымъ. Послѣ сего онъ вынулъ часпицу земли философическаго камня, и влагая оную во уша Всемиръ, сказалъ: —
„Сила

„ Сила власши великаго Вирспона и
 „ моего знанія , да возъмѣетъ въ
 „ часъ сей дѣйствіе свое . Да исче-
 „ знетъ чародѣйство Рукманово ,
 „ и образъ смерти да снидетъ отъ
 „ Всемилы во адъ , гдѣ пребудетъ
 „ до конца дней ея , по написанію
 „ въ книгѣ судебъ (*),, . Въ самое
 по мгновеніе Всемила открыла гла-
 за , и какъ бы отъ великаго сна
 пробуждаясь , встала съ постели .
 Она бросилась къ Свѣшомилу , и
 обнимая его , кричала : Ты живъ еще ,
 любезный супругъ ! Скажи , какимъ
 образомъ избавился ты отъ злобы
 Рукмановой ? Чпо происходило со
 мною во время моего сна ? Свѣшо-
 Часть III. Л милъ

(*) Древніе язычники , какъ и ны-
 нѣ Магометане , и нѣкоторые изъ
 Христіанъ пѣрили , что есть кни-
 га судебъ смертнымъ , въ которой
 при рожденіи каждаго челоуѣка
 пѣчнымъ Промысломъ предписы-
 вается теченіе , время жизни и
 родъ смерти . Сіе мнѣніе извѣст-
 но подъ именемъ Предестинаціи .

миль плакаль опь радости, и не вѣря почти глазамъ своимъ, едва собралъ силы сказать ей: Благодари небо! бѣды наши кончаются, помощію нашего благодѣтеля великаго Кабалиста Гассана. Ты должна была вѣчно спать; но онъ возвратилъ тебѣ первое состояніе, отгнавъ чародѣйство. Пади къ ногамъ его, воздай ему благодареніе, и проси, чтобъ онъ возвратилъ тебѣ твоего супруга, отнявъ ожелѣзѣвшую половину его шѣла.

Всемила запряслась, взглянувъ на желѣзныя ноги своего мужа, и хотѣла было пасть къ ногамъ Гассана, произнося убѣдительнѣйшую прозьбу о избавленіи отъ очарованія своего Свѣтомила; но Гассанъ не допусая ее до онаго, говорилъ, что онъ безъ прозьбы ея имѣеть долгъ, спомоществовать всѣмъ невинно спраждающимъ. Потомъ велѣлъ ей отойти къ сторонѣ, вынулъ лукъ и стрѣлы Вирсоновы, и нащипувъ золошную стрѣлу, сказалъ:

залъ : „ не ужасайшесь „ и проспръ-
 лилъ оною обѣ ноги Свѣпомилковы
 насквозь. Едва стрѣла пролѣтевши
 упала на полъ: Свѣпомилъ полу-
 чилъ обыкновенный свой видъ, не
 ощущая ни малѣйшей раны, ниже
 претерпѣннаго голода. Оба супру-
 ги пали къ ногамъ его, и возсыла-
 ли ему чувствительное благодареніе,
 которыхъ поднимая, Гассанъ
 говорилъ: Я не сдѣлалъ кромѣ мо-
 его долга. Но вы должны опасаться
 здѣсь, и дожидаться того, какъ
 я доспану мечъ великаго Вирспона;
 тогда я къ вамъ заѣду, и въ одно
 мгновеніе опнесу васъ, куды вамъ
 угодно. А чшобъ вы не претерпѣ-
 вали голода, сей духъ будетъ
 вамъ служить, и приносить все пре-
 бваемое. — Онъ топнулъ ногою
 о полъ; отъ чего выскочилъ духъ
 спрашнаго вида. Свѣпомилъ и Все-
 мила при всей своей радости и на-
 деждѣ на Гассана, не могли скрыть
 изобразившагося на ихъ лицахъ
 отъ сего страха. Гассанъ сіе при-
 Д 2 мѣши,

мѣшя, повелѣлъ духу принявъ чело-
 ловѣческій образъ, и въ ономъ
 являясь ко услугамъ Князей Ва-
 ряжскихъ, и исполняясь всѣ ихъ
 приказы. Онъ припомнилъ ему,
 чтобъ онъ постарался о обѣдѣ.
 Духъ исчезъ; а Гассанъ продолжалъ
 къ Свѣтому: — Я могъ бы васъ
 и шеперь пренести въ Варягію; но
 вы шамъ не безъопасны будете
 отъ врага вашего чародѣя Рукмана.
 Если же останетесь вы здѣсь
 до моего возвращенія: то тѣмъ
 сокроете исцѣленіе ваше отъ его
 познанія.

Свѣтомилъ и Всемила, повто-
 ря благодарность свою, обѣщались
 терпѣливо сносить свое уединеніе,
 и повиноваться его совѣту. Когда
 вы, великодушный Гассанъ, говори-
 ли они, возвратили намъ первое
 наше состояніе; то мы не можемъ
 чувствовашь никакого огорченія,
 если только мы неразлучны.

Въ то время появился духъ,
 несущій на серебряномъ лощкѣ, въ
 золо-

золотыхъ сосудахъ вкуснѣйшія я-
 ствы и напитки. Онъ накрылъ
 столъ, поставилъ на немъ прине-
 сенное, и Гассанъ съ Князьями Ва-
 ряжскими сѣлъ за оный. По окон-
 чаніи спола, Кабалистъ вынулъ
 пузырекъ съ каплями, данными ему
 отъ Муломбабы, и подмѣшавъ о-
 ныхъ нѣсколько въ напитокъ, далъ
 выпить Свѣтому и Семилу. Сей
 составъ, говорилъ онъ, возвратитъ
 вамъ обѣимъ прежнюю живость, и-
 спребитъ страхъ, и приведетъ въ
 забвеніе прошедшія ваши неща-
 стія. Слова его имѣли исполненіе
 по выпитіи ими состава. Оный о-
 значилъ на лицахъ ихъ новое сія-
 ніе прелестей, веселія и бодрости.
 Потомъ Гассанъ просясь, оставилъ
 ихъ, и провождаемъ благодарностію
 вышелъ изъ замка.

Первое его дѣло было призвать
 на помощь свою книгу, и вопро-
 сить, какимъ образомъ довершитъ
 оставшій путь къ острову, хра-
 нящему мечъ Вирспоновъ. Разг-
 нувъ

Л 3

нубъ оную , чипалъ сіе :

Ростущее у ногъ твоихъ да будетъ конь.

*Препоны пропадутъ , златой стрѣлой лишь
тронь.*

Прочитавъ сіе , взглянулъ онъ подъ ноги , и увидѣлъ , что стоимъ на нѣкоторомъ родѣ морскаго растѣнія. Безъ сумнѣнія сія права , сказалъ онъ , назначена доставишь мнѣ нужное къ продолженію пуши , и вынувъ злапую спрѣлу , коснулся до оныя. Мѣсто оное поколебалось , права пропала , и онъ увидѣлъ себя сходящаго въ раковинной колесницѣ , запряженной двумя морскими конями. Онъ пронулъ возжами , и кони понесли его сквозь разсупающуюся на всѣ стороны воду съ такимъ спремленіемъ , что меньше часа былъ онъ уже близъ спальной стѣны.

Гассанъ приблизился , и разсмапривая стѣну , увидѣлъ , что оная превосходила вышиною пирамиды Египетскія , и была столь гладка и свѣшла , какъ зеркало. Нѣскольکو прошедь , примѣшилъ онъ на
стѣнѣ

спѣнѣ палисманѣ, изѣ незнако-
 мыхъ ему буквѣ составленный.
 Гассанѣ заключилѣ, что сіе самое
 по мѣсто, въ кое должно ему стрѣ-
 ляпѣ. Вынимаетѣ лукѣ, напряга-
 етѣ съ спальной стрѣлою, и пу-
 скаетѣ. Едва оная коснулась пали-
 смана, вся окрестность потряслася
 подѣ ногами его. Спѣна съ пре-
 спрашнымѣ прескомѣ обратилася въ
 густый дымѣ, и поднимаясь въ
 вышину, исчезла въ глазахъ Гасса-
 новыхъ, копорый и самѣ чувство-
 валѣ, что нѣсколько приподнялся
 къверху. Тутѣ взорамѣ его пред-
 стала другая спѣна, свѣпящаяся
 опѣ чистаго серебра. Равный па-
 лисманѣ укрѣплялѣ оную. Вторая
 серебряная стрѣла изѣ рукѣ Гас-
 сана разбила его силу. Онѣ исчезѣ
 вмѣстѣ съ спѣною, превратившею-
 ся при ужасномѣ громѣ въ голу-
 бый парѣ. Земля подѣ ногами его
 поднялась еще выше, и оказала
 послѣднюю золопую спѣну. Тыся-
 чи огней казались выскакивающими

отъ ея блистанія. Съ большею надеждою бросаетъ онъ злую стрѣлу, разбиваетъ палиманъ, и съ нимъ разруша стѣну, пресѣкаетъ всѣ препоны къ полученію въ свою власть меча Вирстонова. При совершеніи послѣдняго выстрѣла, жестокой прескѣ, шумъ и громъ оглушали слухъ его, земля колебалась, стѣна вспыхнула огнемъ, и исчезла. Воды взволновались, и откашась сѣдѣющимися отъ пѣны валами на всѣ стороны, внесли на поверхность моря оспровъ, хранящій мечъ Вирстоновъ.

Все, что можетъ придашь природѣ пріятности и великолѣпія, ослѣпляло шупъ Гассановы взоры. Чистый и благовоный воздухъ, зеленѣющая земля, распускающіяся ароматныя цвѣты, деревья клонящія свои вѣтви подъ тягостію зрѣлыхъ плодовъ, прозрачныя испочники, текущіе съ усыпляющимъ чувствомъ легкимъ шумомъ, казали мѣсто созданнымъ для упокоенія блажен-

блаженныхъ пѣней. Рѣдкіе сіи предметы сполько же удивляли Гассана, сколько воздухъ оживлялъ его чувства. Но споящій по срединѣ острова храмъ, привлекъ на себя все его вниманіе. Онъ удвоилъ шаги, и достигъ въ хранилище меча великаго Вирспона.

Гассанъ разсмапривалъ сіе зданіе, которое изпощило на себя всѣ сокровища земныя, и искусство превосходящее понятіе смертныхъ. Онъ блисталъ отъ золота и драгихъ камней. Съ наружи по стѣнамъ означены были разныя сраженія споль живою рѣзбою, что казалось пѣшіе войны и всадники движущся, а кровь изъ пораженныхъ ліющеюся. Онъ долго не преспалъ бы насыщашъ зрѣніе сими рѣдкостями, естли бы надпись на дверяхъ, сдѣланыхъ изъ бѣлѣйшей слоновой кости, не принудила его, оставя первое, прочестъ слѣдующее ея содержаніе :

О смертный! какъ счастьящъ, что по-
 дши ты въ сей храмъ!
 Конечно долженъ быть ты крапецъ небе-
 самъ;
 Когда они по власть мечъ сей тебѣ
 вручаютъ,
 И онымъ отмщепать непиннымъ оста-
 пляютъ.
 Власть имъ не пносясь, пороки истре-
 бляй;
 Но что и ты не богъ, псечасно пображай.
 Симъ счастьемъ не гордись, которое
 да въ боги,
 И могутъ умножать, сломить возмо-
 гутъ роги.
 Кто пыше мѣры пшелъ, скорбе можетъ
 пасть;
 Стрегися, чтобъ тебѣ не выло сіе въ
 часть.

Надпись сія вкоренилась въ
 мысляхъ Гассановыхъ, и достави-
 ла ему свѣдѣніе, что внутри сего
 зданія хранился потъ всесильный
 мечъ, который поручаетъ ему
 власть надъ всѣми чародѣями и
 злыми людьми. Онъ отверзъ без-
 препяшпвенно двери, и увидѣлъ
 на серебряномъ сполѣ лѣжащую
 злапошканную подушку, и на оной
 въ ножнахъ мечъ. Поясъ онаго
 сдѣланъ былъ изъ черной простой
 ко-

кожи, съ надписью золотыми бук-
 вами: „Носящій мечь сей не мо-
 „жетъ бытъ вредимъ„. Учиня колъ-
 но преклоненіе, Гассанъ взялъ съ
 подушки мечь, и препоясалъ оный
 по себѣ. Съ самымъ симъ дѣйств-
 віемъ, несчетное множество бѣ-
 лыхъ духовъ окружило его, и отворя
 двери показывало знаками, что бѣ онъ
 вышелъ. Гассанъ повиновался, и едва
 сошелъ съ послѣдней ступени, какъ
 духи подхватя храмъ, скрылись съ о-
 нымъ въ воздухъ опѣ глазъ Гассано-
 выхъ. Пріятный видъ и прекрасныя
 произрастѣнія оставили сей островъ,
 уступя мѣсто пущынѣ, ужасной
 по утесамъ преспрашныхъ дикихъ
 горъ. Тьма покрыла глаза Гасса-
 новы, и онъ не успѣлъ оглянуться,
 какъ нашелъ себя споящимъ близъ
 подводнаго замка, на самомъ шомъ
 же мѣстѣ, гдѣ росла трава обра-
 шившаяся въ коней и раковинную
 колесницу. Тутъ вспомнилъ онъ
 о лукѣ и стрѣлахъ Вирспоновыхъ,
 о коихъ забылъ при разрушеніи
 стѣнъ

спѣнѣ охранявшихъ островѣ. Бросился въ колчанѣ и шуль, и къ безмѣрной радости нашелъ ихъ лѣжащихъ въ своемъ мѣстѣ. Въ нескazanномъ веселіи пошелъ онѣ сообщить свое удовольствіе Свѣтому и Всемилѣ, которыхъ нашелъ благополучныхъ, съ неперпвнѣемъ ожидавшихся возвращенія. Не опасайтесь теперь, кричалъ онѣ, обнимая ихъ, не опасайтесь никакова злополучія! Злобный Рукманѣ не можетъ уже вредить вамѣ. Власшь его уступаетъ силѣ меча великаго Вирспона, и казнь злодѣянїямъ его уже наступила. Отправимся не медля, окончатъ мученія добродѣтельнаго Падманаба, моего и вашего благодѣтеля. Будьте свидѣтели моей радости о его избавленіи, и гибели недостойнаго Рукмана.

Онѣ всплеснулъ руками, и призывалъ подчиненнаго своего духа Пиллардока, который въ мигѣ явился къ его повелѣнїямъ. Гассанѣ дер-

держащій въ правой рукѣ Всемилу,
 а въ лѣвой Свѣпомила, сказалъ ду-
 ху, чпобѣ онѣ опнесѣ ихѣ въ жи-
 лице Рукманово. Духъ превра-
 шился въ бѣлую пшцу чрезмѣр-
 ной величины, подхватилъ ихѣ на
 хребетѣ свой, и съ неимовѣрною
 скоростію поднялся изъ воды на
 воздухъ. Князья Варяжскіе пря-
 слись отъ ужаса въ необычайномѣ
 семѣ пупешеспвіи, и держались обѣ-
 ими руками за Гассана, копорый
 укрѣплялъ ихѣ малодушіе, и обна-
 деживалъ безопасностію. Увѣща-
 нія его сдѣлались нужнѣе для Свѣ-
 помила и Всемилы, въ приближе-
 ніи къ оспрову Рукманову. Спра-
 шныя пучины вздымали шумѣ вол-
 ны горами къ небесамѣ, и ужа-
 сныя морскія чудовища выскакивали
 на поверхность, разѣвая губи-
 шельныя свои челюсти. Люпыя
 звѣри, и ядовитыя крылатыя зміи
 дополняли спражу спрашнаго сего
 оспрова, наполняя мерзскимѣ ре-
 вомѣ и ядовитымѣ дыханіемѣ
 берега

брега его. Гассанъ пустилъ одну изъ стрѣлъ своихъ, и оная отняла жизнь у всѣхъ чудовищъ хранящихъ входъ. Спрашный ревъ ихъ умолкъ, и волны престали бить, содѣлавъ повсюду тишину.

Духъ опустился близъ двора Рукманова. Гассанъ сошелъ со хребта его, и свелъ Князей Варяжскихъ. Все, что природа можетъ имѣть ужаснаго, и приводящаго въ претрепешъ, собрано было въ семь мѣстъ, чтобъ изображать на ономъ самый адъ. Смертоносный дымъ изходилъ изъ окружающаго дворъ рва, въ коемъ кипѣлъ ядъ. Сидѣло шупъ мрачную мглу, и горящія осмоленные шѣла нещасныхъ, попавшихся въ руки сему извергу, служили вмѣсто свѣта, опгнаннаго шѣмъ ядовитымъ паромъ. Обагреныя кровію черныя спѣны изъвляли безчеловѣчіе и злобу обищающаго во оныхъ. Защворы въ воропахъ вмѣсто обыкновенныхъ сплешены были изъ спрашныхъ

шныхъ ползучихъ змѣй. Шипѣніе и видѣ оныхъ доспапочно были охладить кровь въ самомъ безспрашнѣйшемъ челобѣтѣ. Гассанъ принужденъ былъ для опогнанія шрепета отъ своихъ спутниковъ, прочесть заклинанія, и уничтоживъ сіе происходящее отъ чарованія страшное сборище. Слова его разрушили все оное. Мгла и ядъ исчезли, стѣны развалилися, и обыкновенный свѣтъ простеръ лучи свои на домъ варвара Рукмана.

Когда Гассанъ приблизился ко входу внутрь дома, и спулилъ на первую ступень: страшный громъ поколебалъ спукомъ своимъ окрестность. Великій пламень выскочилъ изъ разсѣдшейся въ разныхъ мѣстахъ земли, обралилъ свое свирѣпство туды, гдѣ споялъ Гассанъ, и трясушіеся отъ ужаса Свѣпомилъ и Всемила. Но одного обнаженія меча Вирспонова довольно было уничтожить сіе волшебство. Самъ домъ чародѣевъ, созданный чрезъ-

чрезбеспесшвенными средствами , исчезъ , и оставилъ злаго Рукмана , стоящаго предъ Гассаномъ . Онъ препеналъ , взирая на мечъ , и опвращалъ лице отъ Гассана , чшобъ не избъявишь , околь ужасается онъ его власпи . Гассанъ очерпилъ его въ округъ мечемъ , прочпя заклинанія , кои лишили его памяти , и испребили изъ ума его знаніе чародбйскія науки . Покинувъ сего ожидашь достойнаго наказанія по дбламъ своимъ , пошелъ Гассанъ , провождаемый Свбпомиломъ и Всемилою , искашь мбсто , гдв былъ заключенъ Падманабъ . —

Но Сочинитель увбряетъ чипашеля , что онъ не найдетъ Падманаба , естли не заглянетъ въ послбдную часть ; ибо въ сей прешей

шолько и было .

РУСКІЯ СКАЗКИ

СОДЕРЖАЩІЯ:

Древнѣйшія Повѣствованія о слав-
ныхъ Богатыряхъ, Сказки народ-
ныя, и прочія оставшіяся чрезъ
пересказываніе въ памяти
Приключенія.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Куратороубъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Рускія Сказки, Часть IV и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсмотрѣніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Соуптникъ, Красноурѣчійя Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУССКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Заключеніе повѣсти о Гассанѣ Аспарханскомѣ.

Не долго прудился Гассанъ въ сысканіи започенія Падманабова. Оное оказалось, когда исчезъ домъ. Все, что ни есть мерзко для взоровъ, было собрано въ округъ и въ срединѣ шой желѣзной клѣпки, гдѣ онъ спрадалъ. Не оспалось медлить Гассану. Онъ приблизился, и перерубилъ печать, отнимающую возможность къ освобожденію Падманаба. При ударѣ клѣпка вся рассыпалась, и оставила заключаемаго въ ней свободна къ принесенію благодарности своему избавителю. Но сколь удивился онъ, познавъ въ немъ Гассана. О небеса! возопилъ онъ, кого я вижу! Не обманываютъ ли

А 2

меня

меня глаза мои? . . . Нѣтъ, онъ, Гассанъ мой избавишь! Ахъ! сей топъ Гассанъ, который, не помня суроваго моего съ нимъ поступка, подвергъ жизнь свою столькимъ опасностямъ, чшобъ спасти меня. Возмоги ли бы я ожидать сего? Какъ несправедливо поступилъ я съ побою, великодушный Гассанъ! Я столькожъ былъ немилосердъ, сколько ты добродѣшеленъ. Но я за шо наказанъ, и побою, дражайшій мой Гассанъ, смягчена жестокость мучительныхъ моей жизни. Какое благодареніе могу я принести тебѣ! Сами небеса, воздающія за добрыя дѣла, награждаютъ тебя, и низпошлютъ тымчисленные щедроты на всѣ дни твои.

Гассанъ стыдящійся взирать на Падманаба, вспоминая свое предъ нимъ пресшупленіе, сталъ предъ нимъ на колѣни, и говорилъ: Кто могъ быть столько злобенъ и столько неблагодаренъ, какъ я противу тебя, великій Падманабъ! За всѣ
твои

твои благодаренія ко мнѣ, хотѣвъ
я умертвить тебя. Но благодарю
небо, наказавшее меня своею рукою.
Оно испребило изъ сердца моего
злобу, и очисти его чрезъ неща-
стіе, предспавило глазамъ моимъ
великость моего беззаконія. Я ра-
скался въ моемъ проступкѣ, ка-
юсь еще, и во весь вѣкъ мой буду
каяться. И естли боги дозволили
мнѣ подати тебѣ свободу: по не
почти сего въ заслугу; но прѣими
оное знакомъ исправленія моего, и
вмѣсто благодарности прости ви-
ну мою.

Падманабъ, любившій Гассана
и въ преступленіи такъ какъ сына,
не могъ сего слышать иначе, какъ съ
пролитіемъ слезъ. Онъ заключилъ
его въ свои объятія, говоря, что
не только забываетъ прошедшее,
но проситъ, чтобъ и онъ не пом-
нилъ онаго; и что онъ щастливъ
будетъ, естли Гассанъ наградитъ
свою потерю, прицѣвъ его вмѣсто
опца, погибшаго за свою неспра-

ведливостъ. Гассанъ былъ шѣмъ-столько обрадованъ, что едва могъ изъяснить благодарность свою. Онъ отдавалъ ему во власть мечъ и стрѣлы Вирстоновы. Но сей не принялъ оныхъ, сказавъ: Когда я тебя, дражайшій Гассанъ, почитаю моимъ сыномъ: то не шокмо, чтобъ желать пріобрѣтеннаго тобою чрезъ неисчисленныя шруды, но и все, что я знаю и у себя имѣю, есть твое. Послѣ сего просилъ онъ разсказать, что случилось съ нимъ со времени превращенія его въ чудовище. Гассанъ исполнилъ его желаніе, не скрывая и любви своей къ племянницѣ его Гироулѣ; чѣмъ усугубилъ радость его. Такъ, любезный Гассанъ, сказалъ онъ, выслушавъ его приключенія, Гироулѣ должна бытъ твоею, и безъ шого шаспіе ея и мое благополучіе не будетъ совершенно. Гассанъ забылъ себя отъ радости, и цѣловалъ Падманавовы рѣки.

Успо-

Успокоившись отъ смятенія, приключеннаго радостію о благополучномъ семъ произшествіи, спрашивалъ Гассанъ у Падманаба, каковое опредѣлишь онъ наказаніе злобному Рукману? Каковое ты вздумаешь, опвѣчалъ Падманабъ. Онъ долженъ быть перзаемъ во весь вѣкъ свой двумя пшицами, сказалъ Гассанъ, и не прежде умереть, какъ въ день предписанный смерти его. — Нѣтъ, драгой мой Гассанъ, перервалъ рѣчь его Падманабъ, я не хочу сдѣлать таковаго безчеловѣчія. И хотя Рукманъ во весь вѣкъ свой осквернялъ свѣтъ пороками, и дни его были дни беззаконія и мучительства; но мы опдадимъ долгъ добродѣтели, простивъ ему наши обиды. Однакожъ, чтобъ онъ будучи свободенъ, не обратился къ прежнимъ варварствамъ, започимъ его навсегда въ сію клѣтку, гдѣ сидѣлъ я, и велимъ землѣ сокрыть его во внутренность пре-

пасшей своихъ. Приславимъ къ нему духа, который бы кормилъ его. Сего довольно. Онъ будетъ терзаться и отъ того, что уже не можетъ никому вредить. Гассанъ повиновался воле Падманаба, и они пошли къ мѣсту, гдѣ лежалъ безчувственно Рукманъ. Тогдашъ оцѣщенъ былъ онъ къ клѣткѣ, въ которую посаженъ, и запечатанъ печатью съ именемъ великаго Вирстона, снятою съ его пояса. По прочтеніи Падманабомъ нѣкоторыхъ заклинаній, земля разверзлась, и съ страшнымъ шумомъ сокрыла Рукмана, и всю его злобу въ свои недра. Духъ, которому поручено спараніе о его пропитаніи, былъ призванъ, и получивъ приказъ, исчезъ.

Князь Варяжскій и его супруга, бывшіе свидѣтелями освобожденія своего благодѣтеля и заключенія врага, чрезмѣрно радовались, и приносили Гассану и Падманабу чувствительную благодарность, а

ока-

оказанныя отъ нихъ имъ одолже-
 нія. Они дожидались того времени,
 въ которое бы съ благоприсшойно-
 стію попросить о доставленіи
 своемъ въ Варягію. Гассанъ те
 примѣшилъ, и сказалъ имъ: Я
 могу видѣть, дражайшій Свѣто-
 милъ, что вы съ сунругою своею
 имѣете желаніе возвратиться въ
 свое государство, сіе долженъ я
 исполнить по моему обѣщанію.
 Но еслии я могу пребывать отъ
 васъ воздаянія за мою услугу: оное
 будешь состоять въ прозьбѣ, чтобъ
 вы раздѣлили со мною ту
 радость, каковую будешь имѣть
 свиданіе наше съ Муломбабою, и
 дражайшею моею Гироулою, и
 чтобъ вы присутствовали на моей
 свадьбѣ. А послѣ того обѣщаюсь я
 самъ проводить васъ до Варягін.
 Свѣтомилъ и Всемила охотно на
 сіе согласились, и всѣ хопѣли уже
 оставишь островъ Рукмановъ, какъ
 услышали производящій не въ
 дальности отъ себя болѣзненный
 А 5 спонъ.

спонѣ. Они бросились всѣ къ тому мѣсту, и увидѣли въ погребѣ расшянушаго за руки и за ноги челоуѣка, на коего лилась съверху клокогчущая смола. Гассанѣ сошелъ въ погребѣ, и прочитавъ заклинаніе, упушилъ смолу, и избавилъ сего несчастнаго. Выведши онаго на поверхность, далъ ему, капель составу Муломбабина; чѣмъ въ мгновеніе исцѣвилъ и возвратилъ ему первое здоровье. Сей избавленный повергъ себя къ ногамъ его, и со слезами приносилъ благодарность. Онѣ посстрадалъ также отъ безчелоуѣчія Рукманова. И какъ всѣ желали вѣдать, какимъ образомъ попался онѣ къ нему въ руки, и какая причина побудила чародѣя столь мучительски съ нимъ поступить; то просили его разсказать свое приключеніе, по чему онѣ началъ. —

ПО-

ПОВѢСТЬ

Кіевскаго Воеводы Мирослава.

Столица великихъ Князей Кіевскихъ былъ пошъ городъ, въ которомъ издревлѣ обиталъ родъ нашъ. Рожденіемъ моимъ долженъ я Спрашиміру, полководцу Князей Дира и Оскольда, извѣстному свѣту по храбрымъ дѣламъ его противу Грековъ. Кончина его оставила меня съ сестрою моею Звѣздо-драгою въ самыхъ малыхъ лѣтахъ сиротами и наслѣдниками великаго богатства. Милость нашихъ Государей, въ каковой находился у нихъ родитель нашъ, подвигла ихъ въ сожалѣніе о нашемъ сиротствѣ. Мы взяши во дворецъ для воспитанія; а имѣніе наше порученѣ въ смотрѣніе одному надѣждному чело-вѣку изъ боярѣ Кіевскихъ.

Первыя лѣты моего юноше-ства прошли въ наукахъ, пристой-ныхъ моей природѣ. Я соотвѣт-ствовалъ попеченію, чтобъ быть

до-

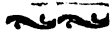
достоинымъ наследникомъ степени
опца моего, прилѣжаніемъ и поня-
тіемъ аѣ изученіи. Сіе снискало
мнѣ опмѣнную любовь и благово-
леніе отъ Князей. На шестнаш-
дашомъ году произведенъ былъ я
тысячникомъ, и война съ Греками
доставила мнѣ случай, заслужишь
сію Княжескую милость, щаспли-
вымъ успѣхомъ оружія предводима-
го мною полка. Войско возвраши-
лось съ величайшею добычею, и я
предсталъ предъ очи Государей,
чтобъ слышать похвалу за отлич-
ное мое поведеніе, и принялъ но-
выя знаки милостей. Коротко ска-
зать: я пожалованъ полковымъ Во-
еводю, и имѣніе опца моего, на-
ходившееся до шоль подъ опекою,
опдано въ собственную мою волю.
Я переѣхалъ въ домъ мой. Сестра
моя, любившая меня чрезвычайно,
не хотѣла жить со мною разнo.
Я выпросилъ ее изъ дворца, и ку-
пно съ нею раздѣлялъ веселости,
довольства знаменитости и спо-
койной жизни. Чего

Чего не доставало, чтобъ составить мнѣ дни удовольствія преисполненные? Милость отъ Князей, знатный чинъ въ молодыхъ лѣтахъ, и къ тому изобильное богатство, вливали въ мои мысли разныя лестныя надежды. Каждая минута проходила въ невинныхъ забавахъ, и наступающая вновь несла мнѣ новыя утѣхи. Я не желалъ обязать себя бракомъ, почитая оный за вещь таковую, къ порыя и малая неудача можешь помѣшать щастіе дней моихъ, и прервать цѣль спокойствія. Тщепно старались родственники мои представлять, что жена, которую я могу избрать по своей склонности, усугубитъ блаженство моей жизни, и любовь ея придастъ новую пріятность моимъ утѣхамъ, что въ объятіяхъ ея возрастетъ мое спокойство, и что я не долженъ торопиться выборомъ; но чрезъ довольное примѣчаніе положишь на достойную жребій своего же-

желанія. Я имѣлъ на то глухія уши. Несклонность моя къ нѣжному полу была препоною согласиться на представляемое. Она наполняла различными спрахами мое ошомѣ воображеніе, и положила зашвердѣлое намѣреніе въ вѣкъ мой не бытъ женашу. Мирѣ, коимѣ наслаждалось наше государство, не доставлялъ мнѣ попеченія, какѣ о приспойномѣ замужствѣ для сеспры моей. Но и не было нужды прилагать о шомѣ излишнее стараніе. Множество первенствующихѣ домовѣ нашего дворянства искало охотно сего союза. Нѣкорыхѣ изѣ нихѣ я согласенѣ былѣ приняшь въ мое сѣмейство; но сеспра моя не оказывала ни малой склонности къ замужству. Соображая сіе съ моимѣ нравомѣ, я внутренно радовался тому, а родственники удивлялись ея поступкамѣ; ибо досташокѣ и знаменитость свапающихся не могли доставить достойнѣе ей выбора.

Могѣ

Могъ ли я иное думать, чтобъ сіе происходило не отъ сходства мыслей ея съ моими? Сіе умножало чувствительно мою къ ней горячность. Казалось, что и она любила меня столько, какъ брата, и любить больше не можно. Словомъ, намъ скучно было, естъли мы хоть на часъ разлучались. Однако сіе скрывало ея пороки. Ласкательства ея ко мнѣ, одѣвали припворною завѣсою. Гнѣздящійся корень злобы и ненависти углублялся въ душѣ ея между тѣмъ, какъ строга я судьбина опредѣляла оную бысть орудіемъ всѣхъ моихъ несчастій.

Самъ адъ вперилъ въ нее склонность учиться волшебству. Я не зналъ о томъ, какъ Звѣздодрота сыскала нѣкоторую злобную вѣдьму, имянемъ Лютозиду. Она поняла ужъ всѣ первыя основанія сея боюмерзскія науки, между тѣмъ какъ я, имѣя спрасть къ цсовой охотѣ, препровождалъ по нѣ-

нѣскольку дней въ поляхъ. Хотя она и чувствовала досаду, когда я возвращаясь домой, мѣшалъ въ ея упражненіи; но она, не оказывая се- го, встрѣчала меня съ обыкновенною ласкою, и столь хорошо притворя- лась, что и не могъ ни чужь при- вѣщанъ ея переменны. Все шло мирно, доколь люшый чародѣй Рукманъ не случился бытъ въ Кие- вѣ. Онъ свѣдалъ отъ пріятельни- цы своей Люповиды о сестрѣ мо- ей. Она рассказала ему о ея склон- ностяхъ, и при томъ описала кра- соту ея столь живо, что онъ захо- тѣлъ погложъ часа ее видѣть. Не было труда достигнуть ему сво- боднаго къ ней входа. Одно имя великаго чародѣя открыло ему дорогу въ домъ мой и сыскать дружбу Звѣздодраги. Чародѣй въ первые ее увидя, почувствовалъ къ ней склонность, и какъ над- лѣжитъ думать, посредствомъ колдовства, со всѣмъ своимъ без- образіемъ показался ей первымъ на

на свѣтъ красавцомъ. Онъ до
 презбѣ ея общалъ учить ее все-
 му, что зналъ, и въ западну пре-
 бовалъ взаимной склонности, изъ-
 ясня свою къ ней страсть. Се-
 сстра моя. . . . увы! я спыжусь
 напомнить! . . . недосдойная
 звѣздодрата, слаба была прощ-
 ались пороку, распросиращающему-
 ся въ душѣ ея. Она не успыдилась,
 принесши честь свою на жершву
 звѣрской склонности къ волшеб-
 ству. Посрамя родъ свой, и нане-
 ся невозвращное мнѣ доруганіе,
 предалась она во власть поспыдной
 склонности мерзскаго любовника и
 учителя своего Рукмана. Посѣще-
 нія его были столь же часты, сколь
 велика была склонность недосдойной
 сестры моей къ пагубной бѣсовской
 наукѣ. Върояшно, что не имѣли
 они ни малаго отъ меня опасенія;
 ибо Рукманъ безъ всякой оспорож-
 ности препровождалъ цѣлыя у ней
 ночи. Все сіе нескрыто было отъ
 многихъ нашихъ саужиселей, кро-

Часть IV. Б мѣ

мѣ одного меня. Робость ли ска-
зашь мнѣ, что я не повѣрю, и они
останутся жертвою моего гнѣва,
отъ того ихъ удерживала, или
чрезбестественная сила чародѣй-
ства Рукманова клала узы на я-
зыкъ ихъ, или щаснїе мое, преодо-
лѣвающее борющіяся съ нимъ зло-
получія, старалось еще продлить
спокойство дней моихъ. Но наста-
етъ время невозвѣрныхъ моихъ
бѣдъ.

Нѣкогда выѣхалъ я изъ моего
дому, простясь съ сестрою, и рас-
положа нѣсколько дней пребыть
въ полѣ для охоты. Проводя на
ловлѣ одинъ день, не знаю, отъ
чего скучилось мнѣ ѣздить. Любовь
ли къ сестрѣ, которую несносно
мнѣ было долго не видать, была
сего причиною, или рокъ мой, по-
жравшій злобною своею паспїю
спокойныя часы мои, выводилъ ме-
ня на позорище моихъ злоключеній,
и вложилъ желаніе возвратишь-
ся домой. Часъ моя уже была го-
шо-

пова, и долженствовала меня тѣмъ жесточе поразить, чѣмъ родъ моего несчастія былъ мнѣ невоображаемъ.

Ночь имѣла уже полное свое владычество, и вся природа покоилась во объятіяхъ сна, когда пріѣхалъ я въ домъ мой. Чтобъ не сдѣлать шуму, и не нарушить покоя сестры моей, шелъ я весьма тихо къ ея спальнѣ для осведомленія, здорова ли она. Я вошелъ, подступилъ къ ея кровати; но, о ужасный предметъ! что я увидѣлъ? Недостойная сестра моя изобразила поношеніе мое, лѣжащая во объятіяхъ мерзкаго Рукмана. Я ошолбенѣлъ, и не вѣдалъ, что начать. Разумъ меня оставилъ, и чувства всѣ ослабли, борясь съ гнѣвомъ, мщеніемъ, досадою и стыдомъ. Прошло нѣсколько времени, поколь могъ я заключить, что начать. Иногда думалъ я умершвить ихъ обоихъ; но любовь къ сестрѣ за нее предстательствовала, по думалъ

малъ ославить ихъ, и учинить
 Завододрогъ наединѣ спротивъ выно-
 воръ; но мщеніе свирѣпствовало въ
 душѣ моей, и утвердилось въ томъ
 не допускало. Полагалъ злодѣя пре-
 дать на казнь народную. Природа
 моя вопила ко мнѣ о стыдѣ, дол-
 жествующемъ чрезъ шо прикато-
 чинься моему дому. И такъ былъ
 я со всѣмъ смущенъ, и мало по-
 малу изгоняя разсудокъ, глоталъ
 свирѣпство. Между тѣмъ сесхра
 моя, незнающая о моемъ прису-
 ствїи, проснулась, и начала оказы-
 вать Рукману пронзающія сердце
 злые, ласканія. Я вострепещалъ отъ
 ярости, и извлекая изъ ноженъ
 мою саблю, вскричалъ: Недостой-
 ная сесхра, извергъ и поношеніе
 нашего рода, раскаясь о своемъ
 безстыдствѣ! . . . А ты, оскверни-
 тель моей чести, прими казнь до-
 стойную твоего злодѣянїя. — Съ
 словомъ симъ опустилъ я ударъ;
 но занавесъ постельный, за кото-
 рый зацѣпилъ я концемъ сабли,
 по-

помѣшалъ мнѣ совершить мщеніе
 опсѣченіемъ головы любовника се-
 сстры моей, и я не могъ опсѣчь
 болѣе, какъ два пальца лѣвой руки
 его. Сердясь на ошибку свою взмах-
 нулъ было я въ другой разъ; но
 сколь великъ былъ мой ужасъ, ко-
 гда они оба исчезли предъ моими
 глазами. Свирѣпство мое уступило
 мѣсто удивленію, и боролось со
 страхомъ, когда я искалъ ихъ по
 всѣмъ угламъ комнаты. Продол-
 жая больше часа тщетный поискъ,
 вышелъ я въ препешъ вонъ, и легъ
 въ мою постелю, разбирая необы-
 чайный сей случай. Я не вѣрилъ
 глазамъ своимъ, думалъ, что не
 ошибся ли и не во снѣ ли по видѣлъ;
 но чувства мои и кровь оставшая-
 ся на саблѣ, подтверждали, что
 несчастіе мое столькожъ справедли-
 во, какъ и стыдъ мнѣ причинен-
 ный невозвратенъ. Цѣлую ночь
 не могъ я сомкнуть глазъ, и на-
 спавшій день принудилъ меня
 встать, чтобъ освѣдомиться о
 слѣдствіяхъ сего приключенія.

Я нашелъ сестру мою лѣжащую въ постелѣ, и на лицѣ ея невиднo было ни маляго безпокойства. Ахъ! любезный брашецъ! сказала она, когда я вошелъ, какъ ты скоро возвратился съ охоты. Я не надѣялась тебя нынѣ видѣть, и думала, что и нынѣшній день проведу безъ тебя въ такой же сукъ, какъ и вчерашній. — Такъ, недоспойная! отвѣчалъ я, спарайся пришепоряшься, и думай, что можешь обмануть меня. Глаза мои явственнѣе изобразили порокъ твой, нежели можешь ты закрыть оный своими выдумками. — Звѣздодрага представила на лицѣ своемъ видъ поропости и удивленія, такъ какъ бы ей слова мои были непонятны. Избясни мнѣ, въ чѣмъ я виновата, сказала она, что ты видѣлъ, и что сдѣлалось тебѣ? Слова твои мнѣ совсѣмъ невразумительны! — Стыдись, не годная! говорилъ я; мнѣ срамно повторять тебѣ то, что желаешь ты

ты скрыть. Однако я скрѣплюсь, чпобѣ уличить тебя. Не видѣлъ ли я тебя вчера по возвращеніи съ поля, обнимающую мерзкаго своего любовника? Не ему ли, желая умерщвить его, опсѣкъ я ошибкою вмѣсто головы два пальца? Но какое чародѣйство скрыло васъ отъ моего мѣненія, я неизвѣстенъ. — О небо! произносила она. Ахъ! брашецъ! ты не стыдишься взводить на меня такую клевету? Меня ты поставляешь поль порочною, когда я и въ мысляхъ сего не имѣла, и не была дома со вчерашнихъ полдней до самаго сего утра. Княжна Милодоха пригласила меня въ свой загородный домъ, гдѣ мы прогуляли цѣлую ночь, и на разсвѣтѣ распались. Я только сей часъ пріѣхала. Въ своемъ ли ты умѣ? Конечно мечта посредствомъ ненавистнаго намъ духа, желающаго помутить спокойство дней нашихъ, сіе въ тебѣ причинила. —

Потѣмъ она змолчала, и начала горько плакать. Слова ея привели меня въ изумленіе. Я начиналъ сумнѣваться; и вѣчиталъ мечшою, видѣнное собственными глазами. Вошедшія комнатныя служанка Звѣздохрагины опивчали на вопросы мои самымъ нѣмъ же, что и она; а нѣмъ совѣмъ меня уверили, что я ошибся, и что, ослаблясь привидѣніемъ, не вину ную понёсиль сестру мою. Сожалѣніе и раскаяніе овладѣли мною. Я извинялся передъ нею, и всячески старался отереть ея слёзы, представляя, что не возможно мнѣ было не ошибиться въ искушеніи, что въ коего я не могъ предостеречь себя. Таковыя и тому подобныя слова доставили ей покойство, и возобновили прежнее между нами согласіе, вѣкомъ притворное съ ея стороны. Хотя она и казалась мнѣ съ обыкновенною ласкою; но внутренно пишала злобу, и искала случая погубить меня.

Прод

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ, въ которыхъ происшедшее истребилось у меня изъ памяти. Я наслаждался покоемъ, не мысля ни о какой опасности, и продолжалъ мои забавы со своею охотою. Въ одинъ вечеръ прѣбывавъ съ поля, вошелъ я прямо въ спальню сестры моей, и двѣ собаки за мною бѣжанія вскочили шумъ же. Рукманъ находился тогда у ней, и при входѣ моемъ сдѣлался невидимъ. Звѣздодрага приняла меня ласково; но въ то время, какъ я съ нею цѣловался, собаки услыша духомъ чародѣя, бросились и начали онаго рвать полъ жестоко, что плащъ его полетѣло клочьями, и онъ вскричавъ, представился глазамъ моимъ въ обыкновенномъ своемъ мерзскомъ видѣ. Я позналъ въ немъ самаго того, коего прежде счелъ представившимся въ мечтѣ, и бывъ опоропленъ, началъ его прavitъ моими собаками. Тогда сестра моя перемѣнилась въ лицѣ, и

наполнясь злобою, вскричала: Ахъ! недостойный, какъ могъ ты предпріять сіе прошиву челоуѣка, коего ногу цѣловать ты недостойнъ! Оставляя, что ты былъ по сіе время преспіваемъ нашего свиданія, и нанесъ ему вредъ мерзкою своею рукою, хочешь, чтобъ его и псы твои растерзали? Время сбыть тебя съ рукъ. Прими достойное наказаніе. — Сказавъ сіе, схватила она стоящій стаканъ съ водою, и прочтя незнакомыя мнѣ слова, плеснула мнѣ въ лице. Каковъ былъ ужасъ мой, когда я въ поже мгновеніе узрѣлъ себя превращенна въ дряхлаго и горбатаго старика.

Когда я пошерялъ мой образъ, въ самую ту минушу Рукманъ принялъ мой. И какъ я отъ страха былъ еще внѣ себя, вскричалъ онъ, призывая людей моихъ. Оные прибѣжали, и онъ сказалъ имъ, указавъ на меня: Возмите сего злаго волшебника, и давъ ему пріста ударовъ, сбейте съ двора. Служи-

жи-

тели, почитая его за своего господина, исполнили приказъ его со всякою почностію. Я выпашенъ на дворъ, и вышерпѣлъ опредѣленное число ударовъ. Безполезно старался я увѣрять ихъ, что я несчастный Мирославъ, ихъ господинъ, спрадающій отъ злобы волшебницы сестры моей, и свирѣпаго чародѣя ея любовника, принявшаго мой образъ, когда я отъ Звѣздохраги превращенъ въ старика. Слова мои умножили лишь гнѣвъ ихъ и мои раны. Едва живъ выгнанъ я за ограду двора моего.

Находясь въ полъ бѣдственномъ состояніи, оплакивалъ я мое злополучіе, и не зналъ, что предпріять. Неоднократно покушался я итти во дворецъ, и представить моимъ Государямъ случившееся со мною; но намѣреніе сіе спрaшилcя произвести въ дѣйство, представляя, что Князья не повѣрятъ мнѣ, и почтутъ за обманщика или сумасшедшаго, и что вмѣсто ош-

ра-

рады сдѣлаю лишь горчайшею часть мою. Не зная, куды обратиться, и чпо начать, бродилъ я нѣсколько дней по Киеву, питаясь подаваніемъ добросердныхъ людей. Я приходилъ въ отчаяніе, видя себя низвергнута на дно злключенія. Не привыкши къ бѣдности, желалъ я смерти, и едва не упопребилъ къ тому собственныя руки. Собравъ расшоченный разумъ, опредѣлялъ я оставить міръ, омерзѣвшій мнѣ злостію единоупробныхъ сестры моей, и удалиться въ пустыню, чтобъ свободнѣе степенать шамъ о моемъ несчастіи. На сей конецъ вышелъ я изъ Киева, и направилъ путь мой въ лѣса, покрывающія шѣнию своею непроходимыя горы, лѣжащія близъ города Хоревицы (*). Пришедь

(*) Хоревица городъ, находился не въ далности отъ Киева, и былъ построенъ Княземъ Хорепомъ, братомъ великаго Кія, создавшего городъ Киевъ.

шедъ во внутрь пущыни, избралъ я себѣ мѣсто въ пещерѣ, и думалъ, что шумъ забуду всѣ мои несчастія, забуду съѣтъ, и въ ономъ злую сестру мою. Но могъ ли я гдѣ укрышися? Мщеніе ея за мною невиннымъ слѣдовало всюду. Чпобѣ не дашь мнѣ нигдѣ покоя, посылала она обще съ Рукманомъ различныя привидѣнія, кои всякой день наполняли меня ужасомъ. Чпобѣ сдѣлаешь вамъ сравненіе о прочихъ случившихся со мною страшныхъ мечтахъ, объявлю я вамъ послѣднее изъ оныхъ.

Въ одну полночь, когда умученныя мои чувства предались власти сна, и я въ сладкомъ упокоеніи забывалъ настоящія мои помненія: страшный громъ и прескъ разорвалъ оное, оглушая мой слухъ. Сердце мое задрепетало, кровь охладѣла, и во ужасѣ едва осмѣлился я открытъ глаза. Какое страшное позорище предстало онымъ! Пещера моя разсѣ-
да-

далась на двое. Верхъ горы, въ коей находилась она, раздроблялся въ часпи, которыя, пылая пламенемъ, стремились къ низу надъ моею головою, и въ паденіи своемъ производили шаковый стукъ, какъ бы природа вся въ ничто обращалась. Пошомъ вся окрестность вспыхнула огнемъ съ пресмраднымъ дымомъ, и самъ я, бывъ въ смертельной робости, загорѣлся, не ощущая однакожъ ни малѣйшаго вреда. Послѣ сего огонь началъ свиваться, и сдѣлался предъ глазами моими великимъ клубомъ, и поднимался къ верху. Я спалъ было по не многу приходишь въ себя, какъ клубъ оный съ равнымъ первому громомъ разорвало въ дробныя часпицы, и каждая изъ оныхъ превратилась въ страшнаго дракона; а искры, оппрянувшія при разорваніи, въ различныхъ ужаснаго вида змѣй. Все сіе свирѣпое сборище, подобно стрѣламъ быстростію, бросилось ко мнѣ, и
окру-

окужило меня. Драконы прыгали съ люшостию, какъ бы желали разорвать меня на части. Я приготовился разстаться съ жизнью, между тѣмъ какъ мѣлкія змѣи обвивались около меня съ мерзскимъ шипѣніемъ. За тѣмъ слышалъ я еще громовый ударъ, и въ самое по мгновеніе земля разверзлась при ногахъ моихъ, пожрала въ себя всѣхъ, окружавшихъ меня чудовищъ. Когда сіе ужасное привидѣніе кончалось; другое не меньше страшное начиналось. Смутный звукъ спенанія и воя исходилъ изъ пропасти, и вскорѣ за тѣмъ выскочило множество духовъ, и блѣдныхъ тѣней усопшихъ. Сколько позволялъ прелесть полумершвымъ моимъ чувствамъ разобратъ предстоящее: по зрѣлъ я каждаго духа и мершвеца спрашнѣйшаго предъ другимъ. Иные имѣли въ себѣ собраніе лютыхъ звѣрей, другіе разныхъ гадовъ. У однихъ пылалъ изъ ртовъ огонь

огонь; а у иныхъ исходилъ зло-
 вонный парь. Словомъ, въ нихъ
 наполнено было мерзости, ужасна-
 го и могущаго видѣ всякаго чело-
 вѣка паразитъ смершью. Они
 начали меня щипать, перывать и
 толкать жестокимъ образомъ.
 Продолжая съ четверть часа сидѣ-
 нато мною забаву, провалились они
 обратно въ ту же пропасть, и въ
 слѣдъ за ними излилась кровавая
 рѣка, которая сокрыла меня въ
 себя по самую шею. Оная вол-
 нуясь съ спрашнымъ шумомъ,
 казалось, что погрузилъ меня го-
 товился каждый валъ. Рѣка сія
 мало по малу вобралась опять въ
 пропасть. Въ скорости за шѣмъ
 появился предо мною духъ, пре-
 ужасный видомъ и величиною. Го-
 лова его касалась небесъ, а шѣло
 свѣтилось различными огнями.
 Онъ схватилъ меня рукою, поде-
 бяющею въ полщину хребту Рифей-
 скихъ горъ; и началъ бросать мно-
 къ верьху въ простиранство воздуха,
 по

то въ низѣ подхватывая изъ руки
 въ руку. Еспьли бы не было сіе
 привидѣніе, то и желѣзному бы
 человѣку не можно было остано-
 вить жива отъ столь быстрого ле-
 танія. Наконецъ духъ опустилъ
 меня на землю, и подобнымъ гро-
 му голосомъ, сказалъ: „Такъ на-
 казываются преступники, подви-
 гнувшіе на себя гнѣвъ высоко-
 мочной Звѣздодраги. Кайся, не-
 достойный Мирославъ, въ прегрѣ-
 шеніи своемъ. Иди пасть къ
 ногамъ ея, и облобызай прахъ
 ногъ дражайшаго ея Рукмана;
 или дни твои умножатся вели-
 чайшими помлениями, нежеди
 какое пренесѣ ты нынѣ“. По-
 томъ духъ исчезъ, и свѣтъ про-
 должавшійся съ начала мечтны сѣя,
 уступилъ ночному мраку. Вся при-
 рода приняла первое бытіе свое,
 и оставила меня полумертваго ле-
 жать, среди моея пещеры. Сія
 была послѣдняя ночь пребыванія
 моего въ пустыни.

Часть IV.

В

Солнце

Солнце проспершее лучи свои во внушрь жилища моего, или лучше сказать, мѣсто ужаса и мученія, начало живошворяшь упомленныя и препешущія мои чувствы. Я вспалъ на ноги и первое мое дѣло было, призывая боговъ на помощь, удалить хладное мое шѣло, съ бѣющимъ сердцемъ отъ сего проклятаго вершепа. Слабыя стопы мои едва могли совершать пушь, направленный въ спрану, куды вело меня свирѣное злодаспие. Шествуя нѣскольکو дней съ ряду, прежде нежели могъ я опомнишья отъ боязни, и вздумашъ о пищу или опдыхновеніи, лишился я силъ, и упалъ безъпамяши на проспранномъ полѣ, окруженномъ великимъ лѣсомъ.

По пришествіи въ себя, увидѣлъ я сѣдящую на груди моей бѣлую птицу, которая изъ носу своего впускала въ запекшіяся уста мои сладкій и благовонный сокъ. Хотя случай сей былъ и сверхъ-есте-

естественный; но я не испужался, и ощущалъ въ себѣ радость, бодрость и новыя силы. Птица поднялась къверху, и я вскочилъ, взирая на нее съ удовольствіемъ. Она, повершись надъ головою моею, полетѣла полегоньку въ передъ, какъ бы показывая, чтообъ я слѣдовалъ за нею. Я направилъ путь мой въ слѣдъ ея, и шелъ нѣскольکو, по коль она по прибытіи моемъ въ прекрасную рошу спала невидима, и я во удивленіи остановился. Осматривая презрѣдное положеніе, увидѣлъ я въ одной части роши спящій храмъ, куды и пошелъ съ поспѣшеніемъ.

Храмъ оный споялъ у подошвы горы проходящей облаки, и касающейся почти звѣздъ. Ледъ покрывалъ вершину ея, и шая предъ жаромъ, пускалъ внизъ журчащія ручьи. Низъ ея украшался густымъ кедровымъ лѣсомъ, являющимъ себя землѣ разнолѣпна, и проспиряющимъ въпви до облакъ, что за

видало храмъ оубъ полуденнаго
 аюя. Тихій западный вѣтерокъ
 провѣзалъ по окресносшямъ мѣста,
 и равный лугъ, простирающійся
 близъ храма. Оный покрытъ былъ
 мягкою травою, и въ рѣдкости
 плодовитыми деревьями, растушими
 по брегамъ текущихъ источниковъ,
 кои, подобясь ниспотою зеркалу,
 изображали въ себѣ вѣрви наклони-
 вшіяся подъ бременемъ зрѣлыхъ
 плодовъ. Весна и осень господство-
 вали шустъ купцо, раждая цвѣтны
 и своци тысячныхъ видовъ. Же-
 стокія бури, ни жары не имѣли
 шамъ воли, и благораспоренный
 воздухъ безпрепятственно пода-
 валъ имъ изобильное питаніе.

Я приближился къ храму, по-
 спроченному изъ бѣлаго мрамора.
 Разсѣданы въ стѣнахъ, и расту-
 шая по нихъ трава, изображали его
 древность. Ползгнвшіе заморы
 аѣжали спадшіе съ крючьевъ при
 входѣ во храмъ, и на сводѣ воротъ
 увидѣлъ и надпись: „Се мѣсто по-
 код

сердцѣ моемѣ великое спокойствіе
 и радость, мнѣ до полѣ неизвѣст-
 ную. Я побѣжалѣ назрѣвъ нѣсколь-
 ко плодовѣ, и нашедѣ въ храмѣ
 нужное къ доспанію огня орудіе,
 воспалилѣ на олшарѣ, и принесѣ
 плоды на жертву. Дымѣ возшелѣ
 къ верху, и предвѣщалѣ, что
 служеніе мое пріятно великому Пе-
 руну. Веселіе мое о семѣ было не
 описанно, и упоенный удовольстві-
 емѣ, размышлялѣ я: Наконецѣ до-
 стигѣ я мѣста, имѣющаго скрышь ме-
 ня отѣ непріятелей, и въ покоѣ про-
 веду остатокѣ несчастныхѣ дней
 моихѣ. Познаю божіе защищеніе
 на мнѣ. Священная бѣлая пища
 ясно открыла мнѣ сіе убѣжище, и
 она есть не иная, какѣ духѣ хра-
 нитель божественнаго сего зданія.
 Въ таковыхѣ размышленіяхѣ опре-
 дѣлилѣ я осмашься шупѣ на всегда.
 Я жилѣ нѣсколько мѣсяцовѣ въ по-
 коѣ, принося ежедневную жертву
 предѣ испуканомѣ.

Де-

Доходя въ размышленіяхъ причины построенія сего капища въ шоль дикомъ мѣстѣ, воображалъ я, что конечно живалъ шуть какой нибудь великій народъ. Къ испытанію сего разсматривалъ я находившіяся шуть на Рускомъ языкѣ разныя надписи; но оныя ошъ времени почти со всѣмъ загладились, и по догадкамъ изъ оставшихъ буквъ, не могъ я разумѣть болѣе, что сославляли они пѣсни въ похвалу боговъ. Въ одинъ разъ очищая жершвенникъ отъ пепла, невзначай увидѣлъ я утвержденное въ немъ съ низу къ восточной споронѣ кольцо. Я попянулъ за оное, и выпасилъ потаенный ящикъ, въ кошоромъ нашелъ золотый сосудъ и серебряную дощечку съ надписью. Дощечка оная служила къ объясненію моего любопытства о построеніи храма, въ слѣдующихъ вырѣзанныхъ на ней словахъ: „Вели-

„ кіе Рускіе Князи Асанъ и Авесханъ, по возвращеніи изъ похода

В 4

„ про-

„ противу Грековъ, изъ полученныхъ
 „ добычей, воздвигнули сей храмъ,
 „ посвященный великому Перуну, за-
 „ щитнику ихъ оружія и города.
 „ Градимира, въ спѣнахъ коего онъ
 „ созданъ „. По сему могъ я разу-
 мѣть, что путь былъ прежде
 великій поманутаго имени городъ,
 созданный въ знакъ наставшаго
 послѣ войны мира. Но время или
 война такъ оный испребили, что
 не осталось ни малѣйшаго знака
 бышя его. Послѣ обратилъ я
 вниманіе на разсмотрѣніе злапаго
 онаго сосуда. На одной споронѣ
 онаго было подписано: „ Ціюшій
 „ изъ сего сосуда, одолѣетъ своего
 „ противника „. Изрядно! размыш-
 лялъ я; небеса подаютъ мнѣ помощь
 опмститъ сеспрѣ, моей. Однако,
 куды пойду я, и какую найду
 дорогу изъ мѣста, мнѣ неизвѣстна-
 го? Могу ли я положиться на не-
 пріязненное мнѣ щастіе, и жер-
 твуя желаніемъ мщенію, спре-
 мившя на неизвѣстное, оставя
 на-

надежный покровъ? Пусть удастся мнѣ опмститься; но чпожъ за польза будешъ, когда я въ семь дряхломъ видѣ появлюсь въ многонародномъ Кіевѣ? Повѣряшъ ли мнѣ Князи, что я ихъ Воевода? Цовѣряшъ ли родственники и домашніе мои, что я ихъ Мирославъ? Нѣшъ! лучше оспашься на всегда въ семь священномъ мѣстѣ, и позабывая прошедшее, испребляшъ изъ памяти превратный свѣшъ, и служишъ всемъ сердцемъ Богу. Въ такovýchъ размышленіяхъ заключилъ я твердо не выходишъ опмстуду. Перепорачивая сосудъ въ рукахъ моихъ, увидѣлъ на днѣ онаго еще надпись: „Искусство Кабалиста
 „Свѣшорада избрѣао сооруженіе
 „несравненнаго сего сосуда. Онъ пре-
 „бывая въ семь храмѣ, по разоре-
 „ніи землеспрашеніемъ Градимира,
 „посвятилъ его великому Перуну,
 „при кего испуканъ почивашъ его
 „прахъ. Кю бы поднмсалъ сіе, ду-
 мадъ я; конечно здѣль и послѣ не-

го жили люди, сдѣлавшіе сію надпись. Они не смѣли взять его, какъ же осмѣлюсь учинить оное и я? Однако надлежитъ обмытъ сѣ него плеснь и пыль, а попомѣ положить на прежнее мѣсто; съчѣмъ и вышелъ я къ текущему не въ дальности отъ храма испочнику. Пришедъ туда, вымылъ я оный, и какъ ощущалъ тогда великую жажду, почерпнувъ полнѣ сосудъ воды, выпилъ. Великій ознобъ ударилъ тогда во всѣ мои члены, и я шрялся, чувствуя великое рвеніе въ жилахъ. Я заключилъ, что сіе произошло отъ простуды, причиненной мнѣ холодною водою, которой выпилъ много. Но коль великая объяла меня радость, когда я по утишеніи во мнѣ припадка, нашелъ себя лишенна очарованія, и получивша перьвый видъ! Тотчасъ бросился я къ храму, чшобъ пріестъ предъ испуканомъ должное благодареніе за оказанное со мною милосердіе; но увидѣвъ бдушихъ,

шихъ къ себѣ встрѣчу множество
 всадниковъ. Я останоуился , бывъ
 не меньше удивленъ, какъ и опоро-
 пленъ въ то время, какъ меня сіи
 люди, не давъ мнѣ помыслишь о
 уходѣ, окружили. Они взирали на
 меня съ изумленіемъ, какъ видно
 удивляясь, нашедши челоуѣка въ
 такомъ мѣспѣ, гдѣ не чаяли видѣшь
 онаго и слѣда. Вотъ изрядная до-
 бычь, сказаъ изъ нихъ шотъ, ко-
 торый по виду и одеждѣ казался
 бышь начальникомъ. Я споль при-
 гожаго лица и складнаго стану въ
 жизни моей не видываъ. Кто ты
 шакое? сказаъ онъ мнѣ. Не-
 щасный, ошѣчалъ я, кошораго
 суровая участь принудила ошавишь
 свѣтскую жизнь, и посвятишь ош-
 шатокъ оныя уединенію въ сей
 пустынь. Сіе не мѣшаетъ, гово-
 рилъ онъ; ты долженъ оную ошавишь,
 и бышь моимъ плѣнникомъ.
 Но надѣйся, что я всячески постя-
 раюсь облегчишь твою неволю, и
 досцавишь жизнь, кошора я испре-
 битъ,

быть изъ мыслей твоихъ уедине-
 ніе, и прошедшія несчастія, кото-
 рыя, какъ ты сказываешь, принуди-
 ли тебѣ оставишь свѣтъ. Потомъ
 я вѣсть былъ по повелѣнію его на-
 заводную лошадь. Мы ѣхали нѣ-
 сколько часовъ сквозь дремучій лѣсъ,
 и на послѣдохъ прибыли къ велико-
 му двору, построенному въ густо-
 шій древесной:

Такое мѣстоположеніе не пред-
 вѣдало мнѣ, какъ только, что я
 въ рукахъ разбойниковъ, въ чѣмъ
 и не ошибся: ибо они въ самомъ
 дѣлѣ были пѣ, какъ я догады-
 вался. Когда сошли мы съ коней:
 начальникъ подшедши взялъ меня
 за руку, и повелъ въ свои покои. Я
 не удивлялся видимому во оныхъ
 украшенію и богатству, а чувст-
 вовалъ нѣкоторое омерзѣніе, почи-
 тая оное собраныиъ чрезъ наси-
 ліе и убійство. Намъ поставили
 великолѣпный ужинъ, за которымъ
 долженъ былъ я сидѣть близъ са-
 маго апамака. Прочіе разбойники
 ъли

блан на томъ же столѣ, но нѣ-
 сколько отъ насъ по одалъ. По
 окончаніи ужина, всѣ разбойники ра-
 вошлись по своимъ мѣстамъ и оста-
 вили насъ однихъ. Тогда апаманъ
 воспавилъ меня разсказать всѣ мои
 приключенія. Я повиновался ему
 пѣмъ охотнѣе, что ласковое его
 прощиву меня обращеніе по заслу-
 живало. Я объявилъ ему все, ниче-
 го не утаивая. По выслушаніи ме-
 ня, оказалъ онъ великое сожалѣніе,
 и въ то время, какъ я дивился
 рѣдкому сему свойству въ человекѣ,
 посвятившемъ себя богопрощивной
 жизни, сказалъ онъ: Злополучный
 Мирославъ! хотя несчастія твои
 сколько рѣдки, какъ и велики;
 но не думайте, чтобъ въ свѣтѣ не
 было людей, кои бы меньше имѣ-
 ли бѣдственныхъ случаевъ, какъ и
 вы. Родъ жизни моей, какъ я ви-
 жу, влагаетъ въ васъ омерзѣніе;
 слѣдственно подаешь поводъ думать,
 что я, имѣя злобную душу и зѣвр-
 скій нравъ, принялся за сей про-
 мыслъ

мысль. Нѣтъ, претерпѣнныя мною въ сѣбѣ огорченія принудили меня принять ненавистное сіе ремесло. Есѣли не поскучите вы слушать мои приключенія: то уповаю, послѣ того не споль презрѣнія доспойнымъ казаться въ глазахъ вашихъ. Я просилъ его объявить мнѣ оныя, по чему онъ и началъ: —

Приключенія Псковскаго Дворянина Разбивоя.

Я родился въ уѣздѣ города Пскова. Отецъ мой былъ Дворянинъ, служившій Князямъ Псковскимъ полковымъ Воеводою. Опважность его и щастіе доставили ему чрезъ оружіе славу и великое богатство, съ которымъ онъ оставилъ военную службу, поселился въ помѣ мѣстѣ, гдѣ обипали его предки, женился на своей сосѣдкѣ, и проваждалъ спокойную жизнь. Я былъ

былъ плодъ сего супружества. Ссора
 происшедшая за земли, доставила
 отцу моему злодѣевъ, кои
 спарались тайно погубить его.
 Отецъ мой въ разсужденіи своей
 знатности и достатка, презиралъ
 сихъ непріятелей, и не имѣлъ
 отъ нихъ ни малаго опасенія; но
 сіе стоило ему жизни. Въ одинъ
 день, когда онъ не воображая о
 висящей надъ главою его опасно-
 сти, выѣхалъ за звѣриною ловлею,
 и забавляясь сею охотою, отдѣ-
 лился отъ людей: злодѣи его на-
 пали на него, и умертвили преж-
 де, нежели кто могъ подать ему
 помощь, или узнать убійцъ. Тѣ-
 ло его привезено, и съ горчайшею
 нашею печалію предано землѣ.
 Мнѣ былъ тогда четырнадцатый
 годъ. Въ таковыхъ лѣтахъ я могъ
 уже мстить смерть моего роди-
 теля; но поиски мои остались без-
 плодными. Имя злодѣевъ нашихъ
 было сокрыто, какъ и оставшаяся
 въ нихъ къ дому нашему нена-
 висць

вѣсть. Годъ прошелъ, въ который
 оплакивалъ я съ родительницею
 моею кончину отца моего, и по-
 слѣ заключилъ, чшобъ не оставитъ
 въ упадкѣ родъ нашъ, ишши въ
 службу моего Государя. Я прѣ-
 вхалъ ко Двору, и принявъ по
 заслугамъ отца моего съ возмоз-
 ною милостию. Получа чинъ Кня-
 жескаго оруженосца, исправляя и
 съ раченіемъ должность мою. Въ
 веселостяхъ придворныя жизни
 началъ я забывать прошедшее
 огорченіе; какъ новое злоключеніе
 ошверзло почти иалѣченныя раны
 въ сердцѣ моемъ. Я получилъ из-
 вѣстіе, что родительница моя,
 бывши въ домѣ своемъ, убита на-
 надшими на оный злодѣями, и
 что все наше имѣніе разграблено.
 Подозрѣвали въ томъ самыхъ шѣхъ
 нашихъ сосѣдей, съ коими была
 ссора за землю; ибо одинъ изъ
 нихъ въ лицо ошзнанъ, да и
 скрылся скорѣ, по прошествіи о
 томъ въ окрестностяхъ службу.
 Сщель

Спось жестокая вѣспь поразила
меня жалостію и гнѣвомъ. Я по-
шелъ къ моему Государю, и по-
вергшись къ стопамъ его, просилъ
опмспитъ кровь моихъ родителей.
Справедливый сей Монархъ, на-
полнясь гнѣвомъ противу великихъ
злодѣйствъ, производящихъ въ его
владѣніи, повелѣлъ сдѣлать стро-
гое испытаніе о убійцахъ, чѣмъ
они были сысканы, чѣмъ всѣ по-
дозрительные были забраны подъ
караулъ и привезены въ Псковъ;
а дома ихъ опечатавъ. Но всѣ
поиски доставили не больше,
какъ свѣдѣніе о убійцахъ, чрезъ
пойманнаго одного сообщника въ
дѣлѣ, человека подлаго; но глав-
ные злодѣи скрылись, и опмщеніе
учинено только чрезъ разореніе
жилищъ и казнь пойманнаго. Но
я почиалъ шѣнь родителей недо-
спашочно удовольствованну. На ка-
ковый конецъ просилъ я Князя,
чѣмъ дано мнѣ было нѣсколько
воинствъ на провѣданіе и испреб-
Часть IV. Г *леніе*

леніе всѣхъ злодѣевъ , о коихъ бы случай доставилъ мнѣ узнать. Князь далъ мнѣ открытый указъ и 200 воиновъ , съ коими я разбѣгая , перевелъ множество разбойниковъ и похаенныхъ злодѣевъ , предавъ оныхъ безъ разбору жестокой казни. Наконецъ и двое убійцъ отца моего попались мнѣ въ руки , и были жертвою моего мщенія. Скуча таковымъ кровопишемъ , возвратился я ко Двору ; гдѣ пребывалъ нѣсколько времени въ покоѣ , и не зналъ , что главный Вождь нашъ сдѣлался мнѣ непріятелемъ , чрезъ то , что одинъ изъ убійцъ отца моего , мною казненный , былъ ему ближній родственникъ. Сколь ни справедливо заслужилъ онъ наказаніе ; однако я не избѣгъ того , чтобъ сей Вождь не изыскивалъ случая погубить меня.

Въ одно утро вспалъ я очень рано , когда зоря небесныя враща отверзла солнцу , и возвѣстила
 день

день прекрасный. Воспоко́ горѣлъ
 разнообразнымъ пламенемъ прелом-
 ляющихся лучей дневнаго свѣшила.
 Тьма удалялась и скрывала съ
 собою звѣзды, убѣгающія прише-
 ствія бога Свѣшоваида. Я пожелалъ
 воспользоваться пріятностію пог-
 дашнія погоды, и вышелъ въ при-
 дворный садъ. Проходя густую
 покрышную дорогу, увидѣлъ я одну
 изъ любимѣйшихъ наложницъ Кня-
 жескихъ, сѣдящую на дерновой
 софѣ. Красота ея стоила того,
 что занимала она первое мѣсто
 въ сердцѣ моего Государя, и мож-
 но сказать, что я прелестнѣе шво-
 ренія въ жизнь мою не видывалъ.
 Короче изъяснить, въ ней собрано
 было все, что удобно съ перваго
 взора вспламенишь кровь каждаго
 человѣка. Я остановился, и пожи-
 ралъ съ жадностію ея заразы, не
 помышляя о опасности бышь на-
 единѣ съ тою, на которую и гля-
 дѣшь вмѣнялось за великое пре-
 сшупленіе. Но я забылъ себя, и

Г а

гово-

говори́лъ все, что влагали смущенныя и спрашныя движенія въ мысль мою. Но, о небо! какое злополучіе! непріятель мой, главный Вождь, случась въ томъ же саду, увидѣлъ меня съ Княжескою наложницею. Онъ бросился къ Князю тамъ же прогуливавшемуся, и привелъ его. Князь наполнился ревности и гнѣва, велѣлъ меня взять подъ спражу, и я не прежде опомнился, какъ былъ ужè въ рукахъ воиновъ, прервавшихъ мой восторгъ, и заключившихъ меня въ темницу. Во оной предался я отчаянію и горести, укорялъ свою неоспорожность, и въ крайней щоскъ ожидалъ послѣдняго часа моей жизни. Скоро попомъ спрашный спукъ отворяющихся желѣзныхъ затворовъ возвѣстилъ мнѣ наступающій конецъ мой. Я увидѣлъ вшедшаго главнаго Вождя, и съ нимъ двоихъ врачей и нѣсколькихъ воиновъ. Ну! сказалъ онъ къ врачамъ, исполняйте свою должность,

и

и накажите преступника, презрѣвшаго милость Государскую, поспыдною спрасцію любви непозволенныхъ. Лишите его мужества, и сдѣлавъ изъ него полчеловѣка, припомните ему, что сіе есть малое, чѣмъ наказуются убійцы родственниковъ моихъ. Слова сіи наполнили меня ярости, и вмѣстѣ смущенія и страха, отчаянія и гнѣва. — Такъ я опъ себя спрадаю! вскричалъ я къ главному Вождю. Ты не стыдишься ошкрыть мнѣ свою порочную душу. Спазвъ орудіемъ моего нещасія, дѣлаешь мнѣ еще и угрозы. О! варваръ! я испоргну изъ себя мерзкій духъ, и тогда погибну самъ. Съ словомъ симъ хотѣлъ я бросишься и удавишь его; но воины схватили меня и распянули по землѣ; причемъ врачи, сіи губители рода человѣческаго, свершили жестокое дѣйствіе, лиша меня на вѣкъ надежды умножишь родъ мой. Кровь текла ручьемъ изъ моей раны, и

выпягала за собою мои силы. Бѣлѣзнь и присущствіе виновника оныхъ, равно меня мучащія, наполнили меня свирѣяствомъ. Я собралъ остатокъ силъ, вскочилъ, и бросился, какъ безумный, на главнаго Вождя. Спсража не успѣла податься ему помощи. Онъ лишился глѣза, исторгнушаго моею рукою, и возревѣлъ, какъ звѣрь, пылая люпосцію. Я безъ сумнѣнія былъ бы жертвою его безчеловѣчія, есѣли бы не опасался онъ Князя, который и въ гнѣвѣ своемъ еще любилъ меня, и щадилъ заслуги отца моего. Главный Вождь велѣлъ оковать меня, а самъ побѣждалъ стараться о опмщеніи нанесеннаго ему безчестія и скорби.

Между тѣмъ Князь раскаялся, что поступилъ со мною жестоко, и наполненъ былъ жалосцію, узнавъ о совершеніи казни. Главный Вождь прибѣжалъ въ самое то время съ прозьбою, чтобъ я былъ наказанъ; но она не дѣйствовала.

Князь

Князь счелъ, что я учинилъ то въ безпамятствѣ, не возмогши сносить мученія. Онъ сказалъ ему: Ты самъ виноватъ, и жалуйся на свою неосторожность. А о мнѣ приказалъ имѣть стараніе, чтобъ я излѣченъ былъ, изъ пюрмы выведенъ, и жилъ въ моемъ домѣ съ достоинствомъ перваго моего званія. Сіе возвратило мнѣ чувство, и дало новыя силы къ снесенію скорби; а главнаго [Вождя сдѣлало мнѣ жесточайшимъ злодѣемъ.

Время и прилѣжаніе пекущихся о мнѣ излѣчило мои раны. Я предсталъ предъ Князя, палъ къ ногамъ его, и приносилъ со слезами повинную въ моемъ пресупленіи. Я изъяснилъ ему, что я не больше виноватъ, какъ только невзначай нашедши на невоображаемую красоту, и удивлялся ей тогда, какъ взятъ былъ подъ караулъ. Я говорилъ съ такимъ выраженіемъ, что Князь, оказавъ великое сожалѣніе, простилъ меня, и возвратилъ первую свою милость.

Хотя случай мой былъ съ пер-
 ва мнѣ и несносенъ ; однако забылъ
 я мною претерпѣнное , и со вре-
 менемъ привыкъ жить въ состоя-
 ннн, какое назначила мнѣ судьба,
 и кое переменить было не можно.
 Я возненавидѣлъ женскій полъ , по-
 чипая ихъ прелести за великую
 пагубу человѣческому , роду въ ша-
 кнѣ вѣки , когда насиліе людей мо-
 гущихъ преобратило сіе блажен-
 ное чувствованіе въ порокъ. Любовь
 благороднѣйшая изъ спрасшей , и
 прнѣннѣйшее дарованіе небесъ
 смершнымъ , лишилась своей непо-
 рочности , и сладость ея учинилась
 ошравою пагубною для людей. Въ
 шаковыхъ воображеніяхъ видѣлъ я
 себя щасплымъ , что набавленъ
 на всегда поползновенія , предашься
 во власшь любви непозволенныя ,
 или опасныя , или ослѣпляющія
 разсудокъ , или еще каковой ннбудь ,
 какою угодно было назвать оную
 своенравнымъ челопкамъ.

Годъ

Годъ прошелъ , въ который я
 велъ спокойныя часы , и въ кото-
 рый умножалась прошиву меня зло-
 ба главнаго Вождя. Разныя выду-
 мыванныя имъ на меня оклевета-
 нія оспались для меня безвре-
 дны. Сіе усугубило его ненависть.
 Онъ вознамѣрился сбыть меня съ
 рукъ своихъ чрезъ убійство. Случи-
 лся я въ рошѣ за городомъ ; у-
 бійцы отъ него подкупленные на
 меня напали. Я оборонялся съ воз-
 можною храбросцію , и нѣсколько
 злодѣевъ заплашили мнѣ жизнью
 безоожное свое корысполюбіе. Ос-
 тальные разбѣжались , видя бѣгу-
 щихъ мнѣ на помощь, услышавшихъ
 крикъ мой воиновъ. Я взявъ ими,
 и обливающейся кровію текущею
 изъ ранъ моихъ , понесенъ въ го-
 родъ. Между шѣмъ одинъ былъ
 ими схваченъ , и по приводѣ показъ
 валъ , что они чрезъ убійство ме-
 ня , должны были сдѣлать испол-
 неніе повелѣнія главнаго Вождя.
 Злодѣй сей казненъ , а Князю до-

несли со' всѣмъ иное, какъ было въ самомъ дѣлѣ. Однако напоследокъ узналъ я о томъ чрезъ моихъ пріятелей, что вложило непримиримую вражду и опчаянное намѣреніе въ мою душу.

Я жаловался наединѣ Князю о несправедливомъ поступкѣ главнаго Вождя. Но Князь не могъ повѣрить тому, на что было трудное доказательство, и сказалъ: Чтoby я имѣлъ оспорожность, вѣдая себѣ злодѣя, и что заслуги главнаго Вождя возбраняютъ сдѣлать противу просьбы моей явное изысканіе.

Вскорѣ послѣ того случилось мнѣ сейшишься въ придворномъ саду. Едва онъ меня увидѣлъ: началъ ругать всякими язвительными словами. Я не хотѣлъ уступить ему, и оповѣчалъ тѣмъ же, пока мы оба, разгорячась, выхватили наши мечи, и вступили въ бой. Мнѣ удалось дать ему двѣ раны, и конечно бы въ запальчивости

ещи не оставилъ я его жива, естъ-
ли бы на крикъ его не прибѣжали
придворные. Я взялъ подъ ка-
рауль, и по повелѣнію Княжескому
велѣно произвествъ надо мною
судъ. Сообщники и ласкапели мо-
его непріятеля внушили Князю
вину мою больше наказанія доспой-
ною, нежели она была въ самомъ
дѣлѣ. Я лишенъ чина, и запре-
щено мнѣ жить во Псковѣ. Сіе
свершило мое опчаяніе. Я озлобил-
ся прошиву врага моего, и выѣзжая
изъ Пскова заклалъ себя не прежде
быть спокойну, какъ расперзавъ
моего непріятеля собственными
руками.

На таковой конецъ собралъ я
человѣкъ до пятидесяти, кои за ден-
ги умерщвлять людей считали за
ничто. Довольное награжденіе
склонило ихъ обиду мою постав-
лять собственною своею. Я ждалъ
случая къ нападенію на главнаго
Вождя, который вскорѣ и открыл-
ся, когда онъ поѣхалъ въ под-
горо.

городную свою деревню въ мало-людствѣ. Я напалъ на него съ опчаяніемъ. Всѣ бывшіе при немъ побиты, а самъ онъ рукою моею изрубленъ въ куски. Удовольствовавъ мщеніе, могъ я разумѣть, что таковой поступокъ влечетъ по себѣ неминуемое наказаніе. Опасность пребывать въ земляхъ моего опечеснѣва принудила искать убѣжища, скрывающаго меня отъ поисковъ мстителей за смерть главнаго вождя. Я склонилъ моихъ сообщниковъ мнѣ послѣдовать, и въ потѣ же день были мы за границами Псковскими. Боясь жить въ мѣстахъ населенныхъ, прошли мы въ сію пустыню, находящуюся близъ Чернаго моря, и принялись за сей презрительный промыслъ. Число подвластныхъ мнѣ скоро умножилось, и я разбиваю сухимъ путемъ проѣзжающихъ, и моремъ купеческія суда. Дикое сіе мѣсто довольно удобно, учинишь неизвѣстнымъ

нымъ мое жилище. Съ начала обращеніе мое казалось мнѣ весьма мерзкимъ; но время и необходимость сдѣлали во мнѣ привычку, такъ что я опредѣлилъ остаться на всегда въ таковой жизни; хотя и весьма часто мучилъ меня жестоко совѣсть.

Подумай, дорогой мой Мирославъ, какъ рокъ играетъ людьми. Испорченная человѣческая природа, ослѣпясь честолюбіемъ, ввела во употребленіе почитать различно то, что вышній промыслъ сдѣлалъ равнымъ. Главный вождь и я, имѣемъ происхожденіе отъ одного погѣ, коего потомки населили земный шаръ; но его злоба не вмѣнилась въ порокъ, а мое малое и принужденное пресупленіе наказано, и чрезъ то помрачилъ я мое природное добросердіе, подвергнувши себя безчеловѣчному убійству. Желалъ бы я, и желалъ искренне оставить ненавистное мое упражненіе; но куды я обращаюсь?

душъ? Если оставишь мнѣ мо-
 ихъ разбойниковъ, и удалишься въ
 пущыню: они не проспятъ мнѣ
 сего справедливаго поступка, и
 раскаяніе мое отмстятъ мнѣ
 смертью; а я человекъ, и имѣю
 слабость стараться о сохраненіи
 моей жизни. Буде' пойми мнѣ
 въ иныя зѣмли; чѣмъ могу я
 пропитать себя, не привыкши
 жить въ бѣдности? Наконецъ
 опасность бытъ узлану моими
 непріятельми, есть больше, не-
 жели бы осмѣлился я показаться
 въ частяхъ Россіи, или шого мень-
 ше въ моемъ отечествѣ. И пакъ
 сочи, любезный Мирославъ, пророкъ
 мой больше сожалѣнія, нежели
 презрѣнія достойнымъ. Я не удер-
 живаю васъ въ такомъ мѣстѣ,
 къ коему и самъ имѣю отвраще-
 ніе; а если вамъ надобно, то
 постараюсь доставить васъ въ
 ваше отечество. Чрезъ море есть
 крашчайшая дорога до границъ
 Кіевскихъ. Я отвезу васъ самъ
 шу?

яуды. Еслили удастся мнѣ вамъ услужить тѣмъ: то еѣ оплату прошу помнить, и сожалѣть о моей жизни, которую веду прошиву моихъ склонностей. —

Симъ кончилъ Разбойной свою повѣсть, и я благодаря его за снисхожденіе ко мнѣ и попеченіе о доставленіи меня въ мое опечесство, вздумалъ склоняяъ его оставить разбойничесство. Мнѣ казался онъ жалокъ. Я представлялъ ему достатокъ, домъ мой и знашность на услуги. Обнадеживалъ безопасностію и покровительствомъ Князей Кіевскихъ. Я выражалъ ему гнусность его ремесла въ такихъ словахъ, что онъ не могъ удержаться отъ пролипія слезъ. Наконецъ убѣдилъ я его ѣхать съ собою въ Кіевъ, и жить въ моемъ домѣ. Онъ собралъ лучшія изъ вещей своихъ, и пригошова судно, сѣлъ на оное со мною и нѣсколькими изъ своихъ подчиненныхъ. Въспрѣ дулъ намъ благополучно, до-
ре-

рога наша и мысли направлены были къ предѣламъ Кіевскимъ, и ничего больше не оспавалось намъ, кромѣ надежды имѣть впредь жизнь лучшую, нежели въ пуспьянѣ. Два дни плыли мы благополучно; но въ шрестій день буря возмутила небо и море. Вѣтры порывисшыя зашумѣли жестоко въ наши парусы. Корабль нашъ спеналъ отъ ударовъ волнъ. Иногда всходили мы на великія кипящія валы, иногда море уходило изъ подъ корабля, и погружало насъ въ водную бездну. Въ близости видѣли мы камни и утесы подводныхъ горъ, о копорыя сердитые валы, разсѣкаясь съ страшнымъ шумомъ, изображали нашу гибель. Всѣ опчаялись спасенія, и плачевный вопль восходилъ въ суднѣ нашемъ. Ужасъ отнялъ возможность управляшь онымъ, и великій валъ разбилъ его въ щепы. Я успѣлъ схватиться за мачшу, и видѣлъ всѣхъ попопныхъ въ глазахъ моихъ. Небо наказало зло-

часа съ два, различая поступки
 мнимаго Мирослава съ моими.
 Наконецъ сказалъ: Такъ, дорогой
 родственникъ, я познаю тебя, и
 обще при томъ совокупное наше
 злощастіе. Теперь я увѣренъ,
 что чародѣй принялъ твой образъ.
 Дѣла его содѣямъ не похожи на
 твои. Подчиненные ему рабы
 твои спрадаютъ подъ его пиран-
 спивомъ. Нѣтъ ни малаго про-
 ступка, который бы онъ прощалъ,
 и я удивлялся твоей необыкновен-
 ной строгости и перемѣнѣ нрава.
 Не могъ я и подумать, чтобъ
 было то справедливо, когда слы-
 шалъ я, что впалъ ты въ
 кровосмѣшеніе; а теперь понимаю
 и вѣрю, что сестра твоя дѣлаетъ
 вѣчный срамъ нашему роду. Оп-
 мсти, любезной Мирославъ, оп-
 мсти наше безчестіе; омой спыдъ
 нашъ ея кровію. Она недостойна
 именоваться твоею сестрою, рав-
 но какъ и жить на свѣтѣ! — Я
 колебался долго въ приняши сего

Д 3

на-

намбренія. Жааость и родспвенное
наклоненіе сражались въ души
моей прошиву жестокости.
Страхъ отъ чародѣйскаго ея зна-
нія ужасалъ меня. Но совѣты и
разсужденія Любимира склонили
меня для общвеннаго покоя, или
сбыть ее съ рукъ, или самому по-
гибнуть. Онъ вспламенилъ меня
гнѣвомъ, и возбудилъ свирѣпую
противъ ее ненависть. Я вспом-
нилъ о златомъ сосудѣ, найденномъ
мною въ Перуновомъ храмѣ, при-
бѣгъ къ оному, и выпивши изъ не-
го воды, вооружился саблею, и по-
шелъ съ Любимиромъ въ домъ мой.
Мы прибыли къ воротамъ. При-
дверники отворили оныя Любими-
ру, по тому что я не говорилъ,
дабы не сдѣлать замѣшательства.
По входѣ въ покои, Любимиръ ос-
пановился; а я одинъ шелъ въ
спальню къ сестрѣ моей. Едва она
меня увидѣла, какъ вскоча съ по-
стели вскричала: Ахъ! дражайшій
Рукманъ! я отчаяла себя нынѣ
ви-

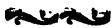
видѣшь; но за чѣмъ ты и ночью принимаешь образъ моего негоднаго брата, и лишаешь зрѣнія на свои пріятности? — Извергъ и поношеніе нашего рода! вскричалъ я, еще ты не раскаялась въ порокахъ, и ввергши въ напасть, не престанешь меня ненавидѣть? — Ахъ! злодѣй, эпошты? прервала она рѣчь мою. Ты еще живъ, и смѣешь являться на глаза мои? Сей чаъ, самый сей часъ сбуду я тебя съ свѣта! Она начала волшебствовать; но я разсвирѣпѣлъ, и выхвативъ саблю, изрубилъ ее въ куски; а шрупъ бросилъ въ скарредное мѣсто.

Я сообщилъ Любимиру о благополучномъ успѣхѣ предпріятія, созвалъ слугъ моихъ, и объявилъ имъ всѣ мои случаи, сожалѣя о причиненномъ имъ чрезъ чародѣя мученіи. Они плакали отъ радости, и послѣ печали насталъ было часъ веселія; но часъ совершеннаго моего злополучія ужè наступилъ. Я легъ отдохнуць, и за-

снулъ сладко. Но какъ вообразилъ
 я ужасъ, когда я проснувшись,
 увидѣлъ себя на семъ проклятомъ
 островѣ? Я воспренепалъ при взгля-
 дѣ на спящаго близъ меня Рукма-
 на. Схватился было за сосудъ мой;
 но его я лишился, и спалъ безна-
 деженъ спастися. О варваръ!
 вскричалъ онъ спрашнымъ голосомъ,
 ты лишилъ меня дражайшей Звѣ-
 здодрaги! Злодѣянiе швое шакъ ве-
 лико, что я не нахожу средствъ,
 чѣмъ достойно наказать оное. По-
 слѣ сего выдумалъ онъ по мученiе
 отъ коего вы по великодушiю свое-
 му меня избавили, и въ кошоромъ
 я спрадалъ цѣлый годъ. Теперь
 отъ вашего снисхожденiя уповаю я
 возвращенiя въ мое опечесство; ибо
 когда вы преодолѣли силу врага мо-
 его Рукмана, то надѣюсь, что онъ
 самъ погибъ, и вамъ легко доста-
 вить меня въ Кiевъ.

Всѣ были пронунны жалоснны-
 ми случаями Мирослава, и Гассанъ
 обѣщаль ему исполнить все по его
 же.

злодѣевъ, изъ коихъ одинъ раска-
явшійся Разбивой испоргалъ мое со-
жалѣніе. Я держался крѣпко за
мачту, и препоручилъ себя волнамъ.
Наглопавшись соленой воды, и опъ-
великаго движенія крови, лишился
я чувствъ, а по пришепвіи въ себя
увидѣлъ, что я лѣжу на берегу
морскомъ. Я вспалъ, и возносилъ
шеплыя молишвы на небо, сохра-
нившее мою жизнь. Потѣмъ сму-
щеніе и печаль овладѣли мною. Ку-
ды я обращусь? помышлялъ я,
кто покажетъ мнѣ дорогу въ мое
отечество? О немилосердый Раз-
бивой, ты опвлекъ меня отъ мо-
его пристанища! Ты лишился жи-
зни, и меня повергъ въ первыя
мои напаси. — Въ сихъ размыш-
леніяхъ ходилъ я нѣсколько по
мѣстамъ пустымъ. Горы и вер-
шепы были свидѣтели моихъ жа-
лобъ. На послѣдокъ изнуренный го-
лодомъ, вспалъ я на пѣшеходную
тропу, и направилъ ея шепвіе.
Чрезъ нѣсколько дней пипаясь

Часть IV.

Д

Бы.

быліемъ, пришелъ я въ жилище паспужовъ. Сїи приняли меня со всякою ласкою, накормили, и дали на дорогу хлѣба и сыра; указали путь къ Кіеву, отстоявшему отъ нихъ не далѣе двухъ сотъ верстъ. Я ободрился, и шелъ съ поспѣше-ніемъ, такъ что въ не большое время былъ въ стѣнахъ города, который было на вѣки видѣть ощущался.

Не смѣлъ я показаться въ моему домъ, опасаясь ненависти сестры моей, и свирѣпства злаго ея любовника; и для того дождавшись ночи, пришелъ въ домъ къ одному изъ моихъ родственниковъ. Люби-миръ (такъ онъ назывался) принялъ меня ласково, но не показывая того, чтобъ давно не видалъ меня; а удивлялся причинѣ столь позднаго моего посѣщенія, и въ разодранномъ платьѣ. Что сдѣлалось тебѣ? Мирславъ! сказалъ онъ съ изумленіемъ. За чѣмъ ты переодѣлся, и отъ чего шаль въ лицѣ поху-
дѣлъ

дѣлѣ въ два дни, въ кои я себя не видалъ? — Сіе изъяснило мнѣ, что злобный чародѣй находился еще въ моемъ домѣ, и подѣ моимъ именемъ. Я просилъ его ипши въ уединенное мѣсто, гдѣ бы можно было объявить о моихъ несчастіяхъ. — Вы несчастливы! ахъ! что съ вами случилось? говорилъ онъ, ведя меня въ свою спальню. Запершись во оной, началъ я: Дражайшій Любимиръ! вы видите предъ собою злополучнѣйшаго изъ смертныхъ. Рокъ судилъ мнѣ спрдасть въ такомъ родѣ несчастія, которое едва вѣроятное. Мирославъ, коего вы, сказываете, видѣли за два дни, есть презлобный чародѣй, принявшій мой образъ, и свергшій меня на дно всѣхъ бѣдъ. Я лишенъ отъ него моего дому, благополучія и покоя. Онъ веселился мнѣ надлѣжащимъ; а что еще больше. . . . Языкъ мой млветъ! . . . Наноситъ невозвратимое безчестіе роду нашему

Д а

чрезъ

чрезъ скверную любовь съ недо-
стойною Звѣздодрою; а я два
года спранспивовалъ подъ бремя-
немъ горести и нищеты.

Любимиръ былъ столь изум-
ленъ, что глядѣлъ мнѣ въ глаза,
не могши промолвить ни слова;
по чему и разсказалъ я ему все со
мною случившееся. Удивленіе его
увеличилось; онъ говорилъ: Въ ли-
цѣ своемъ ошибиться мнѣ не
можно. Ты Мирославъ; но слыши-
мое мною столь чрезъестественно,
что не лъзя сному повѣрить, и я
не знаю, какъ разобратъ истинну
ошъ жи. Потомъ надѣлалъ онъ
мнѣ множество вопросовъ, выве-
дая, не лгу ли я, или не помѣшал-
ся ли въ умѣ. Отвѣты мои выво-
дили его изъ сумнѣнія; но не
могли совсѣмъ испребить подозрѣ-
ніе. Однако позволилъ онъ мнѣ
остаться въ своемъ домѣ, до изы-
сканія правды.

Любимиръ углубился въ раз-
мышленіи, и пробылъ во ономъ
часа

перпѣннїи великихъ прудовъ, овладѣль сокровищемъ, кое почипаль выше своей жизни. Врачное веселіе продолжалось цѣлый мѣсяцъ, и потомъ гости, коихъ было великое множество, по большей часпи изъ волшебниковъ и Кабалистовъ, развѣхались. Падманабъ оспался жить у сестры своей. Мирославъ получилъ отъ Гасана лукъ и стрѣлы Вирстоновы, и былъ опнесенъ въ Кіевъ чрезъ духовъ. Онъ помощію сего лука прославился побѣдами, надъ Росскими врагами, сдѣланъ главнымъ вождемъ войскъ Кіевскихъ Князей, женился на ихъ родственницѣ, и прожилъ вѣкъ свой въ удовольствіи и покоѣ.

Князь Свѣтомиръ и Всемила, обще съ Гасаномъ и его супругою, кои ихъ провождали, въ девять часовъ на павлинахъ прїѣхали въ Варягію. Подданные узнавъ возвращеніе своихъ Государей, изъявляли чрезмѣрную радость. Народъ чрезъ три дни спекался толпами

во

во дворецѣ, и оглушалъ слухъ веселыми восклицаніями. Гассанъ прожилъ въ Варягинъ цѣлыя три мѣсяца. Торжества и забавы продолжались безперерывно все это время; а за тѣмъ Гассанъ обнадѣжилъ ихъ своею дружбою, и въ томъ, что во всякихъ несчастныхъ приключеніяхъ будетъ ему первымъ помощникомъ. Они распались. Гассанъ и Гироулъ возвратились въ домъ свой къ Муломбабѣ. Они переселились наконецъ въ Асшарханъ, и какъ пресѣклось тамъ колѣно Царскаго рода: Гассанъ за добродѣтель и разумъ избранъ на престолъ Аспраханскій, коимъ управляя премудро, и составя тѣмъ блаженство общее для подданныхъ, изжилъ въкъ свой въ благополучіи и покоѣ. Нѣжная любовь его и Гироулы, награждена была великимъ попомощвомъ. Онъ написалъ книги о должностяхъ разума; но ихъ не читали. Онъ предсказывалъ, что царство его доспанется непобѣди-

димымъ Монархамъ; сіе сбылось.
Онъ зналъ себя, и служилъ въ
примѣръ, что добродѣтели полу-
чаютъ воздаяніе.

Сочинишель къ перу своему.

Наперсникъ всѣхъ трудовъ, прогна-
тель моей скуки,
Перо дражайшее, товарищъ моихъ думъ!
За чѣмъ, скажи, за чѣмъ, ты впало въ
мои руки?
Не уже ли съ тобой по чинѣ спалъ мой
умъ?
Сего ты мнѣ не дашь, въ томъ увѣренъ
я весьма,
Понеже умъ въ комъ есть, такъ онъ
не отъ письма.
За чѣмъ мы издаемъ труды свои на
свѣтъ?
Намѣреніе въ томъ какое будетъ наше? —
Тебѣ кажется, что и въ книжки сад краше.
Но книга вѣдь должна все то въ себѣ на-
мѣсть,
Что честь несетъ творцу, что въкъ нашъ
украшаетъ.
Безъ этого вѣдь онъ конечно погрѣшаетъ
И

И долженъ наконецъ съ слѣда будетъ
горѣть.

А мы, скажи, за чѣмъ пиешъ сію взяли-
ся?

За чѣмъ мы на Парнасѣ не въ очередь влѣ-
лися?

На что пошью я, а твой шунителъ носъ,
И бредней дѣлый мы воздвигнули Фароеъ?
За чѣмъ казимъ себя чрезъ трудныя у-
роки?

Спасибалъ отъ чтецовъ за выдумку мы
ждемъ?

Нравыль просвѣжишь исправитъ ли пороки,
Вавѣрно кладемъ мы въ намѣренъ ево
емъ? —

Перо мнѣ говоритъ:

Ни чуть, и не видашь спасибо намъ за
это.

Пиши хоть года два, пиши еще хоть
лѣто,

Никто хвали на грошъ за то не подаритъ.
Врашь воля всѣмъ дана, и въ томъ ща-
стлива доля,
Что пошайны съ трудовъ подобныхъ не
берутъ.

За тѣмъ лишь вѣрю я, что есть на свѣ-
тѣ воля,

И что отъ воли сей писцы со глуда мрутъ.

Но

желанію, только не прежде, какъ по совершеніи его свадьбы съ Гиролою, и просилъ его бысть свидѣтелемъ сей его радости. Мирславъ охотно согласился на оное. Всѣ исполнены удовольствія, желали оспавить оспровѣ. Но чтобъ сдѣлать вѣчно неизвѣстнымъ мѣсто започенія Рукманова, опредѣлили покрыть его водами. На сей конецъ Гассанъ посредствомъ нѣкотораго Талисмана, всѣхъ поднявъ на воздухъ, а Падманабъ началъ чинить заклинанія, по совершеніи копорыхъ море взволновалось, и кипящія бездны, поднявшись къверху, съ ужаснымъ шумомъ покапались со всѣхъ сторонъ на оспровѣ, и поглопили въ себя мѣсто, бывшее несчастіемъ для многихъ смертныхъ. Воды заровнялись, и солнце, отвращавшее до полѣ лучи свои отъ скарднаго лица Рукманова, ударило блескомъ своимъ въ море, и произвело во ономъ сверкающія различные огни.

Д

Всѣ

Всѣ въ радости вопіяли: Небеса никогда не оставляютъ пороки безъ наказанія! да погибнутъ тако всѣ нечестивые.

Наспалъ желанный часъ возвращенія въ пещеру Муломбаба. Гассанъ взялъ на свою часть Варяжскаго Князя съ супругою, а Падманабъ Мирослава. Оба они посредствомъ своего знанія призвали духовъ, кои въ видѣ шоржеспвенныхъ колесницъ, запряженныхъ грифами, предстали. Они сѣли въ колесницы, и начали разсѣкать воздухъ быстримъ своимъ шестпѣемъ. Въ разсужденіи дальняго разстоянія, не прежде какъ на разсвѣтѣ другаго дня, приблизились они къ пещерѣ. Тогда солнце при восхожденіи своемъ испускало огонь свой блистающій. Лучи его горы позлащали, и все небо покрывалось голубымъ яхонтомъ. Муломбаба упрежденная по своему знанію о ихъ прибытіи, приуговорила шоржеспвенную встрѣчу. Дорога къ входу
успла.

усплана была Персидскими златопикантными коврами. По обѣ стороны входа, были золотыя перилы. Близъ оныхъ по правую руку, стояло пять сотъ юношей, а по лѣвую пять сотъ дѣвицъ, въ бѣломъ платьѣ, кои пѣли пѣснь въ похвалу Гассана. При дверяхъ стояла Муломбаба въ пребогатомъ уборѣ, и всѣ ея родшвенники приглашенныя къ сему радостному свиданію и шоржеству. Гироулъ одѣта была въ брачное платье, придающее ей сколько прелестей, что имѣла она въ себѣ почное изображеніе богини любви. Шестъ дѣвочекъ бросали розовыя цвѣты изъ золотыхъ корзинокъ; а шестъ курили Индійскія ароматы. Когда Гассанъ, Падманабъ, Князь Варяжскій съ супругою, и Мирославъ, сошли изъ колесницъ, началось свиданіе. Но какъ можно описать радостный восторгъ сердечно любящихся сестры и брата? Какъ изъяснить первыя взгляды, чувствованія и слова

словъ нѣжныхъ любовниковъ? Возможно ли припомнить смѣшанныя рѣчи, въ коихъ заключались благодарность, привѣтствіе, удовольствіе, страсть и веселіе? Безпорядокъ и пріямное смущеніе продержали чрезъ долгое время Муломбабу и Падманаба, Гироулу и Гассана. Помѣнь, какъ прошли первыя стремленія радости, Гассанъ долженъ былъ рассказать свои приключенія; чѣмъ всѣмъ сдѣлалъ не малое угожденіе, и послѣ слышалъ величайшее благодареніе отъ Муломбабы за избавленіе ея брата, который предложилъ ей увѣнчать Гассановы заслуги сочепаніемъ его съ ея дочерью. Она и сама охотно желала сіе исполнить. Въ ту же минушу Падманабъ взялъ за руку Гассана, а сестра его дочь свою, и сложили ихъ рѣки вмѣстѣ. Свадебный договоръ подписанъ былъ всѣми присутствовавшими. И такъ Гассанъ соединился на вѣки съ своею дражайшею Гироулою, и по пре-
пер.

Не кто дѣлаетъ въ перокъ, нужны о-
спрые глаза ;
Оглядывайся онъ, чинобъ не дали шуза. —
Чтожъ дѣлать? поздно намъ покинути
марашь.

Вѣдь чуть не шриль у насъ гошovy фо-
лянша ;
Въ послѣднемъ спанемъ мы иснаши бри-
лянпа ,
И ежели найдемъ: тогда ужъ спанемъ
братъ

Квалу четвѣрками,

Надуемся и тамъ.

Тебѣ мѣе перо, золотомъ обложатъ ;
А мнѣ писати спраеть, вшимъ пріумно-
жатъ.

И стану ужъ писать Трагедіи, Поэмы.
Надену на купцовъ мечи броню и шлемъ,
И войски поручу дьячкамъ и чумакамъ ;
Посадскимъ бабамъ страсть вложу я во
ушна ,

И каждой рѣчи дамъ, по просирайте ли-
ша ;
Надменный подарю видъ, елогъ моимъ
спрокамъ.

Окраду всѣхъ творцовъ, канъ это обы-
чайно :
Волшеръ, Расниъ въ спижакъ моикъ за-
гозвранъ ,

Часть IV.

Е

И

И съ нѣми я тогда воспоминаю буду въ
ряхъ. —

Перо мое въ оживѣнъ : Конечно все слу-
чаю.

Что криеть и продавать мысль успехов
за свои.

Однимъ лишь терпѣнъ въ томъ страда-
лецъ нашъ Пегасъ ,

Коль въ оброть попадешъ мочальную у
насъ. . . .

Однакъ поудержи надежду ты сію :

Пегаса уловишь не такъ легко, какъ чаешь ,

И тысячу препонъ довя ты повстрѣчаешь ;

И можетъ Аполлонъ быка тебѣ вручишь ,

То сей не на Парнасѣ , въ свой клеветъ себя
замчишь ,

И тамъ ревѣши вы начнете на соломѣ .

Гремите , не въ домѣкъ о вашемъ будешъ
громъ. —

Ты правду говоришь , перо, дружечикъ мой !

Я слышалъ , что Пегасъ ушелъ ужё домой ,

И нынѣ на Руси , хоть всю ее изрыщешь ,

Насмѣшника сего конечно ужё не сыщешь ;

А можетъ быть въ передѣ придетъ онъ
побывашъ .

. . . . Однако намъ сего долгонько будешъ
ждатьъ .

Промѣжечка сія довольно намъ на спашъ ,

И выгладнути намъ свободное ешь время :

Сла-

Слагай перпѣнья бремя,
Давай опять марасть!

Не сказками шеперь палишь будемъ, былямя,
И ноли мы свои умножимъ вновь нолями.
Хвалы хопь за ноли не можемъ ужъ мы
братъ ;
Но спрасть къ писанью въ комъ удобно
удержать ?
Чипашель ! пы по мнѣ конечно загру-
спился ? . . .
Прощайше , бапюшки ! . . . Опять я вратъ
пустился.

П О В Ъ С Т Ъ

О новомодномъ Дворянинѣ.

На вершинахъ одной рѣки,
сообщающей воды свои къ прибавле-
нiю ширины Волги, по ту спорону
города, изъ коего возящъ въ нашу
столицу нужныя для пищи вещи,
стоялъ домъ того Дворянина, ко-
шорый древность своего рода не
могъ далѣе вычислить, какъ со
времени, когда въ нашихъ мѣл-
кихъ городахъ вязышки дошли до со-
вершенства. Предки его, блажен-

Е 2

ныя

ныя памяти! съ великимъ усердіемъ набивали карманы свои прудами пѣхъ несчастныхъ, коихъ хлопоты принуждали подавати прошенія въ то мѣсто, гдѣ они оправданы должності повышчиковъ и Секретарей. По несчастію ихъ, таковое грабительство дошло во уши Правосудія. Оно наполнивъ гнѣва, издало законъ, всѣхъ пѣхъ, кои возмутъ за работу съ того, что истинна велишь рѣшишь безденежно, привязывать для исправленія шеями къ веревкѣ, висящей у машины сходствующей на П. Сія загоздка у многихъ испортила по вѣскольку фунтовъ крови, или по крайней мѣрѣ съ не большою сукосптію въ рожѣ, положила предѣлы ихъ корысполюбію. Родитель сего Дворянина, также почувствовалъ твербежъ за спиною, и скупа безмездными прудами, оставилъ приказную службу, купилъ деревню, и поселился въ показанномъ мѣстѣ, чтобъ пользоваться безопасно на-
гра-

рабленнымъ. Тогда скупыхъ бы-
 до больше, нежели моповъ; а
 нынѣ ихъ меньше, за шѣмъ что
 дослѣднихъ порасплодилось. Дворя-
 нинъ сей также съ ацшкомъ не па-
 роватъ быдъ выдавать свои день-
 го, и больше любилъ сборы, неже-
 ли расходы. Онъ держался своей
 спарины. Единородное его чадо,
 сынъ, вышло на свѣтъ совсѣмъ съ
 прощившими оццовымъ склонность-
 ми. Онъ лучше зналъ цѣну де-
 негъ, и умѣлъ оныя, не имѣя еще
 въ рукахъ, употреблять по мод-
 нымъ обычаямъ. Опецъ его училъ
 Ариемешникъ только до умноженія:
 слѣдственно за грѣхъ считалъ со-
 держащъ для него учителя Фран-
 дуза, которые безъ чаю и кофе
 жить не могутъ. А сіе, послѣ-
 дую преданію насшавника людей,
 что ходилъ въ синихъ кафтаныхъ
 съ двойнымъ желтымъ и краснымъ
 воронникомъ, Аввакума расприги,
 считалъ за святощашство. Но не
 столько бояся онъ грѣха, какъ

платы за ученіе. И такъ для подспорья кошельку, и чпсбъ не спсать отъ Дворянъ, къ коимъ онъ приноравливался, опредѣлилъ отправить сына въ Москву, чпсбъ отдашь учишься на казенной счетъ!

Сбираютъ Несмысла (такъ намяную я Дворян-каго сына) въ дорогу. Даютъ ему дядьку, который хопя и назывался добрымъ человекѣмъ, но въ самомъ дѣлѣ госпожа совѣсть въ разсужденіи его вдовспвовала. Отъѣздъ настаелъ.* Чисное родительское благословеніе дано ему вмѣсто всѣхъ нужныхъ вещей. Проговорено поученіе: не знашься съ мотами, и карпошной игрою. Несмыслъ пускаетъ по мимо ушей, и смоприпъ сколь велико будетъ награжденіе родительское въ денгахъ. Таровашый спецъ догадывается, что безъ денегъ никакъ прсбыть не можно. Выпягиваетъ изъ кармана дедовскую содранную съ нѣкотораго споль-

спольника бархашную мошну, въ коей искуснымъ образомъ упряпано было сорокъ алпынъ мѣдныхъ мѣлкихъ денегъ. — Возми сіи деньги, говорилъ онъ, держи оныя съ бережью, не мошай и не лакомься. Бапюшка мой, опправляя меня на Сухореву башню учисья Ариеметикъ, далъ хотя не сполько много, однакожъ алпынъ съ десять, въ сей же мошнѣ. Я жилъ въ довольствѣ, и назадъ еще привезъ цѣлый пшакъ. Такъ - по дияпко учись! не смотри на развращенныхъ людей, кои презирая, даръ Божій, пшеничную муку, созданную на пишу человекамъ, прапята ея уничтожительно на припруски своей головы и Французскихъ кудрей; а о другомъ и говоришь нечего. Бѣгай сихъ ядовитыхъ скорпій, и опасайся ихъ угрызенія. — Несмыслъ съ жадностію схватилъ деньги, думая, что оныя серебряныя, и хотя природа одарила его разумомъ безъ излишества; однакожъ онъ доволь-

но признашельно ошблагодарилъ за подарокъ. Выходитъ онъ, садитъ ся въ роспуски, и отъбъжжаетъ, льстя себя имѣющимъ у него въ рукахъ сокровищемъ. Онъ числитъ въ мощи по крайней мѣрѣ рублевъ сошню. Не такъ радуется копейка, коей удастся прибростить къ лицу головной уборъ; не такъ веселился П... просыпаясь въ родительскую сѹббѣнту; какъ Несмыслъ, переворачивая съ боку на бокъ свою казнохранишельницу. Онъ прѣбжжаетъ на перьвый постоялый дворъ, желаетъ осмошрѣть деньги; но сколь испужался онъ, высыпавъ и видя вмѣстѣ серебра мѣдь? Сколько ни выдумывалъ онъ средствъ; но не избралъ никакого, которое направило бы его, чѣмъ исправить надобности въ проѣздѣ до Москвы, и какъ расположить шамъ жизнь свою. Дядька его прихаживитъ, и видя смущеніе своего господчика, отбираетъ причину онаго. Надлѣжитъ вѣдать, что дядька

дядька сей былъ не избъ числа деревенскихъ слугъ. Онъ бѣгая отъ спараго Дворянина, живалъ прежде въ Москвѣ у многихъ шароватыхъ господъ; слѣдственно по наглядѣлся, какъ живутъ нынѣ въ большемъ свѣтѣ. Будучи догадливе своего господчика, рѣшилъ его сумнѣніе, и подалъ совѣтъ объявить войну отцовскимъ деньгамъ. Несмыслъ, имѣвшій больше нужды въ родительскомъ сокровищѣ, нежели въ его жизни, соглашается на все. Онъ передаетъ на проворство своего дядьки все, не исключая и тѣла бацюшкина, о сохраненіи коего заботишься причины онъ не имѣлъ. Слуга вздумалъ было задавить барина; но спина его извѣвила ему въ щомъ свое несогласіе. По нѣсколькихъ размышленіяхъ положено сдѣлать приспупъ къ кладовой, гдѣ лежали деньги. Орудія къ осядѣ приготовлены; слуга поѣхалъ назадъ. Несмыслъ остался на постояломъ дворѣ, дожидаясь благополучнаго конца предпріятію.

Е 5

Сол-

Солнышко прищурилось, и уже заснуло. Ночь задернула горизонтъ черною своею епанечкою. Природа вся почивала, исключая однихъ ночныхъ птицъ, воробъ и домовыхъ. Последніе въ сіе время, сказываютъ, ѣздятъ другъ къ другу въ гости и пируютъ; а иные пускаютъ кирпичную пальбу изъ за печей на пѣхъ, кто имъ не милъ; такъ же объѣзжаютъ и лошадей въ конюшняхъ. Однако должно мнѣ поудержаться отъ подробнаго описанія ночныхъ явленій. Я человекъ небогатой, и помня, что безъ бережливости прожить въ свѣтѣ не можно, слова поприжимаю. А во избѣжаніе отъ излишней прапы бумаги, не буду описывать походъ вора, гоповящагося на приступъ къ кладовой скупачаго Дворянина, и подвину его къ самымъ воропамъ ихъ дому. Я остановляю его въ находящейся близъ самыхъ воротъ рошѣ, велю слезть съ коня, и привязавъ онаго

онаго къ дереву, думашь, какъ начашь приступѣ. Смотрите, въ какомъ пушу я его на дворѣ нарядѣ.

Скуные по ночамъ, равно какъ и домовые, не спать свои имѣютъ причины. Дворянинъ Скрягинъ (имя Несмыслова опца) по помужѣ всегда бодрствовалъ. Слугѣ то было вѣснимо. Онъ, опасаясь войши шуды въ обыкновенномъ плашьѣ, выворачиваетъ шубу свою и шапку, и надѣваетъ ихъ шерстью въ верьхъ. Въ семъ плашьѣ и безъ маски могъ онъ показашься на очи старому Дворянину, съ коимъ встрѣпшися охоты онъ не имѣлъ. Осторожность во всякомъ дѣлѣ хороша, а въ воровствѣ, говорятъ, будто бы необходима. Онъ влазитъ на дворъ чрезъ заборъ, вхсдитъ въ сѣни, и безъ дальнихъ околичностей дѣлаетъ обухомъ привѣпствие замку, спрегущему кладовую. Сей упрямишся и не склоняешся; воръ за-
пу-

пускаетъ съ боку долото, и проситъ пробой о дозволѣнїи войти. Оный споритъ, изъясняетъ негодование свое шонкимъ звукомъ, наконецъ покаряется, и обше съ замкомъ случаетъ, оплываетъ прочь отъ своего караула. Тихая ночь, гремяя сѣни, разлила яко замочнаго паденїя до ушей неспящаго Скрягина. При семъ слухѣ, сердце его вспрыгало, подавая вѣсть о опасности кладовой и денегъ. Ноги едва могли вынести его на себѣ въ сѣни. Воръ, не ожидая добраго отъ сего явленїя, спѣшилъ бѣжать вонъ; но въ потымахъ встрѣчается съ барьеромъ. Дбы ихъ сразились, ноги подкосились, и оба они вдругъ хлопнули съдалищами о полъ. Рука Скрягина, коснувшаяся вывороченной шубы, увѣрила его, что это не воръ, пришедшій красть его деньги, а домовый ему попался; ибо домовые, сказывающіе, бывающіе косматые. Скрягинъ вѣриль въ

домовыхъ, какъ должно суетѣру; но водившяся съ ними не привыкъ. Обществу сіе ему не понравилось. Мысли его наполнились ужасомъ, и отправили его назадъ нѣмъ же путемъ, но не шюю походкою, а такъ какъ панцуютъ раки. Онъ кричалъ: Чуръ нашава мѣста! и меньше нежели въ минуту, дверь его спальни была заперта, кладовая оставлена въ добычу мнимому домовому; а для изгнанія его опшуду, опредѣлено назавпрѣ читанъ: На морѣ на биянѣ, на бспровѣ на бунѣ, и прочая.

Между нѣмъ усердный молодому господчику слуга, въ спрахѣ забылъ нужашъ Скригина, и испужался самъ, почтя его за шюго, кого онъ представлялъ на себя трудъ взялъ. Хотя онъ былъ и преещенниченый плутъ; но опѣ чорна струсилъ какъ и честной бы человекъ. Наконецъ пришедъ въ себя, скорее удаление домовата полкуешъ въ свою яользу, ободряется вновь,
ВХО-

входитъ въ кладовую , и посылаетъ рѹки въ сундуки , возвѣспитъ рублямъ приходъ свой. Видно , что длани его имѣли шуже силу противу золота и сребра , какъ магнитъ на желѣзо. Къ нимъ прилипло по цѣлому мѣшку рублевиковъ. Симъ симпатическимъ способомъ перевелъ онъ множество сундучныхъ невольниковъ въ свои карманы , и еще , сколько могъ унести , на плѣча. Исправя благополучно свою должность , возвратился онъ къ свѣту въ посшоялый дворъ съ хорошимъ грузомъ , къ неописанной радости Несмысла , коего онъ надѣлилъ изобильно , не забывъ и о своей части.

Я не буду описывать огорченіе , почувствованное Скрягинымъ при лишеніи его казны : изъ пого бы вышла цѣлая Елегія , а я пишу вѣдь не Трагедію. Пусть онъ плачетъ , пусть воетъ , рветъ на головѣ волосы , и бьетъ оную о спѣну , мнѣ не больно. Насупаешь время оказать Несмысла въ Москвѣ

Ввѣздъ

Въздѣ его былъ хопя и не въ шоржественной колесницѣ, а въ рогожныхъ роспускахъ; но онъ считалъ себя не меньше Ироя, имѣя на лицо около полшоры тысячи серебряной монеты.

Слуга, разумѣющій свѣтъ, представилъ ему, что жить въ школѣ подло для денежнаго человѣка, и что сидѣть за науками свойственнo однимъ шолько неблагороднымъ людямъ, что надлежитъ письмо, данное ему отъ отца къ дядѣ его, изодрать, къ нему не показываться; а нанявъ въ тихомъ мѣспечкѣ домъ, жить, какъ живутъ модные Дворяне. Совѣшовалъ ему завести общество съ таковыми людями, кои бы сдѣлали ему наспавленіе о всемъ, что лѣжитъ до знанія Дворянскаго; шо есть, не о любви къ отечеству и добродѣтели; а обращаться смѣло, гсворить живо, напрымѣрѣ, начинать рѣчь и не оканчивать, перебивать слова другихъ, всѣхъ пересмѣхать, одѣваться

ся

ся по модѣ, и играть въ карты. Несмыслъ пріемлетъ слова сіи за оракулъ, и имѣя къ наукамъ таковоежъ усердіе, какъ собака къ кошкѣ, слѣдуетъ сему наспавленію. Домъ нанятъ, сотни при испрачено на наряды, столъ его наполненъ множествомъ кушанья и разныхъ винъ. Хотя истинная дружба нынѣ въ свѣтѣ столько же рѣдка, какъ и чудеса; но друзей у него нашлось со излишествомъ. Господинъ Перемотовъ занимаетъ большую часть его сѣрдца и его денежныхъ расходовъ, наспавляетъ его, какъ ходишь, говоритъ, садитъся, ложитъся, словомъ; всему по модѣ, и меньше нежели въ недѣлю, сдѣлалъ изъ него ни по ни сію; ибо онъ вновь ничего не выучилъ, а старое забылъ. Но Несмыслъ считаеиъ себя не меньше, какъ взросшимъ во Франціи, смѣется всѣмъ, кои не пспрыгиваютъ на одной ножкѣ, и не вмѣшная иностранныхъ словъ, не произно-

но.

носящѣ оныхъ на выворотѣ. Словомъ, заразившись Французскими обычаями, онъ жалѣлъ, что и дышалъ воздухомъ своей природной страны.

По законамъ моды не можно было обойтись безъ любовницы; по сему страсть овладѣла имъ въ одну минуту, и прежде нежели назначилъ онъ кошку нибудь повелительницею своего сердца, вздыхалъ, спрадалъ, мучился, думалъ, не зная самъ о чемъ. Для того что по моднымъ обычаямъ, говорятъ, можно, и не влюбясь любить, и влюбясь не любить: по есть, говорить такъ и видѣ казать влюбленнаго, а внутренно бытъ свободнымъ, и смѣяться простотѣ легковѣрныхъ. Или влюбиться на часъ только, чинобъ пользуясь слабостію нѣкоторыхъ, наконецъ обмануть, пуспить о нихъ въ свѣтъ исторію, и сдѣлать предметомъ народного смѣха. Нынѣ уже нѣтъ любовныхъ Ироель, о ко-

Часть IV. Ж ихъ

ихъ упоминають въ рыцарскихъ повѣсняхъ, и кои бѣгали за милыми своими изъ часпи свѣта въ другую, терпѣли гладъ и хладъ, смертельные опасности, а иногда и умирали за поспоянство. О сколь они глупы были! восклицаютъ жипели новомоднаго міра. Справедливо; за чѣмъ давать владѣшь собою спрасши, а особливо нечиспой, копорая вмѣсто поспоянства основана на вѣтренности, и вмѣсто чиспосердечія, подкрѣпляется прибыткомъ, а одѣша не вѣрностию и великодушіемъ, но блескомъ золота.

Несмыслъ наполня голову любовными мыслями, опредѣлилъ искашь особы, коея красотѣ могъ бы поручить владычество надъ своимъ сердцемъ. Онъ ѣздилъ по разнымъ собраніямъ и позорищамъ, видѣлъ сно разныхъ красавицъ, сполькожъ разъ мѣшался въ разумъ, и не положилъ ни на одну жребія своего избранія. Однако
другъ

другъ его Перемошовъ избавилъ его пруда, предсавя ему въ любовницѣ госпожу Верпоглазову. Сія особа была собою очень не дурна. Живые и вольные поступки и всѣ ухватки модные доспались ей вмѣсто имѣнія по наслѣдству послѣ покойной мапущки ея. Но ей и не было нужды заботиться о имѣнии; ибо господѣ Верхоглядовъ, Верпопраховъ, Подлипаловъ, Зубоскаловъ и прочіе платили ей хорошую дань, или сказашъ по модѣ, обожая, сирѣчь впадая въ идолопоклоненіе, возжигали предъ нею золотыя фиміямъ, и приносили серебряную жерпву. Она слыла еще дѣвицею, по тому что ни съ кѣмъ не вѣнчалась. Сей-то красавицѣ, опредѣлено въ тайномъ совѣтѣ господѣ волокишѣ, объявить любовную войну. Перемошовъ наставилъ во всемъ Несмысла, для того что самъ былъ добрый солдатъ Купидоновой арміи, и искусный приводецъ Венериныхъ пол-

ковъ. Несмыслъ все понялъ; ибо въ таковыхъ дѣлахъ наука не шрудна, и природа сама вразумляетъ. Назначено вести подкопъ подъ постоянство госпожи Вертоглазовой, кое у ней весьма слабо защищалось; а сердце взявъ при-ступомъ, въ разсужденіи малаго гарнизона. Пріѣхали въ маскарадъ, гдѣ нашли красавицу. Осада поведена, началась глазная перестрѣлка. Перемотовъ помогалъ Несмыслу, и показывалъ слабыя мѣста, какъ бывавшей ужè въ оной крѣпости. Онъ перебѣгалъ шпиономъ, и сказывалъ, что господинъ Несмыслъ очень богатъ, и побѣжденнымъ даетъ хорошее награжденіе; чѣмъ весьма подкрѣплялъ успѣхи, и доводилъ къ задачѣ всѣ укрѣпленія госпожи сей. Однако я заболшался, и писалъ о любви по солдатски. Должно пере-мѣнить слогъ рѣчи, чшобъ не впасъ въ вину предъ господами волокищами, у коиъ прошу за сіе
изви-

извиненія, и обѣщаюсъ объявить
концеу повѣсти инымъ порядкомъ.
А вы, читатели, слѣдствіе осады
топчасъ услышите, естли не по-
скупите читать далѣе; ибо я изъ
доброй воли такъ скоро писать не
перестану.

Предпріятіе Несмыслово имѣ-
ло хорошей успѣхъ. Но и для че-
го не исполнился тому, что дѣлает-
ся чрезъ деньги? Они все на свѣ-
тѣ производятъ. Деньги дѣлаютъ
виноватаго правымъ, а въ истин-
нѣ оказываютъ погрѣшенія, доста-
вляютъ человеку разумъ, честь,
веселье и все, что ни вздумаешь. Я
умалчиваю, что деньги бываютъ
иногда причиною несчастія, для по-
го что сіе очень рѣдко. . . . Но
чтобъ писавши сказку, не претво-
ришь оную въ проповѣдь, скажу
коротко: Несмыслъ былъ выслушанъ.
Дозволено ему принять въ капище
сея Венеры. Онъ принятъ изрядно,
и достигъ того въ часъ, до чего
заслѣдствіе люди въ няшь лѣтъ

Ж 3

не

не добираются. Не о чемъ сумнѣ-
 ваться, что шутъ легла большая
 часть изъ его остатка денежнаго
 запаса. Въ мѣсяцъ не осталось у
 него болѣе двадцати рублей. Онъ
 задумался, и не вѣдалъ, что начать.
 Къ вѣщаему его унынію любовница
 къ нему спала холоднѣе, и на-
 конецъ запретила показываться къ
 себѣ на глаза. Несмыслъ о семъ
 въ провинности моды началъ было
 крушиться, и можетъ бы отпра-
 вился и на шотъ свѣтъ; чему по-
 собляла бѣдность, отъ которой бы-
 ло онъ пошвыкъ. Но Перемоновъ
 какъ во всемъ искусившійся, наспа-
 вилъ его испытать послѣдняго ща-
 стія въ картахъ. Сысканы игро-
 ки, сѣли, бросали на право на лѣ-
 во, били съ оника, и объявили,
 что деньги, платье и все, что онъ
 имѣлъ, надлежитъ имъ по народ-
 ному праву. Перемоновъ игралъ
 шутъ не худо роль свою, и покло-
 нясь ему сказалъ, что онъ ѣдетъ
 въ надобное мѣсто изъ Москвы, и
 ждѣ-

жалѣетъ, что долго съ нимъ не увидишься. Слова его значили почти слѣдующее: Ты, Несмыслъ, былъ дуракъ, и по присловицѣ „не „спрося броду, сунулся въ воду. „Дружба моя была не къ тебѣ, а къ твоимъ деньгамъ. Она всѣ, и она скончалась. И такъ Несмыслъ спалъ по прежнему безсребренникъ, или голъ, какъ соколъ, оставя изъ себя примѣръ всѣмъ держащимъ расходъ не по приходу, а особливо слѣдующимъ совѣшамъ людей распущныхъ, о состоянїи коихъ не вѣдая, дружишься съ ними; чего надлежитъ бѣгать, какъ огня. Но я не хочу быть нравоучителемъ, и оспариваю сіе дѣя умнѣйшихъ, а сверхъ того боюсь раздружиться съ тѣми, кои подражаютъ Несмыслу, и совѣшы таковыя не примутъ за благо, замолчу. Однакожъ не умерю Несмысла съ опчаянїя; ибо мнѣ оный надобенъ для продолженїя повѣсти; я же нелѣкаръ, слѣдственно есмь во мнѣ сожалѣнїе, и

причиною смерти его бышь мнѣ не должно. Я знаю, что послѣдуетъ съ нимъ впредь. Но по чему, о томъ не скажу. Несмыслъ не имѣя ни на кого надежды, прибѣгаетъ оцѣпъ къ слугѣ своему, коего на реку я Развращниковымъ, по тому что подлинное его имя забылъ, или и помню, да сказать не хочу. Что кому до того нужды? А если ли пожелають о томъ узнать: пусть опгадываютъ, какъ хопятъ; но испытаніе сего меньше принесетъ ему пользы, какъ пословица: Всякой Еремей, про себя разумѣй. Сей Развращниковъ, какъ усердный слуга расходовъ господскихъ, хопя изъ денегъ его з. благовременно поприбралъ искуснымъ образомъ довольноую часть; но въ скудости ими ссудилъ его не сочелъ за нужное, а оставилъ ихъ на собственные надобности. Онъ твердо наблюдалъ прибаску: Береги денежку про черной день; но сей пословицы барину своему не открывалъ, и не сдѣ-

сдѣлалъ объясненія, въ чемъ состо-
итъ пошъ проурный день. Онъ
далъ ему наставленіе возымѣть о-
пяшъ прибѣжище къ родишельской
кладовой. Намѣреніе сіе было по-
лезное, но исполненіе онаго пруд-
ное. Однако чего не можетъ
предпріяшъ разумъ человѣка за-
блуждшаго съ пути истиннаго? Вѣ-
дали они, что Скрягинъ, пошерявши
изрядное количество казны своей,
или лучше сказать души; ибо безъ
денегъ онъ жишъ не могъ, хотя въ
прочемъ и съ деньгами сея у него
не было, догадывались они, говоря
я, что Скрягинъ учнетъ оспашни
караулишъ поприбѣжище. Въ са-
момъ дѣлѣ, онъ перенесъ ихъ въ
свою спальну, и положи въ сундукъ
послалъ на немъ постелю, и опочи-
валъ шупъ, накладывая на ночь
себѣ на шею цѣпь, надѣшную за ду-
гу замочную, и замыкая оную у
себя на шеѣ другимъ замкомъ, для
лучшей оспорожности. Сіе дошло
къ ихъ свѣдѣнію, а какъ, того не
Ж 5 , знаю;

знаю; но они опредѣлили, во что-бы то ни спало, деньги опшуда высвободить. Для скорѣйшаго жъ въ помѣ успѣха предпріяли таковое дѣло, котораго нѣжный слухъ безъ омерзѣнія и ужаса слышать не можеть. Или сказаць яснѣе для пѣхъ, кои загадокъ опгадывать не горазди, опсправить Скрыгина для свиданія съ праопцами въ томѣ-спо; гдѣ въ деньгахъ нужды нѣтъ, и куды всѣ, оставляя деньги, идуть философовать. Согласіе заключено. Они опсправились изъ Москвы на двухъ парахъ, но не ямскихъ коней, а ногъ своихъ. Пѣшешествуя таковымъ образомъ, шли они долгое время, не встрѣчаясь ни съ какимъ особливымъ приключеніемъ. Наконецъ дошли было бѣды, приближившись невзначай на мѣсто одного деревенскаго сраженія. Оное происходило между крестьянами не за чудную причину, а именно: что одинъ житель сосѣдней деревни загналъ лошадь обипашеля друга

жи-

жилица съ своего хлѣба, которой она попшашъ и кушашъ зашла безъ зову. Онѣ велѣ ея домей, или въ городѣ, мнѣ неизвѣстно, шолько думаю въ свою конюшну; ибо своевольные мужики обыкли больше управляться сами, нежели искашъ удовольствія въ правосудіи. Хозяинѣ лошади встрѣлся съ нимѣ, и пожелалѣ оную отвести домой; но попѣ не давалѣ. Они въ мигѣ разладили, и каждый свое право началѣ доказывать еспешвенно, по естѣ оплѣбушинами и кулаками. Другіе вмѣшались ихѣ разнимашъ; но они не слушались. Сказываютѣ, будто бы естѣ чортѣ, который не спитѣ, и всегда ищетѣ случая сдѣлать въ людяхѣ раздорѣ, такѣ какѣ бы они кромѣ его не знали своей должности. Чортѣ подоспѣлъ: тѣ въ совѣты и увѣщанія вмѣшали палки. На послѣдокѣ обоихѣ деревень жильцы сбѣжались, и къ разниманію присоединили цепи, дубины и колья. Побойще учинилось

лось общее; при чемъ одинъ дерзкой съ придурью мужикъ преснулъ друга колома въ лобъ, не сказавъ, чтобъ потъ поспоронился, такъ ловко, что заставилъ по немъ пѣшь вѣчную намять. Въ сіе время Несмыслъ съ своимъ слугою, пришли туды, и желали посмотрѣть конца войны. Но мужики, прекратя свою ссору, принудили ихъ продолжать пушь, самымъ непросвѣщеннымъ средствомъ, а имянно тузами и полчками. Какъ мужики уговаривали ихъ въ спины очень плотно: то они, не давая шпоръ ногамъ своимъ, скрылись изъ глазъ ихъ очень скоро, и прежде нежели вздумали, какая причина принудила поединщиковъ съ ними поразмолвить. Оное произошло по причинѣ, что удалые пѣ домашніе рапники сочли ихъ по платью за подьячихъ, кои нарочно для того ѣздятъ по деревнямъ, чтобъ найти причину къ чемунибудь привязаться, и послѣ забравъ

бравъ крещьянъ въ городъ, слу-
пишь съ нихъ лишнюю за роско-
домъ четверть хлѣба, или шушу
свинаго мяся. Ибо покроевъ платья
мужички различають не смыслятъ;
а всякое разнопарное и многоцвѣт-
ное одѣяніе, каковое тогда было
на Несмыслѣ, считающъ за поды-
яческій мундиръ.

Таковымъ образомъ слуга и
баринъ побитые пошли въ доль по
дорогѣ. Но чпобы не изнурить
ихъ долгимъ походомъ, подпихну а
ихъ къ самому жилищу Скрягина.
Дальней путь не испребилъ въ
нихъ коропкаго ихъ намѣренія.
Развратниковъ вооружилъ было
дерзкую руку на прекращеніе
дней бѣднаго Скрягина; но рокъ
избавилъ ихъ сего грѣха, и доста-
вилъ безъ нихъ конецъ ему и
безмѣрной его скупости, которая
была не шолько не глупость, но и
великое дурачество. А имянно
вошъ какъ: Скрягинъ оборвалъ
какимъ шо случаемъ цѣль, кою
на-

накладывалъ себѣ на шею, и отдавалъ оную полѣчить кузнецу. Между шѣмъ для предоспорожности отъ воровъ, привязалъ къ замку веревку, и сдѣлавъ изъ нее на другомъ концѣ петлю, надѣвалъ себѣ на шею. Онъ заснулъ покойно; но во снѣ увидѣвъ, что воры крадутъ его кладовую, вскочилъ, закричалъ разбой, сподкнулся, захлеснулся, и въ мигъ отправился на помѣ свѣтѣ. Встрѣпившійся слуга увѣдомилъ ихъ о помѣ. Несмыслъ жалѣлъ глазъ своихъ, чтобы оныя отъ слезъ не лопнули, и не выпустилъ оныхъ ни капли; а съ радостію вошелъ въ домъ наследовать опцовское имѣніе; ибо другихъ къ сему праву не было. Машушка его еще прежде переспавилась, и хоша иные говорятъ, будто бы отецъ его женатъ не былъ; но это неправда, и ссылаюсь я въ помѣ на самую покойницу. Какъ бы то ни было, Несмыслъ назывался законнымъ

нымъ сыномъ Скрягина, и попому наслѣдовалъ незаконно собраннымъ его имѣніемъ. Тамъ часъ прибралъ онъ всѣ вексели, закладныя, наличныя деньги, вещи, и отправился обратно въ Москву, для распущенія опіевскихъ, мученныхъ въ сундукахъ колодниковъ на волю. Деревни до будущей судьбы, поручилъ въ смолпрвіе усердному своему слугѣ Развратникову, и поѣхалъ.

Несмыслъ былъ ужъ за половину пуши, имѣя голову наполненную всѣми шѣми мыслями, кои услаждають воображенія чловѣка, живущаго съ добродѣшелью не въ сосѣдствѣ. Переѣзжая одинъ болопшый ровъ, огрязла его колесница, прочіе остановились, чшобъ подать помощь, пріемлющей судьбину Фараонову; понеже хопя щопъ оная была и не Чермное море, но изрядно вязкая. Несмыслъ, оставя о семъ попеченіе своимъ служилцелямъ, самъ пошелъ одинъ

единъ въ передъ по дорогѣ. Онъ
 отшелъ версты съ двѣ, и вынувъ
 волошюю табакерку назначенную
 отъ него въ подарокъ будущей
 своей любовницѣ, ибо о Верпогла-
 зовой ужё позабылъ, началъ оную
 разсмащривать. „Мафуа! діабль!
 сказалъ онъ на Французскомъ
 языкѣ, копорый столькожъ разу-
 мѣлъ, какъ слѣпой цвѣшны.
 Аманна моя сдѣлала мнѣ энфе-
 делипацію. Бездѣлица! Бонъ
 есперансъ у меня въ карманѣ. Не
 о чемъ бышь въ пансіи. Сія та-
 бакерка пуръ ла меритъ, новой
 моей любовницѣ, копорую я найду.
 Онъ бы продолжалъ еще далѣе
 бредить по Французски, естли
 бы не вышелъ къ нему изъ спо-
 роны подорожной воинъ, или
 Директоръ шой шаможни, въ кою
 съ проѣзжихъ сбиралася въ томъ
 мѣстѣ пошлина. Сей Герой былъ
 изъ шѣхъ, кои, опредѣляясь въ
 военную службу, не ищутъ оказы-
 вать храбрость свою надъ не-
 пріа

пріяшелями внѣ границъ, а оказывающъ оную надѣ пріяшелями въ своемъ отечесствѣ, и облегчающъ отъ грузу карманы людей, случающихся въ пупи въ часы неуказные. — Постой-ка ты, Галанецъ! вскричалъ ему эшошъ найнѣ; покажи-ка мнѣ, что у тебя въ рукахъ? Про какова ты говоришь бурова мѣрина? Знашь ты за нево вымѣняль. — Несмыслъ въ замыщеніи считалъ себя уже въ Москвѣ, въ какомъ нибудь собраніи; по чему не разсмотря подлиннаго его соспоянія, счелъ онаго за человекъ моднаго, каковъ былъ самъ, и подаль ему табакерку, говоря: Мойъ Фреръ, регарде апрезанъ, какая прекрасная табакерка, и сколь щасплива будешъ моя Аманша, которой я ее назначилъ! Удалецъ взялъ табакерку, и положилъ въ карманъ, сказавши: Меня зовущъ не Фроль Гордѣевъ, а шрепезону твоею я не боюсь. Подайка мнѣ денги, сколько ихъ у тебя есть; а

Часть IV. 3 при-

припомѣ и кафшанатѣ скинѣ; мнѣ въ немѣ нужда. — Несмыслѣ началъ было ему описывать прелести будущей своей любезницы; но разбойникѣ, принявши его въ свои объятія, весьма неоспорожно положилъ его на землю, и шѣмѣ привелъ въ себя, выгналъ у него прежнія мысли, и вмѣстѣ оныхъ наполнилъ его равною трусостию, какъ того крестьянина, коего поймали для отдачи въ солдаты. Онѣ, забывъ кричать и пропившись, и далъ свободу исправиться господину Обдиралову, который и не умедлилъ совершить свою должность съ крайнимъ прилѣжаніемъ: ибо по отшествіи его, нашелъ онѣ себя безъ золотыхъ часовъ и табакерки, двухъ сошѣ рублевиковъ, и всего платья, въ одной только срачицѣ, оставленной ему изъ воровскаго челобѣтчицѣ.

Ежели бы Несмыслѣ былъ Философѣ: то бы по крайней мѣрѣ
ска-

сказалъ тогда длинный Монологъ прошиву злодѣевъ; но онъ и по Руски чинять умѣлъ сполькожъ, какъ деревенскій дьячекъ, по есть съ нуждою по складамъ, и такъ безъ всякихъ мыслей прусилъ во всю молодецкую мочь; ибо и науки никому бояться не препяш- ствуютъ. Между тѣмъ навхалъ обозъ его, и привелъ тѣмъ нѣсколь- ко его въ себя. Онъ одѣлся, и по шужа о маломъ убыткѣ, не хо- шѣлъ потерять все, поелику о- пасность того мѣста испыталъ онъ самъ собою. Онъ вооружася самъ, велѣлъ всѣмъ слѣдовашь сво- ему примѣру; однако иные изъ слугъ его подражали ему только въ оруженіи, а не въ робости, дер- жавшей цѣлыя при дни сердце его въ исподнемъ плашѣ. Дере- вень съдесять они проѣхали, не избравъ ни одной себѣ ночлѣгомъ. Лѣсное оныхъ мѣстоположеніе ка- залось Несмыслу обиналицемъ лю- дей, коимъ близъ Полиціи жить

не сручило. Но рокъ посмѣявшись
 тому, что онъ мушкетеръ, довелъ
 его благополучно въ Москву.

Несмыслъ исправился, и оказалъ
 себя великолѣпнѣе прежняго. Госпо-
 динъ Перемосовъ въ мигъ явился къ
 его услугамъ, и описавши ему всѣ
 огорченія, кои не чувствовалъ
 о его отсутствіи, оная нашелъ
 путь въ его сердце и карманъ.
 Господа Соблазнитель и Пуспо-
 мошникъ описаны опъ него люди-
 ми, безъ коихъ ему въ весело-
 стяхъ обойтись не можно. Они
 безъ дальняго разсужденія опредѣ-
 лены въ наперсники Несмысловъ.
 Новые друзья, новые расходы.
 Каждый съ своей стороны старал-
 ся выдумать увеселенія на чужій
 счетъ. Открытый сподъ, а особъ-
 ливо для карточной игры, учи-
 нилъ въ домъ его великій пріездъ.
 Всякій день содержалъ онъ множе-
 ство людей на своемъ иждивеніи,
 и платилъ имъ съ игры нарочи-
 тую подачу. Во всѣхъ позорищахъ
 при-

присуществовалъ своею особою, и не упускалъ ничего, могущаго доставлять ему утѣхи, а кошельку чайшкы.

Дабы описати невѣрность гдснѣжъ Вертоглазовой, вздумалъ онъ подарить свое сердце иной. Госпожа Пресмѣхова получила сіе щасіе. Своисво ея было слѣдующее: осмѣхалъ тѣхъ, кто ея лучше; возносилъ безъ разбору всѣхъ; говорила и хохотала безъ умолку цѣлый день; переносила изъ дому въ домъ вѣсти; соорилъ родственниковъ съ родственниками, мужей съ женами, начальниковъ съ подчиненными. При всѣхъ сихъ похвальныхъ качествахъ, была она однако не дурна лицомъ; а сего и довело къ плачевно Несмысла. Для того чю и пословица есть: По бабѣ брага и по Сенькѣ копака.

И такъ госпожа сія безъ дальнихъ околичностей, за нѣкоторую цѣну продала Несмыслу

двжимоее свое имѣніе. Несмыслѣ былъ шароватѣ, и научился, чѣмѣ угождать моднымѣ любовницамѣ, и чѣмѣ умножать ихѣ къ себѣ горячность. Онѣ съ великимѣ раченіемѣ простиралѣ свой кошелекѣ, и золотымѣ дождемѣ сходилѣ на лоно сея Данаи. Но какѣ мысли и желанія человѣческія споль же часто перемѣняются, какѣ мрачная погода съ ясною: то и Несмыслѣ скоро скучилѣ владѣти своею щедрою богинею, и ошнывши свое сердце поручилѣ оное иной; а вскорѣ потѣмѣ другимѣ десятии по рознь и вдругѣ; ибо чѣмѣ болѣе входилѣ въ модныя поведенія: тѣмѣ лучше познавалѣ, что сего требовала мода. Преступленіе оныя вмѣнялѣ онѣ въ вищій грѣхѣ, нежели нарушеніе вторыхъ заповѣди. Онѣ и весь законѣ считалѣ меньше имовѣрнымѣ, нежели повѣсть о Бовѣ Королевичѣ; ибо въ нынѣшнемѣ вѣкѣ у людей незнающихѣ и нечитавщихѣ ничего, что

то есть у модныхъ первое до-
стоинство не вѣдать Бога, и ругать
законъ. Извѣстно впрочемъ, что
чѣмъ болѣе достатку, тѣмъ бо-
лѣе приходей. Сказываютъ, богат-
ство умъ раждаетъ; но умъ заня-
тый служитъ такъ, какъ наем-
ные слуги, то есть покуда есть
доходы имъ на жалованье. Не-
смыслъ по модѣ все дѣлалъ изряд-
но; ибо выросши въ коноплянникѣ,
о хорошемъ понятіе имѣть было
не ошъ чего. Учитель его былъ
деревенскій дьячокъ, которой
упражнялся больше въ кражѣ ло-
шадей, нежели въ познаніи самаго
себя. А хотя Несмыслъ и имѣлъ
случай обучиться необходимому
для человека опредѣленнаго на у-
слуги опечеству; но онъ не имѣлъ
охоты входить по трудному пути
въ Минервино жилище, и всею у-
сердіемъ прилѣпился учиться Вене-
риной Астрологій, и Купидонову
сферу помнилъ уже наизусть.

Я пройду скорѣе, какъ Не-
смыслъ скучилъ имѣть любовницѣ,
и продолжалъ свои наблюденія
надъ Нимфами послѣдняго класса
Венерина минаша. Сіе принесло
ему нѣкошорый принадокъ, ошѣ
кошораго. избавился онѣ сѣ на
большую кошерею хряца въ носу,
и ушрашилъ совсѣмѣ желаніе,
бышь пріащелемѣ онымѣ Ним-
фамѣ.

Между шѣмѣ карпочная игра
и прочіе расходы обратили поннн
воѣ деньги его. въ дымѣ, и онѣ сѣ
великимѣ пріащаніемѣ не могѣ
сыскашь ничего ни въ карманахѣ,
ни въ сундукахѣ. Топчасѣ послалѣ
онѣ къ своему управителю. въ де-
ревни, приказавѣ собрать сѣ кресни-
анѣ за три года оброкѣ впередѣ,
и прислать оный сѣ ошальными
послѣ ошца галаншерейми; но пошѣ
прислалѣ только изѣ собраннаго
въ почности по его приказамѣ. од-
ну шрешь и часпѣ вещей, сѣ про-
чимѣ шрешиами и еще инымѣ
Ну-

нужнымъ для себя изволялъ оправившись погулять на Царицынскія степи.

Таковой случай скупяго преселмаъ бы въ царство меринныхъ; а Несмыслъ снесъ по не только великодушно, но и желалъ подражать еще своему управителю. Онъ вознамѣрился ѣхать во Францію. Друзья его одобрили сіе намѣреніе, и обѣщались ему соупростовашъ. Дѣло сдѣлано. Начали собираться въ дорогу, переписали всю его домовую утварь. Друзья его дивились размахивая богатыя часы, алмазныя вещи, и прочее вымученное покойнымъ Скрагинымъ у земщикоу за чепвершь цѣны. Они олучшихъ вносили въ записныя книжки, а нѣкоторыя внесли и въ карманы, по шому что въ суепахъ позабыли откуда ихъ взяли, или думали, все равно, гдѣ бы оныя имъ аѣжали. Длиннее все распродано, да и деревни Несмыслъ опредѣлялъ промѣнить на монету: иба

въ отсутствіе нѣкому оныхъ было вѣрить. И такъ въ послѣдніе подписавши въ родѣ своемъ непослѣдней, хотя то и солгалъ, но получилъ на проѣздъ изрядную сумму, и въ провожаніи друзей своихъ выѣхалъ.

Мнѣ никто не повѣритъ, если бы я сказалъ, что онъ доѣхалъ благополучно во Францію съ шаковыми удалыми спутниками. Да я и лгать не охотникъ; а скажу правду, что на претѣмъ ночлѣгѣ, когда онъ легъ благополучно спать, имѣя голову наполненну мыслями о веселостяхъ, кои будетъ имѣть въ Парижѣ, и поупру проснувшись, не нашелъ ни денегъ, ни друзей, ни лошадей, и ни одного человѣка изъ слугъ своихъ. Сіе, сказываютъ, было ему не очень пріятно, и онъ бы желалъ сего никогда не имѣть. Но что дѣлать? Съ рокомъ вѣдь не подерешся! Онъ пошужилъ, поплакалъ, да тожъ взялъ. Ворошился въ Москву, поискалъ,

скалъ , не нашелъ , и хотя огорчил-
ся , но съ ума не сошелъ ; ибо въ
немъ и такъ его было не много.
Наконецъ началъ выдумывать сред-
ства , чѣмъ бы найти пропитаніе ,
по тому , что не вѣвши пробыть не
могъ ; а такъ , какъ живутъ птицы
небесныя , онъ расположилъ себя
не умѣлъ . Пришелъ напослѣдокъ къ
дядѣ своему , принесъ повинную въ
своихъ согрѣшеніяхъ , и просилъ о
милости . Дядюшка на него про-
гнѣвался , хотѣлъ сбить съ двора ,
потомъ раздумалъ , и послѣ опре-
дѣлилъ его въ приказную службу .

А какъ мимо яблонки яблочко
не падешь : но и Несмыслъ крюч-
котворство понялъ скорѣе , нежели
сперва модныя поведенія . Въ
немъ была подьяческая кровь :
слѣдственно не надобенъ былъ ему
наставникъ . Природа сдѣлала его
достойна своихъ предковъ . Я умол-
чу , что онъ не могъ никогда приве-
сти на память свою совѣсть . Очая
несвойственна подьяческой породѣ .
Какъ

Какъ онъ обращался, бывъ у должности, я умолчу: ибо боюсь шѣмъ прогнѣвать шѣхъ Дворянъ, кои забывъ свое происхожденіе, и принявъ на себя чинъ правосудія, въсовъ его никогда не числятъ; онъ чего оныя заржавѣвши, иногда къ испиниѣ не гнулся; а скажу только, что онъ достигъ Секретарскаго достоинства, накопилъ много денегъ, женился на Дворянкѣ, и на счетъ всего міра изжилъ въкъ свой въ довольствѣ. Припадка ему никакова не было кромѣ роговъ, кои выросли у него онъ ного, что онъ былъ неублюдокъ, и женинъ-бою не въ своей спаньѣ нарушилъ печеніе природы. Онъ умеръ, какъ бы и честной человекъ; но по смерти все его имѣніе, по челобитью разоренныхъ онъ него, описано, и отдано въ удовольствіе обиженнымъ. Жена его лишилась почти пропитанія за то, что польстилась богатствомъ на грабленымъ, и вышла за одни шоль-

ко

ко деньги. Сказка сія кончилась, подтвержда справедливостъ пословицы: Неправое собраніе прахъ!

Два брата соперники.

У нѣкопорого Дворянина рѣдился въ одинъ день два сына, столь другъ на друга схожіе, какъ двѣ капли воды. Хотя имяна имъ были розныя; но сіе не мѣшало ошибаться въ различеніи ихъ, такъ что за преступленіе одного нѣрѣдко былъ наказыванъ другой. Они выросли велики, и удержали въ себѣ по же сходство. Старшій изъ нихъ назывался Угрюмъ, а младшій Невзоръ. Названіе сіе согласно было ихъ нраву: ибо Угрюмъ любилъ молчанье, а Невзоръ глядѣлъ въ землю.

Угрюмъ не охотникъ былъ драться, и для того не пошелъ въ военную службу. Онъ сидѣлъ тогда въ Приказѣ, когда меньшой пре-

препоясалъ по бедрѣ своей мечъ. Оставимъ описаніе того, какъ пошѣли они, Угрюмъ съ перомъ, а Невзоръ подѣ солдатскою сумою. Довольно сказать, что первый получилъ достоинство Секретаря, а послѣдній Капитанскій чинъ. Съ сего часа наступаетъ время, вывести ихъ предѣ глаза господъ чиншателей, и дать каждому изъ нихъ играть свою роль.

Экстракты и выписки не мѣшаютъ приказнымъ служителямъ удѣлять время на посвященіе онаго Бахусу и Венерѣ, и перья не сильныя оборонитъ ихъ отъ стрѣлъ Купидоновыхъ. Угрюмъ идучи нѣкогда по улицѣ, невзначай возвелъ умильный взоръ на окошко нѣкагого дома, въ которое смотрѣла пригожая дѣвица. Глаза ихъ повстрѣчались, и при первомъ свиданьи безмолвнымъ образомъ сказывали, что имъ глядѣть другъ на друга не скучно. Не знаю я того, мигалили они бровями, или подергивали усами,

ми, или инако изъясняли взаимную склонность. Я того не вѣдаю, для того что не былъ при томъ, а слышалъ, что Угрюмъ разинулъ ротъ съ радости, и проглотилъ въ него фунтовъ съ двадцать любовной оправы. На другой день, не преминулъ онъ нѣсколько разъ пройти мимо того мѣста. Постоялъ, поглядѣлъ, премолилъ нѣчто, слышалъ опшѣты, и корешко сказать: сдѣлаясь влюбленъ и взаимно любимъ. Свиданія ихъ были уже не сквозь окошко, а въ пошмахъ въ одномъ чуланѣ, на углу двора стоящемъ. Оставимъ Угрюма при солнечномъ сіяніи марасть бумагу, а при мѣсячномъ свѣтѣ драсть плащъ, лазя чрезъ заборъ въ чуланъ къ своей богинѣ; а обратимся къ Невзору. Сего военная служба, обхождение съ людьми, и новый чинъ совсѣмъ переродили, и онъ вмѣсто земли, спалъ смотрѣвъ уже на небо; и естлибъ не носилъ воинскаго мундира, почлаи бы

бы его Аспрономомъ, наблюдающимъ шечение звѣздъ. Онъ пріѣхалъ въ ночь городъ, гдѣ братъ его засѣдалъ въ Приказѣ, для нѣкотораго полковаго исправленія.

Невзоръ вышелъ нѣкогда прогуляясь, и шелъ мимо самаго пово дома, гдѣ братъ его (не зная про его прибытіе, потому что и Невзоръ не вѣдалъ что Угрюмъ тушь Секретаремъ) выронилъ сердце. Другая дѣвица, сестра первой, смотрѣла тогда въ окно. Какое дѣйствіе имѣла первая на Угрюма, равное произошло между послѣднею и Невзоромъ, только не приказнымъ слогомъ, а по солдатски: то есть безъ приложенія слова понеже, и нѣсколько живѣе. Удобнѣе къ свиданію мѣста не было, какъ ночь же чуланъ, гдѣ первая пара дѣлила бодрственно часы надлѣжащія сну. Невзору назначено было тудыжъ прійти. Приказъ сей не преминулъ онъ исполнить, и былъ уже тогда въ чуланѣ,

нѣ, когда пишина владычествовала во всемъ городѣ, природа покоилась во объятіяхъ дремоты, и никого по улицамъ было не видно, кромѣ Угрюма, который шакже шелъ посѣпить свою любовницу. Свѣтлая ночь казала безъ ошибки все то, на что вздумалось бы кому возвести взоры свои. Невзорова дорогая, неизвѣстно для чего, не могла устоять на словѣ, чтобъ выпши въ потъ чуланъ, гдѣ онъ ее дожидался. Она не зная про его прибытіе сѣла подъ окно, и поспрашивала въ то мѣсто, откуда должно было ему итти. По случаю Угрюмъ слѣдовалъ тѣмъ же путемъ, и не глядя на окно, пробирался прямо въ чуланъ. Сходное лице, ровный станъ и одинакая походка, обманули Невзорову любовницу. Онъ былъ ею остановленъ, и слышалъ извиненіе. Не осердись, душа моя! говорила она, что я при первомъ случаѣ принуждена тебѣ солгать. Естли бы

Часть IV.

И

воз-

возможность дозволила мнѣ: я по-
лешѣла бы обнять себя. — Домъ
потѣ былъ о двухъ жильяхъ, и
Угрюмъ принужденъ приподнять
голову, чтобъ посмотреѣть, кто
его кличетъ. А! вы шутъ, ошѣ-
чалъ онъ, не примѣтя, что это не
Лукерія (имя его любовницы); но
Василиса (такъ звали Невзорову
драгую). Я думалъ, продолжалъ
онъ, почесавши вголову, что вы
ужѣ шамъ. Однако нѣтъ ничего,
мы и завтрѣ увидимся, и пошелъ
мимо, бывъ недоволенъ худымъ
успѣхомъ своего желанія. Онъ не
слушалъ съ сердцовъ, что Васили-
са еще говорила ему, и продолжалъ
шаги, между тѣмъ какъ она удив-
лялась, холодности своего любов-
ника.

Во время сего происшествія
Невзоръ, сѣдящій въ чуланѣ, уви-
дѣлъ женщину, идущую къ нему
прямо, и несущую подъ полою фо-
нарь. Лукерія была по, спѣша-
щая обლობызать своего Угрюма, не-
вѣду-

вѣдушая, что мѣсто его заступилъ Невзоръ, и что любезному ея оказано ошибкою отъ сеспры ея. Невзорово сердце вспрыгало отъ радости. Онъ счелъ ее за Василису, и приготавливалъ въ мысляхъ нѣжныя слова, съ коими хотѣлъ ее встрѣтить. Глаза его устремлены были въ отверстіе разпворенной не множо двери, и пожирали съ жадностію красы мнимаго своего предмета. Но сколь онъ ужаснулся, когда вмѣсто черноволосой, узрѣлъ приближившуюся къ себѣ бѣлокурую дѣвку! Сердце его уже не прыгало, а препетало другимъ образомъ, и дрожащія подколѣнки едва держали леденѣющее отъ страха его шѣло. — Ахъ, нелегкое несетъ ее! ворчалъ онъ прерывающимся голосомъ. За чѣмъ она идетъ сюды? — Любовная мысль совсѣмъ выскочила въ пошъ часъ изъ головы ея, а наполнила оную десятицкими, копорые предспавлялись ему, шестпуюцими

юдами съ шочеными дубинками на крикъ хозяевъ, числащихъ его за одного изъ нихъ, кои безъ доклада хозяевъ переводяшъ пожники изъ чужаго дома въ свой. Въ робости онъ думалъ ужè, что его ведушъ въ Полицію. Препалъ я! повпорялъ онъ неоднократно, спрятавшись за дверь. Лукерія вошла въ чуланъ, и дополнила ужасъ его, сказавши: Кшо пушъ? — Невзоръ молчалъ, а она поглядывая по угламъ сказала еще: Тупъ ли ты? — Фонарь, опкрывшій своимъ свѣтомъ убѣжище Невзорова, принудилъ его искать спасенія бѣгомъ. Онъ бросился; но по нещасію зацѣпясь за неровный полъ, напкнулся на Лукерію, и сшибъ ее съ ногъ. Сія неудача привела его въ безпамятство, такъ что онъ забылъ и о уходѣ. Лукерія не меньше его испужалась, почтя его доморымъ, и такъ смутилась, что въ поропяхъ ухватила его руками за обѣ ноги кафшана.

Не-

Невзоръ опамятовавшись нѣсколько, началъ порываться; но Лукерія держала его крѣпко, такъ что не сдѣлавъ превеликаго спуска не можно было ему высвободиться. Онъ дрожа, что есть силъ, препоручилъ судьбу свою щаспію, ожидая слѣдствія. Между тѣмъ Лукерія пришла въ себя, и при свѣтѣ фанаря, не погаснаго въ паденіи, увидѣла лице Невзорова, и въ тотъ же мигъ ошиблась, сочтя его за своего любовника. Возможно ли? сказала она смѣючись; это ты!... Какую ты сѣигралъ со мною шутку? Вѣдь я испугалась до смерти! — Что было отвѣчать на сіе Невзору, какъ къ спраку своему прибавишь удивленія. Онъ не видывалъ ее съ роду; а слышалъ по, какъ бы былъ ей корешко знакомъ. Молчанье же было не къ спашу, и такъ говорилъ ей: „Пожалуйпусти меня, милоспивая государыня. Я не тотъ, который вамъ знакомъ.“ — Переспань шу-

И 3

„пишь;

„пишь; ты мнѣ не знакомъ?
 „Что ты говоришь? — „Я не
 „могу иначе изъяснить. Я васъ
 „къ несчастію моему вижу въ
 „первый разъ. „ — Изрядно! по
 „этому и я себя не знаю. А вчерась
 „ша. . . . Полно шупишь, не къ
 „спаси припворничаешь! — „Какъ!
 „я вчерась. . Я . я! . . . это чуд-
 „ная для меня задача. . . Пожалуй-
 „те оставше меня. — „Ахъ!
 „какой ты шупникъ! хочешь меня
 „изъ ума вывести, будто бы я
 „такая дура, что не могу разли-
 „чить любезнаго моего отъ чело-
 „вѣка незнакомаго, . . — Невзоръ не
 „зналъ, что ей отвѣчать и замол-
 „чалъ блѣднѣя отъ страха, чшобъ
 она не закричала: воры!

Когда Невзоръ молчалъ и блѣ-
 днѣлъ, а Лукерія прибиралась къ
 нему, такъ какъ бы она жила съ
 нимъ сто лѣтъ въ союзѣ. Угрюмъ
 въ то время, подшелъ къ самому
 тому чулану, и увидя во ономъ
 огонь, заглянулъ въ скважину. Но
 сколько

ѣколь онѣ оробѣлъ, увидя челоуѣка совѣмъ на себя схожаго во обѣлшїяхъ своей любезной, которая приголубливала его очень ласково. Онѣ заключилъ, что сіе нечистый духъ, принявшій на себя его образъ, чтобъ сдѣлать шупку между имъ и его любовницею. Сіе принудило его прятаться и опснупать назадъ присѣдая. Особливо увѣрился онѣ тѣмъ больше, что не могъ понять, какъ такъ скоро драгая его изъ верхняго жилья дому, перебѣжала черезъ дворъ, и очутилась въ чуланѣ. Естлибъ былъ онѣ суевѣренъ: то скоро бы о семъ прошла исторія по всему городу, прибавили бы еще кой что, и наконецъ увѣрили бы, что видѣлъ онѣ сто чершей и съ рогами. По щасію былъ онѣ не изъ числа шѣхъ, кои слѣпо вѣрятъ привидѣніямъ, и припомня, что духъ не можетъ входить до осязанія, вспылалъ онѣ ревностію, и возвращаясь, примѣчалъ, что произойдетъ далѣе.

Лукерія ожидала больше неже-
 ли молчанія отъ мнимаго своего лю-
 безнаго. Холодность его удивляла
 ее крайне. Что тебѣ сдѣлалось?
 моя радость? говорила она. Оне
 сердитѣ ли ты на меня?... Я не
 знаю, чѣмъ бы я заслуживала гнѣвъ
 твой! — „Нѣтъ сударыня, я не-
 „ сердитѣ. Вы не подали никакой
 „ къ тому причины; но я немнож-
 „ ко беспокоюсь „. — О чемъ? —
 „ Что я ошибся „. — Ахъ! въ
 чѣмъ это? — „Что я не въ часъ за-
 „ шелъ сюда. „ Вотъ изрядно! ра-
 „ звѣ вамъ скучно меня видѣть? —
 „ Нѣтъ, я не скучаю, но я не о-
 „ жидалъ васъ къ себѣ „. — Ахъ! не
 явной ли знакъ своей холодности?
 Какъ можно тебѣ вздумать, чтобъ
 я перемѣнилась, и забыла ишши
 къ тебѣ? — „ Вамъ не было при-
 „ чины меня помнить, для того
 „ что сердце ваше надѣвжистѣ дру-
 „ гому „. — Нѣтъ, жестокой! пере-
 рвала она рѣчь его, разсердясь, ра-
 звѣ я лишилась твоего? Ругайся мо-
 его

ею слабостию; и мучь меня за то, что я люблю себя больше жизни. За чѣмъ шы, немилосердый, мнѣ льстишь, когда мнѣ измѣняешь? Презирай, презирай; я достойна сего, что не оссторожно опдалась во власть невѣрнаго.

Невозоръ не могъ заключить инаго, какъ шелько, что попался онъ съ ума сшедшей. Ужасъ владычествовалъ имъ шѣмъ больше, чѣмъ рдѣлась отъ досады Лукерія, и чѣмъ спранныѣ казалась ему рѣчь ея. Онъ избираалъ, что предпрять. Оставивъ ее, боялся сдѣлать шревогу; молчалъ, опасался, чтобъ его не удавила; ласкался къ ней не имѣалъ онъ склонности. Однако вздумалъ, что лучше дѣлалъ ей угодное, и высмотрѣвъ случай, направилъ стопы свои въ бѣгство; по чему и началъ говорить: Вотъ какъ можно полагаться на любовь твою, когда и малая шутка, возбудила въ тебѣ великій гнѣвъ! Хорошо, душа моя,

И 5

виредь

впредь буду я оспорожнѣе. Онѣ хотя и не охотно, но поцѣловалъ ея руку, и шѣмъ въ одну минушу возвратилъ весь пламень въ грудь ея. Она извинялась, что пронула его ложнымъ подозрѣніемъ, и возобновила прижиманіе и поцалуи.

Угрюмъ, у коего во все время ихъ разговора сохло во ршѣ, пораженъ былъ крайнею ласкою своей любезной къ его совѣспнику. Ревность заскребла его по сердцу, и онѣ не вытерпѣвъ споль явной измѣны, пылая гнѣвомъ, бросился чрезъ заборъ. Но какъ глаза его спремились къ чулану; то и не усмотрѣвъ онѣ наваленнаго внутри двора къ стѣнѣ коштра дровъ, на которомъ ноги его скользнувши, съ крайнимъ спухомъ, паденіемъ многихъ полѣнъ, и совокупно шѣла его, спустили господина Секретаря на землю. Тогда къ гнѣву его вмѣспился спрахъ, чтобъ кто не услышалъ, и смутилъ его сполько, что онѣ

не

не примѣшилъ , какъ равно испуганный громомъ паденія дровъ Невзоръ , поспѣшно отправился чрезъ шопъ же заборъ въ домъ свой. Лукерія споль же неохотно слышала спукъ. Она погасила свѣчу, и не сочла за благо вытши изъ чулана. По шаспію въ домъ всѣ спали крѣпко, и никшо не вышелъ поднятъ съ земли Угрюма , да въ шомъ и нужды не было Онъ самъ вспалъ , и не видя никого, вошелъ въ чуланъ , осыпая укоризнами Лукерію за ея невѣрносшь. — Опомнись , опомнись , говорила она; что тебѣ сдѣлалось? Не съ ума ли ты сошелъ? Ты олять по давешнему начинаешь бредить. Скажи лучше , кто шамъ спучилъ , и не видалъ ли кого? — „ Развѣ ты „ сошла съ ума , что хочешь сдѣ- „ лать изъ меня дурака , и дурака „ шаковаго , кошорый бы вѣрилъ „ словамъ твоимъ , а не глазамъ „ своимъ „ — Да что ты ви- „ дѣлъ? — Невѣрносшь твою , без- спыд.

стыдство. „ — Какое? — „, Вотъ
 „, нарядное притворство! Она хочешь
 „, меня водить за носъ; но сего не
 „, удастся. Развѣ не я видѣлъ того
 „, мужчину, когото ты, безстыдная,
 „, обнимала? „ — Ахъ! ахъ! . . .
 Сопвори молитву, въ тебѣ горячка,
 ты ревнуешь самъ къ себѣ. Я
 никого кромѣ тебя не видала, и
 не думала, чшобъ обыкновенныя
 мои ласки могли помѣшать тебѣ,
 . . . Но я и давиче примѣчала,
 что ты въ безпамятствѣ. — „ Я
 „, сколькожъ въ памяти, сколько ты
 „, безстыдна. Ты не можешь сдѣ-
 „, лать меня безумнымъ, хотя те-
 „, бѣ того и хочется. Чшо ты ни
 „, говори, а я довольно увѣренъ, что
 „, ты похабная, и шакая волочайка,
 „, кошорая всякому ешдашь сердце
 „, въ состояннн „.

Лукерія совѣмъ смутилась
 отъ словъ сихъ. Знала свою невин-
 ность: ибо о ошибкѣ не видала.
 Она сердилась, дивилась, ужаса-
 лась, не знала, что начать, и
 сму-

ощущаясь долго, заключила, что
 Угрюмъ дѣйствительно или въ
 горячкѣ или съ ума спятилъ. По
 чему опасаясь, чтобы онъ не
 убилъ ее, съ поропоспѣю оставя
 его побѣжала въ свою комнату.
 Угрюмъ, считающій шо явнымъ
 признаніемъ въ ея винѣ, провож-
 далъ ее ругательствомъ, и напол-
 ненный досады, пошелъ домой.
 Дорогою удивлялся онъ, куды бы
 скрылся шотъ его соперникъ, ко-
 его онъ явственно видѣлъ во
 объяшяхъ Лукеріи, невинно по-
 чищаемой невѣрною. Точное анаго
 съ нимъ сходство приводило его
 во изумленіе, и онъ мало по малу,
 зачалъ вдаваться суевѣрію, заклю-
 чая, что никто иной какъ духъ
 могъ принять на себя видъ его,
 обмануть Лукерію, и оячь въ
 глазахъ его изчезнувъ, произвѣсти
 въ немъ подозрѣніе, разсердить
 шѣмъ его любовницу, и приключи-
 ть между ими подозрѣніе. —
 Такъ, конечно шакъ, ворчалъ онъ
 доро-

дорогою , я ошибся , и драгая моя невинна. Дѣло сіе злаго духа , кошорый сердясь за мои надѣ нимѣ насмѣшки , изобрѣлъ и для меня сію шушку. Пойду завтрѣ опять , изѣяснюсь Лукеріи , и принесу ей повинную. — Такъ заключа дожидался онѣ другаго вечера.

Между шѣмѣ братье его Невзорѣ съ своей споронѣ , немножко досадовалѣ на Василису , обманувшую его въ выходѣ на свиданіе , дивился чудной встрѣчѣ , по мнѣнію его съ сумазбродною , и собирался опять видѣться съ своею любезною. На таковый конецѣ описалѣ къ ней письмецо , попѣнявѣ немножко за то , что она не вышла въ назначенное мѣсто , а чрезѣ то довела его до удивительной встрѣчи , и не большаго спраха ; о чемѣ онѣ можетѣ изѣяснить ей тогда , естѣли прикажетѣ она ему гдѣ нибудѣ увидѣться съ собою по наступленіи ночи. Отвѣстѣ се былѣ короткій , и сходный съ желаніемѣ

Не-

Невзора ; для того что въ двѣнадцатъ часовъ , велѣно ему приходить опячь въ погѣ же чуланъ. Невзоръ и Василиса были соспояннѣемъ своимъ довольны , и ждали нѣсколько нетерпѣливо часа , какъ поулягутся люди спать.

Но Лукерія весьма безпокоилась. Она не знала , что думать по обращенію своего драгова. Досада ея была бы чрезмѣрная, есшьлибы не чаяла , что любезной ея заболѣлъ шѣломъ или разумомъ ; а какъ Угрюмъ днемъ къ ней не описалъ , ни самъ не появился : шо и пуше она смушилась. Послала бы она навѣдаться ; но къ несчастію повѣреннаго слуги ея не было въ погѣ день дома. И такъ она цѣлый день безпокоилась отъ досады , удивленія и жалости. Оспавимъ ее до того времени , какъ рокъ изведетъ ее къ новому зрѣлищу для ея смущенія , и обратимся къ шѣмъ особамъ , кои по порядку играли роли свои въ семъ смѣшномъ происшествіи. День

День нахмурился, и спряшался
 подъ мрачную ночную крышу.
 Звѣзды просыпались отъ сна, и
 моргали посреди блѣднаго неба.
 Люди зачали зѣвать, дремать, и
 мало по малу всѣ поулыглись; хопя
 не въ цѣломъ городѣ, по крайней
 мѣрѣ въ домѣ томъ бодрствовали
 только Лукерія да Василиса. По-
 слѣдняя, прокралась молчкомъ въ
 назначенный чуланъ, и въ пошья-
 махъ съ дрожащимъ сердцемъ
 дождалась Невзора, который при-
 бирався на свиданіе, распочалъ
 ароматныя воды и помады на
 голову свою и плашье, а чрезъ то
 замѣшкался, и дадь время, сму-
 щенному Угрюму припши въ
 чуланъ, для новаго замѣшатель-
 ства.

Мѣсяцъ подралъ уже глаза,
 и полнымъ блескомъ ударялъ въ
 шо мѣсто, гдѣ Василиса увидѣла
 приближающагося къ себѣ Угрюма,
 и сочла его за Невзора. Я уже
 здѣсь, сказала она, когда вошелъ
 онъ

онъ въ чуланъ. Я чрезъ по очера
 щаспливъ, отвѣчалъ онъ, что могу
 извинить себя въ томъ, чѣмъ
 досадила вамъ вчерась. Согласитесь
 ли вы обще со мною повѣрить,
 что нечистый духъ сѣгралъ съ
 нами шупку, и произведя мечпу,
 обмануаъ меня, сдѣлалъ то, что
 я крайне предъ вами неосторож-
 ностью моею сполько виновашъ?
 Но лзя ли въ томъ и не ошибиться!

Василиса не разобрала словъ
 Угрюмскихъ, и съ своей споронъ
 говорила ему: Такъ, душа моя, я
 виноваша, что васъ обманула, но
 прошиву моей воли. Мнѣ никакъ
 не лзя было ошорваться: сеспра
 моя не спала. — „Какъ! вы меня
 „ обманули! Какимъ образомъ „ —
 Я вамъ сказывала, что не хошѣла
 шого — „Какъ же? не хошѣла и
 „ обманула, „! — Сеспра моя пому
 причиною — „Сеспра ваша велѣла
 „ вамъ, а вы и послушались? Изъ
 „ сего я вижу, что чоршъ напрас-
 „ но прешерпѣлъ отъ меня подо-
 Часть IV. I „ зрѣнне,

„рѣніе, и что ты невѣрна мнѣ
 „въ самомъ дѣлѣ,, — Я вамъ не-
 вѣрна! по чему? Откуда взя-
 ли вы сіе подозрѣніе? — „Развѣ
 „не я видѣлъ тебя вчерась въ
 „самомъ семъ мѣстѣ съ моло-
 „дымъ мужчиною, коего ты обни-
 „чала,,? — Ахъ! опомнись, бапюш-
 ка, когда я здѣсь вчерась
 была? — „Вотъ не худо! Пришво-
 „ряйся, сударыня; но знай, что я
 „не дуракъ, и что въ послѣдній
 „нога моя въ семъ мѣстѣ!,, —
 Вотъ изрядный опытъ любви, и
 хорошее привѣтствіе отъ любов-
 ника, видящаго въ первыя свою
 любовницу! Такъ-то можно вѣрять
 льстецамъ мужчинамъ! — „Я не
 „льстецъ, и вижу тебя не въ перь-
 „вые; но до сѣхъ поръ не зналъ,
 „что ты непотребная. Я самъ
 „скажу: Такъ-то можно полагаться
 „на увѣреніе такихъ негодныхъ,
 „какова ты,,!

Споль нѣжное привѣтствіе отъ
 внимаемаго любовника, совсѣмъ сму-
 шило

пило Василису. Она не знала, что начашь, и что заключишь. Угрюмб ее ругалъ: она молчала; но вышедъ изъ шерибнїя, начала сама его ругать. Во время сей ссоры Лукерїя шла навѣдаться, не пришелъ ли ее любовникъ, отъ коего желала она узнать яснѣе, въ разумѣ ли онъ или повредился. Фонарь, который она принесла подъ полою, освѣтилъ чуланъ при входѣ ее въ оный. Всѣ трое другъ друга увидѣли, и всѣ равно опорошѣли, сестры свидѣвшись прошиву, чаянїя, а Угрюмбъ, узнавъ свою ошибку. Лукерїя не долго робѣла, а наполнилась гнѣва, почтя сестру свою за ту совмѣстницу, которая отбемлетъ у ней сердце ея любовника. Угрюмбъ первый началъ извиняться предъ Василисою, что ошибкою бранилъ ее вмѣсто Лукерїи. — Такъ, припворяйся, говорила Лукерїя; ты предпочелъ мнѣ сестру мою. Для того ты ты вчерась и клепалъ меня невѣрно-

I 2

сшью,

спью, что я помѣшала тебѣ въ свиданіи съ нею. — Угрюмъ робѣлъ, смушался и молчалъ тогда, какъ Василиса, считающая его за Невзора, начала ему сугубые выговоры. Изрядно, господинъ льстецъ! сказала она; я очень довольна, что слабосиль моя къ тебѣ не дошла до крайности, и что щаспие открыло мнѣ подлую твою душу. Ты обманулъ сестру мою, и хопѣлъ тоже и со мною сдѣлать. . . . А ты, сесприца, не сердись на меня. Я совсѣмъ не вѣдала, что онъ тебѣ знакомъ. — Такъ! подхватила Лукерія, ты еще молода надо мною смѣяться, и не думай, чтобы я не могла догадаться, къ чему клонящся твои прищворствы! Василиса клялась ей, что говоритъ правду; а Угрюмъ съ своей стороны собиралъ все Секретарское Краснорѣчье, чтобы оправдаться предъ Лукерьею. Я васъ въ перьвые вижу, говорилъ онъ Василисѣ. — Въ

— Въ перьвые? то-то не худо!
Развѣ не ты попѣ, коего я вида-
ла часпо ходящаго мимо оконъ на-
шихъ? Не ты ли спарялся со мною
познакомишься? Не ты ли говорилъ
мнѣ о любви? Не тебѣ ли я сооп-
вѣщисповала, и не отъ тебя ли
слышала кляпву, что ты полю-
билъ, и будешь любить въ жизни
пвоей одну только меня? Не те-
бѣ ли я вчерась велѣла припши
сюда; и какъ мнѣ выпши было не
можно; то ты писалъ нынѣ ко
мнѣ съ упреками? Я на письме
твое отвѣчала, и дозволила прип-
ши сюды. Ты и пришелъ; но при-
шелъ бранишь меня, и обманушь
насъ обѣихъ.

Слова сіи Угрюму таковыжъ
казались спранны, какъ Кипайская
грамота. Онъ смущался, и искалъ
оправдаться; но обѣ сеспры ниче-
го не слушали, и ругали его изъ
всѣхъ силъ. Угрюмъ клялся, сно-
силъ терпѣливо, и наконецъ она-
го лишился. Такъ, безстыдница,

сказалъ онъ Лукеріи, ты лучше сего не могла избрѣсти средства во оправданіе твоей, вчерась примѣченной мною невѣрности, какъ согласить сію женщину, . . . сестра ли она твоя, я того не вѣдаю. . . . чшобъ она всклепала на меня, будто бы я изъяснился ей въ любви, и тѣмъ бы спалъ предъ тобою виноватъ; а ты бы оправилась въ твоей невѣрности. Послѣ сего брань сдѣлалась общая. Всякъ съ своей стороны старался оказати въ помѣ свое искусство. Угрюмъ ругалъ больше Лукерію, а сія его и сестру, которая помогала ей бранить Угрюма, а къ спашу и самое пошчивала шипуломъ К*. Можно видѣть по обстоятельствамъ, что шумъ скоро бы дошло до драки; но рокъ удержалъ ихъ на нѣсколько, желая сдѣлать равный бой, приближая къ нимъ чепвертаго Невзора. Оставимъ брань и взглянемъ на нее.

Не-

Невзоръ распудренный, рас-
прысканный благовонными водами,
съ спрасною мыслію, съ нѣж-
нымъ сердцемъ и пламеннымъ же-
ланіемъ, тихими шагами, при-
ближается къ назначенному мѣ-
сту. Онъ не ожидаетъ столь спран-
ной встрѣчи, каковая ему гомовиш-
ся, и имѣя голову, наполненную
предестыми любезной своей Васили-
сы, не мыслитъ ни о чѣмъ дру-
гомъ даже и о ошорожности, чтобъ
кто не примѣшилъ его. Высту-
паетъ, какъ солдатъ, на опасность
не взирая, перелазитъ заборъ,
приходитъ къ чулану, и въ замыш-
леніи не слышитъ шуму, произ-
ходящаго отъ ссоры. Онъ сдѣлалъ
вдругъ при дѣла, вошелъ въ чу-
ланъ, удивился, и испужался, не
меньше отъ того, что нашелъ
свою любовницу не одну, а съ по-
варищами, какъ и видя человека
во-всемъ на себя схожаго. Что
было ему подумашъ кромѣ, что
онъ попался въ рѹки хозяевамъ, и

что его потчасъ приѣмутъ, какъ вора. Все оное произвело въ немъ, что подколки его задрожали, морозъ дернулъ по кожѣ, и онъ ошолбенѣвъ, спалъ выпуча глаза.

Осталимъ его въ такомъ положеніи, и взглянемъ напрочихъ.

Естли испужался Невзоръ, взглянувъ на брата, Лукерію и Василису: то не меньше поражены были и они. Василиса кричала: Ахъ! эпо онъ! вопъ мой любезный; мы ошиблись. Мундиръ различилъ его въ глазахъ ея съ штапскимъ кафтаномъ Секретарскимъ. Угрюмъ вопилъ: Эпо онъ, мой злодѣй, мой соперникъ, любовникъ невѣрной Лукеріи. Одна только Лукерія замолчала и не знала, что начать, удивляясь сходству Невзора и Угрюма. Капитанъ такъ же нѣсколько пребывалъ безмолвенъ, поколь прошелъ его ужасъ, и разобралъ, что то не хозяева, и бояшья ихъ причины не имѣеть. Что ты за чортъ?

Чортъ? — сказалъ онъ свирѣпо
шолстымъ голосомъ Угрюму. За
чѣмъ тебя не легкое сюда занес-
ло? — Развѣ ты сапана, (отвѣ-
чалъ Угрюмъ) принявшій на себя
мой образъ, чпобъ смутить меня
съ моей любезною? — Поспой!
вскричалъ Невзоръ; я научу тебя,
какъ со мною говорить, и еспьли
бы ты и въ самомъ дѣлѣ былъ
чортъ, то я тебѣ передомаю
ребры. — Сказалъ и окропилъ
Угрюма палкою черезъ лобъ.
Угрюмъ поддахся не хопѣлъ, и
схвашилъ его за волосы; Невзоръ
тому же послѣдовалъ. Куды по-
летѣла пудра, куды дѣвались
пукли. Волосы ихъ спали дыбомъ,
и отъ непорядочнаго чесанья кло-
ками падали на землю. Пусть
ихъ паскаются, взглянемъ на
сестрицъ. Сии разладили во время
сраженія своихъ любовниковъ, и
имѣя уже причину къ несогласію,
возобновили оную. Ты похабная,
сказала Василиса; отъ тебя про-

исходитъ весь шумъ, который нанесетъ намъ бѣду! — Нѣтъ, отвѣчала Лукерія, ты, негодная, смутила меня съ моимъ любезнымъ, позволя припши какому то волочажному. Словомъ, они говорили часъ ошъ часу крупнѣе, и прежде нежели вздумали уйти, чтобъ кто прибѣжавъ на шумъ, не засталъ ихъ шупъ, вцѣпилися взаимно въ косы, и усугубили побоище. Долго ли они паскались, я не вѣдаю; однако, пора мнѣ ихъ помирить. Я не хочу, что бы они повыдрали другъ у друга всѣ волосы, и оплѣшивъли. Невзоръ ошупалъ у Угрюма на лѣвомъ вискѣ родинку, состоящую въ шишкѣ съ Грецкій орѣхъ. — Ахъ! поспой, вскричалъ онъ: Ты мой братъ Угрюмъ! Тотъ остановился, выпросталъ рѣки изъ волосъ, и смолря приспально, позналъ своего брата. Ахъ! ты Невзоръ? сказалъ онъ. Какимъ чуднымъ образомъ мы съ

шо-

побою сошлись? Вотъ изрядное свиданіе! — Они любили другъ друга прямо по брацки, и отъ радости забывъ все, начали обниматься. Сестры такъ же оспанивились, и съ удивленіемъ смотрѣли на происходящее. Какъ ты здѣсь очутился любезной Невзоръ? сказалъ Угрюмъ. За чѣмъ ты здѣсь? дражайшій братъ! Отвѣчалъ Невзоръ. — Я присланъ сюды отъ полку для подряду вещей. — А я здѣсь Секретаремъ въ Приказѣ. Помиримся, и забывая прошедшее, изъяснимся, какая причина снесла насъ въ сей чуланъ. — Невзоръ началъ: Я влюбился въ сію дѣвицу (указывая на Василису). Она соотвѣтствовала моей спра-
спи, и вчерашній день назначили мы къ свиданію сіе мѣсто. Я пришелъ сюды такъ тайно, что никто не видалъ, и дожидался драгую мою къ себѣ; но по безчаштію, пожаловала ко мнѣ эта (указалъ на Лукерію). Я испужался;

ея; а она конечно ошибкою сочтя меня за себя, начала оказывать ласкашельствы, и говорила о дѣлахъ, совсѣмъ мнѣ неизвѣстныхъ. Я счелъ ее съ ума сшедшею, и желалъ поскорѣе выдраться изъ ее рукъ. Въ то время заспучалъ нѣкто; конечно былъ это ты? А я пользуясь смященіемъ отъ произшедшаго стуку, и не ожидая отъ того себѣ добраго, вырвался изъ объятій меня обнимающей, выскочилъ вонъ, и ушелъ домой. Я писалъ нынѣ къ моей любезной, и она отвѣчала мнѣ, приказывая сюда прийти. Я пришелъ, нашелъ васъ здѣсь; а прочее вамъ извѣстно.

Урюмъ изъяснилъся, что онъ влюбленъ давно, и что вчера, увидя его, возревновалъ, и шѣмъ больше, что не воображалъ его въ здѣшній городъ прибытія, не слыжавъ о немъ съ самаго своего всупленія въ службу. Короче сказаешь, объявилъ все, касающееся до

до объясненія сей повѣсти. Все четверо влюбленныхъ познали свою ошибку, и помирясь возобновили кляпвы о вѣчной вѣрности. Нежные обниманія ихъ на долго бы продержали ихъ въ радостномъ восторгѣ: естли бы хозяинъ дому, того Дворянинъ богатый, услышавъ въ окно происходившій въ чуланѣ шумъ, и увидѣвъ свѣтящійся огонь, не полюбопытствовалъ припсти шуды посмотрѣть причину онаго. Но сколь онъ удивился, ужаснулся и разсердился, увидя дочь свою и двоюродную племянницу съ незнакомыми людьми весьма ласково бесѣдующихъ! Онъ заперъ всѣхъ ихъ въ чуланѣ, скликалъ людей, и вошелъ къ нимъ съ обнаженною шпагою. Я думаю, что неохотно взглянули они на сего гостя; а особливо Угрюмъ, не видавшій, какъ шпага оскаливаетъ зубы, прусилъ во всю свою молодецкую мочь.

Хо.

Хозяинъ дома былъ человекъ
 разумный, какъ свидѣтельству-
 ютъ по слѣдующія его слова, кои
 произнесъ онъ безъ запальчивости:
 „Слушайте, государи мои! ска-
 „заль онъ, я не могу возвратишь
 „стыда мнѣ вами нанесеннаго;
 „а хопя и могу сдѣлать васъ не-
 „щастными, но не хочу того.
 „Избирайте одно. Вы должны
 „жениться на вашихъ любовни-
 „цахъ, или омышь кровію вашего
 „мое безчестіе! „

Чего лучше было желать
 Угрюму и Невзору? У нихъ гораз-
 до поотлѣгло на душѣ, и они
 припадъ къ ногамъ хозяина, из-
 виняли себя, что спрасъ при-
 нудила ихъ войти въ сію дер-
 зость, что намѣренія ихъ были
 честны, и что они съ радостію
 исполняютъ его и свое желаніе.
 Дворянинъ спросилъ ихъ, какого
 они рода, и узнавъ по фамиліи и
 отечеству, что они Дворяне не-
 убогіе, шогожь часа повезъ ихъ къ
 церкви,

церкви, послалъ за попомъ, и къ свѣту Угрюмъ сдѣлался его двоюроднымъ племянникомъ, а Невзоръ зятемъ. Они жили, или живутъ еще и по нынѣ благополучно и богато. — Я похваляю поступокъ Дворянина сбиравшаго сіи свадьбы; но во дни наши оный бы не годился: ибо нынѣ бракъ не на прежнемъ намѣреніи, и не смерть только оный разлучаетъ.

В с ю ш у л ъ.

AUG 25 1960

